

ЯРОСЛАВ ХАШЕК

# Снова Швейк!..

---

«КНИГА ДЛЯ ВСѢХ»



Jaroslav Hašek

# Urschwejk

und anderes aus dem alten Europa und dem  
neuem Russland.

Ярослав Хашек

# Снова Швейк!..

Веселыя похождения Швейка и его автора в мирное время, в Совѣтской Россіи и в Эстоніи.

С предисловіем, вступительной статьей  
Манфреда Георга и отзывом Ильи Эренбурга

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА ДЛЯ ВСѢХ“  
Рига, Ул. Свободы № 7.





Типография  
„ГЛОБУСЪ“  
Рига,  
Елизаветинск. ул. 22,  
Тел. 26636.



## От издательства

Не только в своей эпопее о похождениях бравого солдата Швейка во время войны, но и в кратких эпизодах его довоенной жизни чувствуется все значеніе Хашека как юмориста. Вряд ли существует другой писатель, который в такой же мѣрѣ обладал бы способностью одним — двумя штрихами улавливать комизм положенія и обрисовывать его с неповторимой выразительностью.

Особенно интересны переживанія Хашека во время гражданской войны в Россіи. Хашек, как извѣстно, служил рядовым в австрійской арміи и был захвачен в плѣн. Впослѣдствіи он состоял в чешских легіонах и перешел на сторону Совѣтов. За время своего пребыванія в совѣтской Россіи им написано множество рассказов, фельетонов и театральных пьесок. Большинство из написаннаго в этот період безвозвратно погибло и не дошло до современнаго читателя. Включенный в этот сборник рассказ о том, как он был назначен комендантом Бугульмы, написан послѣ возвращенія на родину. Особый интерес для нашего читателя представит повѣствованіе Хашека: «Он отряхает пыль со своих ног». В нем повѣствуется о возвращеніи на родину и его злключеніях в Эстоніи.

Один из талантливѣйших и своеобразных фелье-



тонистов современной Германіи Курт Тухольскій, укрываясь под псевдонимом Игнаца Вробеля, пишет: «Хашек — великій сатирик... Если бы он писал на англійском языкѣ, он достиг бы міровой извѣстности. И не потому, что милліоны людей понимали бы его язык, а потому, что милліоны людей испытывали бы тѣ же чувства, что и он. Хашек смѣется всечеловѣческим смѣхом.»

«Книга Хашека явилась для меня событіем. Я читал ее на русском, нѣмецком и французском языках. Великолѣпная книга — это именно то, что французы разумѣют под «l'action dirigée».

Впрочем, что не мое личное сужденіе. В Берлинѣ я говорил о Хашекѣ и его Швейкѣ с Георгом Гроссом, Эрнестом Толлером и другими — и всѣ они были в восторгѣ.»

Илья Эренбург.

(«Пр. Пр.»)



## Ярослав Хашек и Швейк.

Разрѣшите мнѣ представить вам, случайно натолкнувшимся на эти строки, моего новаго друга Швейка. Я уже немолод и нахожусь в том возрастѣ, когда без особой охоты раскрывают новыя книги — и это вам докажет, что тот, кого я сегодня хочу вам представить, дѣйствительно человѣкъ значительнаго калибра.

Это вас удивляет? Удивляет, потому что вы не находите в его внѣшности ничего примѣчательнаго? Это соотвѣтствует истинѣ. Его щетинистая голова, его нескладное тѣло, его добродушные, улыбающіеся глаза, его не слишком аристократическія ноги не возвышают его над остальным человѣчеством. Но взгляните в его лицо. Как эти глаза умѣют глядѣть на мір, как умѣют они подмѣчать в мірѣ и в населяющих его двуногих существах все смѣшное. Обратите вниманіе на эту лукавую усмѣшку в уголкѣ рта, на улыбку, исчезающую даже тогда, когда случается нѣчто ужасное. Поглядите на эту пятерню, которой легче драться, чѣм писать. А затѣм переживите столкновеніе Швейка с каким-либо из сильных міра сего.

Но я должен пояснить. Швейк был солдатом. Он чех, призванный в австро-венгерскую армію. Но не это одно вызывает в нем злобу против начальства.

Да он и не был, собственно говоря, зол. Они пожелали лишь вырвать его из спокойной жизни в пражском предмѣстьѣ и бросить в трагическую мѣшанину людей міровой войны. И им это удалось.

Швейку пришлось пробиваться сквозь міровую войну. Он был поставлен лицом к лицу с этой войной, так же, как и всякій другой, лишенный власти, рядовой. И тут он сдѣлал то, чего не слѣдует дѣлать: он принял всерьез все то, что происходило на свѣтѣ. Он отнесся ко всему настолько серьезно, насколько может отнестись ко всему круглый дурак. И тогда — война и мир показали себя в подлинном своем обликѣ, в том обликѣ, который ускользал от пониманія многих других окружавших Швейка.

Что такое всѣ документы и мемуары, в большинствѣ своем субъективно неполные и объективно лживые по сравненію с простыми переживаніями браваго солдата Швейка? Швейк был не только на фронтѣ міровой войны или на гражданском фронтѣ Россіи, он был также на фронтѣ человѣческаго сердца. Об этом нам рассказал его земляк Хашек. И когда всѣ утрачивали человѣческое, вели себя как животные, Швейк оставался человѣком и человѣчным. Без орденов, без подвигов, без болтовни о высоких матеріях. Но лишь с жаждой жизни и со здравым житейским смыслом. У Швейка тот же здравый смысл, тот же здравый ум, которым надѣлены герой голландской эпопеи Тиль Эйленшпигель и Чаплин. И когда этот здравый смысл сталкивается со многими житейскими явленіями, то кажется, что мір становится жалким и смѣшным и хочется над ним смѣяться. Хашек спас для человѣ-



чества смѣх и пронес его сквозь бурю событий, продумать которыхъ выше силъ человѣческихъ. Быть можетъ вы разрѣшите этой книгѣ занять немного мѣста на вашей книжной полкѣ? В часы, когда вы будете сомнѣваться в своихъ собратяхъ по человѣческому роду, раскройте эту книгу — она вамъ даруетъ в утѣшеніе умиротворяющій смѣхъ. Тотъ, кто такъ справился съ преступной глупостью послѣднихъ десятилѣтій, справится со всѣмъ, чѣмъ угодно.

И в этомъ смыслъ: да здравствуетъ Швейк!

Манфредъ Георгъ.

Снова Швейк!...



## I.

### Швейк выступает против Италіи.

Швейк пошел на военную службу с легким сердцем, и ему удалось и в Тріентѣ навести страх на весь гарнизон, включая и начальника гарнизона. Улыбка играла на устах Швейка, он был всегда любезен в обращеніи и, должно быть, поэтому ему приходилось всегда сидѣть под арестом.

А покинув мѣсто заключенія, он продолжал отвѣчать на всѣ вопросы не прекращая улыбаться. С безграничным спокойствіем позволял он себя упрятывать в кутузку и внутренне был счастлив тѣм, что всѣ офицеры Тріента побаивались его. И не в силу того, что он был груб, а потому, что он был всегда вѣжлив. От его вѣжливых отвѣтов, от его вѣжливаго обращенія и привѣтливой улыбки им становилось не по себѣ.

Стоило появиться в казарменном помѣщеніи дежурному офицеру, чтобы сидящій на койкѣ Швейк привѣтливо улыбнулся ему и сказал: «Осмѣлюсь доложить, хвала Господу Богу».

Лейтенант Валк при видѣ его привѣтливаго и открытаго лица заскрипѣлъ зубами и испытывает чертовское желаніе напаялить ему головной убор, согласно уставу. Но теплый и привѣтливый взгляд Швейка обезоруживает его.

В помѣщеніе входит майор Теллер. Лейтенант Валк бросает взгляд на вытянувшихся перед койками солдат и кричит:

— Швейк, принесите ружье.

Швейк добросовѣстно исполняет приказаніе и приносит вмѣсто ружья ранец. Майор Теллер гнѣвно смотрит на невинное лицо Швейка и переходит на чешскій язык: «Вы не знать, что есть ружье?»

— Осмѣлюсь доложить, нѣтъ.

И его ведут в канцелярію. Ему суют под нос ружье:

— Что это такое, как это называется?

— Осмѣлюсь доложить, не знаю.

— Это ружье.

— Осмѣлюсь доложить, что это сомнительно.

Его запирают в камеру и профос считает своим долгом заявить ему, что он осел. Его воинская часть уходит на тяжелое ученье в горы. А Швейк сидит себѣ спокойно за желѣзною рѣшеткой и улыбается.

Так как ничто не могло исправить его, то было рѣшено зачислить его в вѣстовые к вольноопредѣляющимся. Он прислуживал им за обѣдом и ужином в казино.

Разносил блюда, кушанья, вина и пиво, затѣм садился скромно у двери и время от времени, покупая папиросу, мурлыкал: «Осмѣлюсь доложить, лейтенант Валк очень бравый человек». И при этом, улыбаясь, пускал по воздуху кольца табачнаго дыма. Но инспекціонные офицеры заглядывали и в казино. Случалось, что какой-нибудь новый офицер имѣлъ несчастье спросить скромно стоящаго у двери Швейка, какой он роты.



— Осмѣлюсь доложить, с вашего позволенія, не знаю.

— Тысяча чертей, какой здѣсь расположен полкъ?

— Осмѣлюсь доложить, с вашего позволенія, я не знаю.

— Но, помилуй Боже, чѣловѣче, как называется этот город, в котором находится наш полкъ?

— Осмѣлюсь доложить, с вашего позволенія, не знаю.

— Послушайте, как вы вообще сюда попали?

Попрежнему ласково улыбаясь и привѣтливо глядя на офицера, Швейк объяснял: — «Осмѣлюсь доложить, что я родился на свѣт Божій, а затѣм меня послали в школу. Затѣм я попал в ученіе к столяру и кое-чему научился, потом меня отвели в харчевню и там мнѣ пришлось раздѣться донага. Через два мѣсяца за мною явились жандармы и отвели меня в казарму. В казармѣ меня осмотрѣли и сказали: «Парень, вы явились с трехнедѣльным запозданіем. И поэтому мы посадим вас за замокъ.» Я их спросил почему, потому что я вовсе и не собирался на военную службу и даже не знал, что такое солдат. Несмотря на мои слова, меня все-же заперли, а затѣм посадили в поѣзд и возили взад и вперед, пока не привезли сюда. Я никого не спрашивал, в каком мы городѣ, какой это полкъ и какая рота, потому что я не хотѣл никого обидѣть своими разспросами. А затѣм, послѣ перваго ученія, меня снова заперли, потому что я в строю закурил палтиросу и потому теперь то я знаю, что такое солдат. А затѣм меня снова заперли, за то, что я

потерял штык, а также за то, что я на волосок промахнулся по нашему господину полковнику, когда мы стрѣляли на учебном полѣ. А вот теперь меня наконец приставили к господам вольноопредѣляющимся.»

И бравый солдат Швейк бросил на офицера, не знавшаго, смѣяться ли ему или сердиться, дѣтскій чистый взгляд.

Приближался сочельник. Вольноопредѣляющіеся разукрасили в казино елочку и послѣ ужина господин полковник произнес трогательную рѣчь: «Христос родился, и как всѣм извѣстно, испытывает большую радость при видѣ хороших солдат, а хороший солдат испытывает радость от сознанія, что он дѣйствительно таков». И вдруг слова полковника покрыло искреннее восклицаніе: «О, да. Так оно и есть».

Это воскликнул Швейк с сіяющими глазами, незамѣтно пробравшійся к вольноопредѣляющимся.

— Вы, вольноопредѣляющіеся, — заорал полковник, — кто это сказал?

Из рядов вольноопредѣляющихся выступил Швейк и, улыбаясь, посмотрѣл в глаза полковнику:

— Осмѣлюсь доложить, я состою здѣсь у господ вольноопредѣляющихся в услуженіи и мнѣ очень понравилось то, что вы сказали. Уж очень это шло у вас от полноты сердца.

Когда в Тріентѣ ударили рождественскіе колокола, бравый солдат Швейк уже с час как сидѣл за рѣшеткой.

На сей раз ему пришлось долго посидѣть под



арестом, а когда его освободили, то ему выдали штык и зачислили в пулеметную команду.

На итальянской границѣ происходили большіе маневры и храбрый солдат Швейк выступил в поход.

Перед выступленіем ему пришлось выслушать рѣчь одного из юнкеров: «Представьте себѣ, что Италія объявила нам войну и мы выступаем против итальянцев».

— Ура, вперед! — воскликнул Швейк, за что и получил шесть дней ареста.

Послѣ отбытія наказанія, Швейка вмѣстѣ с другими тремя арестантами и под надзором капрала отправили догонять пулеметную команду. Пришлось идти через долину, а затѣм пошли горы, пришлось ѣхать верхом, и Швейк, как и слѣдовало ожидать, заблудился в густых лѣсах, расположенных близ итальянской границы.

Он напрасно блуждал по лѣсу, силясь найти своих спутников, пока счастливо не перемахнул в полном боевом снаряженіи через итальянскую границу.

И там храбрый солдат Швейк показал на что он способен. Случилось так, что недалеко от границы находилась на маневрах пулеметная команда из Милана. Восемь человек при мулѣ и пулеметѣ расположились на равнинѣ, на которую попал Швейк в поисках своих товарищей.

Итальянскіе солдаты беззаботно заползли в тѣнь и заснули, оставив мула, нагруженного пулеметом, пастись без присмотра.

Храбрый солдат Швейк взял его за узды и повернулся вспять, ведя за собой мула с пулеметом.

Он снова спустился с горы в долину, еще денек пошатался по лѣсу, пока, наконец, не наткнулся на австрійскій лагерь.

Часовой не хотѣлъ пропустить Швейка в лагерь, потому что он не знал лозунга. Невдалекѣ прошел офицер и Швейк, вытянувшись во фронт, отрапортовал: «Осмѣлюсь доложить, господин лейтенант, что я забрал у итальянцев мула и пулемет».

Вскорѣ послѣ этого браваго Швейка посадили под замок, — но зато теперь Австрія получила возможность ознакомиться с конструкціей новѣйших итальянских пулеметов.



## II.

### Швейк отправляется за церковным вином.

Его святѣйшество, военный викарій доктор Коломан Бѣлопотоцкій, епископ Антіохійскій, назначил Августина Клейншродта гарнизонным священником в Триент. Между обыкновенным священником и военным священником существует большая разница. У послѣдняго религія неразрывно связана со всѣм военным укладом. Различіе между обоими видами духовных лиц примѣрно так же велико, как между драгунским лейтенантом, преподающим в военной академіи верховую ѣзду и содержателем ипподрома.

Военный священник оплачивается государством. Он является военным чиновником и состоит в опредѣленном чинѣ, имѣет право носить оружіе и драться на дуэли. Правда, и обыкновенный священник получает содержаніе от государства, но он принужден все же, для того, чтобы имѣть возможность безбѣдно жить, принимать даянія от своих прихожан.

Солдат не обязан обыкновенному священнику отдавать честь, тогда как военному священнику он

должен отдавать честь согласно уставу. В противном случаѣ он угодит под арест.

Таким образом Господь создал и послал на землю двоякаго рода своих представителей: военных и штатских.

Когда достопочтенный Августин Клейншродт неся по улицам Тріента, можно было предположить, что это несется комета, которою разгнѣванный Господь замыслил покарать этот несчастный город. Сей пастырь был страшен в сознаніи своего достоинства и про него ходил слух, что в Венгріи он трижды дрался на дуэли и расцарапал носы своим противникам из офицерскаго казино, показавшимся ему слишком вольными в религіозных воззрѣніях.

Послѣ того, как он подобным образом искоренил невѣріе, его перевели в Тріент. Его приѣзд совпал по времени с выходом Швейка из гарнизонной тюрьмы и возвращеніем его в роту, для дальнѣйшей службы отечеству.

Духовный пастырь тріентскаго гарнизона в эту пору искал себѣ новаго денщика и остановил свой выбор на Швейкѣ.

Что удивительнаго в том, что его взгляд остановился на добродушном лицѣ Швейка, что он похлопал его по плечу и сказал: «Ступай за мной». Бравый солдат Швейк принялся просить прощенія — он, мол, ничего не сдѣлал, но капрал подтолкнул его и отвел в канцелярію.

В канцеляріи послѣ долгих вступительных фраз унтер-офицер пояснил Клейншродту, что Швейк — «скотина». Достопочтенный Клейншродт прервал его объясненія: «Но и скотина мо-



жет обладать добрым сердцем», на что Швейк утвердительно закачал головою. Его улыбающееся лицо и открытые глаза смиренно выглядывали из угла и гарнизонный наставник, глядя на это лицо, не пожелал слушать перечня прегрѣшеній браваго солдата Швейка.

С этого мгновенія для Швейка началась счастливая пора жизни. Потихонечку он попивал церковное вино своего начальника и так усердно чистил его лошадь, что даже удостоился как-то похвалы.

— Осмѣлюсь доложить, — отвѣтил на это Швейк, — что я прилагаю всѣ старанія, чтобы ваша лошадь была такой же красивой, как вы.

Затѣм наступили великіе дни стоянки в лагерьях при Кастель-Нуово, гдѣ предстояло отслужить молебствіе.

Августин Клейншродт употреблял для церковных нужд только нижне-австрійское вино из Веслау. Итальянскаго вина он не желал даже и пригубить. Как на зло у него изсяк запас вина и поэтому ему пришлось позвать Швейка и сказать ему: «Завтра утром ты принесешь из города Веслаускаго вина. Деньги тебѣ дадут в канцеляріи, ты принесешь мнѣ восемь литров и вернешься как можно скорѣе. Запомни: Веслау, в Нижней Австріи.»

На слѣдующій день Швейк получил в канцеляріи двадцать крон. А дабы при возвращеніи в лагерь караул не чинил ему препятствій ему выдали пропуск, на котором было написано: «В служебной отлучкѣ — за вином».

Бравый солдат Швейк направился в город, добросовѣстно повторяя всю дорогу: «Веслау, Ниж-

ная Австрія». С этим он заявился на вокзал и через три четверти часа, довольный, ѣхал в поѣздѣ в Нижнюю Австрію.

В этот день торжественное молебствіе было омрачено тѣм, что пришлось причащаться кислым итальянским вином.

К вечеру достопочтенный Августин Клейншродт пришел к выводу, что бравый солдат Швейк — прохвост, позабывшій о своем воинском долгѣ.

Проклятья, изрыгаемая достопочтенным Августином Клейншродтом были слышны во всем лагерѣ, они долетали до вершин Альп и отдавались эхом в долину Эча близ Мерана, в то время как Швейк, неизмѣнно улыбаясь и полный сознанія, что он выполняет свой долг, проѣзжал через эту долину.

Он проѣхал долину, миновал нѣсколько туннелей и на каждой станціи задавал все тот же сухой вопрос: «Это Веслау, Нижняя Австрія?»

Наконец-то добродушный лик Швейка увидѣл станціонное зданіе Веслау. Бравый солдат Швейк предъявил первому встрѣчному должностному лицу свой пропуск, на котором красовалось: «В служебной отлучкѣ — за вином».

Попрежнему улыбаясь, освѣдомился он о том, как пройти в казарму. Человѣк в форменной фуражкѣ пожелал ознакомиться с его маршрутом. Бравый солдат Швейк объяснил ему, что он вообще не знает, что такое маршрут.

Тогда к ним подошли двое людей в форменных фуражках и принялись втолковывать Швейку, что ближайшія казармы расположены в Корнейбургѣ.



Таким образом бравый солдат Швейк купил себѣ билет в Корнейбург и поѣхал дальше.

В Корнейбургѣ стоял желѣзнодорожный полк и в казармах не мало подивились тому, что Швейк неожиданно вынырнул из ночной тьмы и предъявил дежурному свой пропуск: «В служебной отлучкѣ — за вином».

— Мы подождем до утра, — сказал дежурный по караулу, — старшій офицер как раз уснул.

Бравый солдат Швейк растянулся на койкѣ в сознаніи, что все, что было в его власти и возможности он совершил и мирно заснул.

На утро его отвели в канцелярію по хозяйственной части. Там он предъявил военному чиновнику свой пропуск. «В служебной отлучкѣ — за вином», со штампом: «Лагерь при Кастель-Нуово, 102 полк, 3 батальон», и за подписью дежурнаго офицера.

Остолбенѣвшій унтер-офицер отвел его в полковую канцелярію, гдѣ полковник учинил ему допрос.

— Осмѣлюсь доложить, — сказал бравый солдат Швейк, — я являюсь по порученію достопочтеннаго священника Клейншпродта из Триента. Я должен принести с собой восемь литров церковнаго вина из Веслау.

У полковника состоялось цѣлое совѣщаніе. Добродушное, открытое лицо Швейка, его воинская выправка и его пропуск. «В служебной отлучкѣ — за вином» с соотвѣтствующими печатами и подписями, — все это производило самое благопріятное впечатлѣніе и поэтому случай показался особенно загадочным и непонятным.

Поднялись споры. Кое-кто высказал предположение, что достопочтенный Клейншродт сошел с ума и что ничего другого не остается предпринять, как снабдить Швейка маршрутом и отправить обратно.

Поэтому унтер-офицер изготовил для Швейка маршрут. Унтер-офицер был славным человеком и для него нѣсколько лишних километров пути не имѣли особаго значенія. Поэтому он намѣтил Швейку маршрут через Вѣну, Грац, Аграм, Триест в Триент. Срок длительности поѣздки он опредѣлил в два дня. Швейку выдали на руки одну крону шестьдесят хеллеров, унтер-офицер купил ему билет, а сжалившійся повар снабдил его тремя караями.

А в это время достопочтенный Августин Клейншродт продолжал носиться по лагерю, скрипя зубами и говоря лишь: «Поймать, связать, разстрѣлять».

Швейка сочли дезертиром. Каково же было удивленіе, когда на четвертую ночь послѣ своего исчезновенія он вынырнул у входа в лагерь и предъявил, неизмѣнно улыбаясь, постовому свой пропуск и маршрут из Корнейбурга. Его немедленно взяли под стражу, к великому его ужасу надѣли на него наручники и отвели в барак, гдѣ и заперли.

На утро его доставили в город и отправили в казарму.

Одновременно со Швейком прибыл и запрос из желѣзнодорожнаго полка в Корнейбургѣ. В этом запросѣ освѣдомлялись у полковника чего ради достопочтенный Августин Клейншродт послал Швейка за веслаусским вином в Корнейбург.



На допросѣ Швейк чистосердечно повѣдал со своею доброй улыбкой обо всем, что произошло. Послѣ того состоялось большое совѣщаніе, а досто-почтенный Августин Клейншпродт навѣстилъ сидяща-го под арестом Швейка.

— Ты, скотина, самое лучшее что ты можешь сдѣлать — это отправиться на переосвидѣтельство-ваніе. Быть может хоть этим путем мы избавимся от тебя и ты оставишь нас в покоѣ.

На что Швейк глядя ему в глаза, чистосердеч-но отвѣтил: «Так что юсмѣлюсь доложить, я соби-раюсь послужить его Величеству Австрійскому им-ператору до послѣдняго моего вздоха.»

### III.

## Швейк на переосвидѣтельствovanіи.

В каждой арміи имѣются негодяи не желающіе служить. Они предпочитаютъ оставаться простыми штатскими, чѣмъ послужить на военной службѣ. Эти теплые ребята жалуются напримѣр на то, что у них порок сердца, тогда как на самом дѣлѣ у них всего лишь навсего воспаленіе слѣпой кишки. При помощи подобных уловок пытаются они увильнуть от военной службы. Но горе им! Для того, чтобы вывести их на чистую воду, существует переосвидѣтельствованіе. Кто-нибудь из этих парней жалуется на плоскоступіе — полковой врач приписывает ему глауберовой соли и клистир, и глядишь, тот, кто жаловался на плоскоступіе, забѣгал, словно ему под ноги насыпали динамит. А на слѣдующій день его сажают под замок.

Другой обманщик жалуется на рак желудка. Его укладывают на операціонный стол и заявляют: «Вскрыть ему желудок при полном сознаніи».

Прежде чѣмъ успѣвают договорить эту фразу до конца, парень излѣчивается от рака и чудом исцѣленный отправляется в кутузку.

Переосвидѣтельствованіе сущее благодѣяніе для арміи. Если бы не существовало комиссіи по переосвидѣтельствуванію, то каждый подлежащій при-



зыву вообразил бы себя больным и считал бы, что он не в состояніи носить ранецъ.

Один штабной врач чудесно выразил эту мысль. «Когда мнѣ приходится переосвидѣтельствовать подобнаго мародера, я исхожу из того, что моя задача не в том, чтобы «переосвидѣтельствовать» его, а в том, чтобы «переиспытать» его, выяснить в самом ли дѣлѣ он болен или же здоров как рыба. Из этого принципа я и исхожу в своей дѣятельности. Я приписываю ему хинин и діету. Через три дня он начинает заклинять меня именем Христа, чтобы я отпустил его из больницы. А если кто-нибудь из этих симулянтов в ожиданіи этого умирает, то я знаю, что он это дѣлает намѣренно, чтобы огорчить меня или для того, чтобы ему не пришлось сѣсть под арест за свою попытку ввести меня в заблужденіе. Итак — сомнѣваться в каждом до послѣдняго его вздоха.»

Когда браваго солдата Швейка назначили на переосвидѣтельствованіе, то это вызвало зависть во всей ротѣ.

Профос, приносившій ему в камеру ѣду, сказал: «Тебѣ, свинья, везет. Ты пойдешь домой, тебя положат на переосвидѣтельствованіе, пока ты не заиграешь всѣми цвѣтами радуги.»

Но бравый солдат Швейк отвѣтил ему: «Осмѣлюсь доложить, с вашего позволенія, что это не годится. Я здоров как рыба и хочу послужить Его Королевскому Величеству до послѣдняго моего вздоха.»

С сердечным смѣшком лег он на койку. Профос доложил о словах Швейка дежурному офицеру Мил-

леру. Миллер заскрипѣлъ зубами: «Мы уж вылѣчим этого мерзавца!» воскликнул он:» пусть он не воображает, что может остаться военным. Он должен по крайней мѣрѣ захворать пятнистым тифом, хотя бы он и сошел послѣ этого с ума.»

Между тѣмъ бравый солдат Швейк объяснял своим сосѣдям по камерѣ: «Я хочу послужить Его Королевскому Величеству до послѣдняго моего вздоха. Раз я уже попал в солдаты, так я должен послужить моему монарху и никто не имѣет права меня изгонять из арміи, даже сам командующій генерал, если бы он вздумал явиться сюда в казарму и дать мнѣ пинка в зад, чтобы я вылетѣлъ отсюда. Если бы это случилось, то я бы вернулся к нему и заявил бы: хочу послужить моему монарху до послѣдняго издыханія и поэтому возвращаюсь в свою роту. А если и они меня не захотят, то я пойду во флот, чтобы послужить своему монарху хоть на водѣ, а если и это не поможет, и господин адмирал мнѣ тоже даст пинка в зад, тогда я пойду в авіацію и попытаюсь послужить моему монарху в воздухѣ.»

Все же большинство людей в казармѣ были убѣждены в том, что удастся удалить бравого солдата Швейка из арміи. Третьяго іюля явились за ним и его отнесли на носилках в гарнизонный госпиталь. Швейк оказал яростное сопротивленіе и его пришлось ремнями привязать к носилкам. Всюду, гдѣ его проносили, он выкрикивал свои патріотическіе возгласы: «Солдаты, помогите! — Дайте мнѣ возможность и впредь вѣрой и правдой служить своему монарху.»

Его положили в отдѣленіе для тяжело больных.



Послѣ бѣглаго осмотра штабной врач, Янза, объявил ему: «У тебя увеличенная печень и ожирѣніе сердца. Ты слишком запустил свою болѣзнь, Швейк, теперь придется тебя уволить с военной службы.»

— «Осмѣлюсь доложить,» заявил Швейк, «что я здоров как рыба. Осмѣлюсь доложить, с вашего позволенія, что станется с арміей, коли меня в ней не будет? Осмѣлюсь доложить, я хочу вернуться в свою роту, чтобы послужить вѣрой и правдой моему монарху, как и подобает настоящему солдату.»

Ему приписали клистир, и когда украинец санитар, Бочковскій поставил ему его, Швейк сказал ему, сохранив достоинство и в этом затруднительном положеніи: «Не щади меня, брат мой, ежели я не струсил перед итальянцами, так я и твоего клистира не испугаюсь. Солдат не должен бояться и должен честно выполнять свой долг, замѣть себѣ это.»

Послѣ этого его повели в уборную и там его караулил часовой с заряженным ружьем.

Послѣ этого его снова положили в постель, а санитар Бочковскій разгуливал вокруг него и все спрашивал его:

— Пся крев, есть у тебя родители?

— Есть.

— Отсюда тебѣ, симулянту, уж не выбраться.

Бравый солдат Швейк закатил ему оплеуху.

— Я симулянт? Я совершенно здоров и хочу вѣрой и правдой послужить своему монарху до послѣдняго издыханія.

Его обложили льдом. Трое суток пролежал он

в ледяных компрессах и когда послѣ этого к нему явился штабной врач и спросил его: «Ну, Швейк, ты должно быть соберешься теперь домой», Швейк отвѣтил: «Осмѣлюсь доложить, я совершенно здоров и хочу и впредь служить вѣрой и правдой.»

Его снова укутали ледяными компрессами, а через два дня должна была собраться комиссія по переосвидѣтельствуванію и освободить его от отбыванія военной службы.

За день до засѣданія комиссіи, когда для него был уже заготовлен увольнительный билет, Швейк дезертировал. Для того, чтобы имѣть возможность и впредь служить своему монарху, ему пришлось бѣжать. В теченіе двух недѣль о нем не было ни слуху, ни духу.

Каково же было всеобщее изумленіе, когда послѣ двух недѣль отсутствія Швейк вынырнул темной ночью перед казарменными воротами и заявил со своей обычной улыбкой караулу:

— Осмѣлюсь доложить, я явился, чтобы арестоваться, потому как я дезертировал, чтобы имѣть возможность послужить своему монарху до послѣдняго моего издыханія.

Его посадили на полгода, и когда он захотѣл и далѣе отбывать воинскую повинность, его перевели в арсенал, гдѣ ему предстояло научиться тому, как заряжают снаряды пироксилином.



#### IV.

### Швейк в арсеналѣ.

И случилось так, как предсказывал достопочтенный Августин Клейншродт:

— Швейк, скотина, если ты во что бы то ни стало хочешь продолжать служить, так послужи в арсеналѣ. Быть может, там у тебя пропадет охота к военной службѣ.

Таким образом Швейк научился в арсеналѣ обращенію с пироксилином. Он заряжал мины. Подобная служба не шутка, потому что все время находишься одной ногой в воздухѣ, а другою в могилѣ.

Но бравый солдат Швейк не испытывал страха. Он жил в окруженіи из динамита, экразита и прочих взрывчатых веществ, как и подобает солдату, и из барака, в котором он заряжал мины этими ужасными взрывчатыми веществами, слышалась его пѣсня:

Выставь пост  
На мост,  
Пьемонт, Пьемонт,  
Мы все-ж переберемся  
И подеремся.  
Хип, хоп, хоп.

За этой чудесной пѣсней, превращавшей брала-

го солдата Швейка в льва, слѣдовали другія, не менѣе трогательныя пѣсни, в которых пѣлось о кнедликах \*) величиною с голову. Между прочим бра-  
вый солдат Швейк ѣл кнедлики с неописуемым удо-  
вольствіем.

И так жил он не тужа, посреди взрывчатых ве-  
ществ в одном из барачов арсенала.

Как-то, в один прекрасный день, к нему явилась  
инспекція, обходившая всѣ бараки поочередно, что-  
бы посмотрѣть все ли в порядкѣ.

Когда инспекціонные офицеры вошли в барак,  
в котором Швейк обучался обхожденію с пирокси-  
лином, то им пришлось убѣдиться, при взглядѣ на  
клубы дыма, подымавшіеся из его трубки, что  
Швейк дѣйствительно неустрашимый воин.

Увидѣвъ офицеров, Швейк вытянулся во фронт,  
согласно уставу, вынул трубку изо рта и отложил  
ее в сторону — в открытую бочку с пироксилином.  
При этом он взял под козырек и отрапортовал:

— Осмѣлюсь доложить, ничего новаго, все в  
порядкѣ.

Существуют мгновенія в человѣческой жизни,  
когда присутствіе духа имѣет огромное значеніе.

Самым умным во всей компаніи оказался пол-  
ковник. Из пороховой бочки подымались струйки  
табачнаго дыма. Полковник скомандовал:

— Швейк, продолжать куреніе!

Это было очень разумно, потому что лучше,

---

\*) Кнедлик — національное чешское блюдо —  
мучныя клецки.



чтобы горячая трубка находилась во рту, чѣм в бочкѣ с порохом. Швейк откозырял и пояснил:

— Осмѣлюсь доложить, я опять закурю.

Вѣдь он был послушным солдатом!

— А теперь пойдемте-ка на гауптвахту, Швейк.

— Осмѣлюсь доложить, это не годится, потому что я должен здѣсь, согласно приказу, находиться до шести часов вечера, пока меня не смѣнят. Между прочим, у пироксилина всегда должен кто-нибудь находиться на тот случай, чтобы не произошло несчастья.

Инспекція исчезла. Они побѣжали на гауптвахту, гдѣ офицеры распорядились привести Швейка при помощи патруля. Патруль, хоть и неохотно, но все же пошел в барак к Швейку.

Когда они подошли к бараку и увидѣли Швейка, сидящего среди всѣх этих взрывчатых веществ и дымящего трубкой, капрал крикнул ему:

— Швейк, скотина, выбрось трубку в окно и выходи сюда.

— И не подумаю. Господин полковник велѣл мнѣ курить, и я буду курить, пока меня не разорвет в клочки.

— Выходи сюда, скотина.

— Осмѣлюсь доложить, не могу. Сейчас всего лишь четыре часа, а вы можете меня смѣнить только в шесть. Поэтому я должен до шести часов оставаться при пироксилинѣ на тот случай, чтобы не произошло несчастья. Я вѣдь очень осторожн...

Это «жен» так ему и не пришлось выговорить. Быть может, вы что-нибудь слышали о большом взрывѣ в арсеналѣ? Один барак за другим взлета-

ли на воздух, пока на протяженіи трех четвертей секунд не был разрушен весь арсенал.

В теченіе трех дней саперы работали, разрывая развалины и пытаясь сложить из голов, рук, ног и тѣл погибших что-либо цѣльное, с тѣм, чтобы Господь в день Страшнаго Суда мог опознать погибших и соотвѣтствующим образом вознаградить их.

Это было невѣроятно трудно. В теченіе трех дней разрывали они обломки дерева и желѣза, пытаясь отыскать останки Швейка, пока, наконец, на третью ночь не послышалось из-под развалин пріятное пѣніе:

Выставь пост  
На мост,  
Пьемонт, Пьемонт,  
Мы все-ж переберемся  
И подеремся.  
Хип, хоп, хоп.

При свѣтѣ факелов саперы продолжали свои поиски и при свѣтѣ факелов удалось обнаружить подобіе грота, образованнаго из обломков, и в углу этого укромнаго грота сидѣлъ Швейк, отложившій свою трубку в сторону и продолжавшій пѣть.

При видѣ тѣх, что его отрыли, он привстал, взял под козырек и отрапортовал:

— Осмѣлюсь доложить, ничего новаго, все в порядкѣ.

Его извлекли из-под обломков, и когда он предстал перед дежурным офицером, он заявил вторично:

— Осмѣлюсь доложить, все в порядкѣ, прошу



смѣнить меня, потому что шесть часов уже прошло, а также выдать мнѣ кормовые за дни, что я находился под землею.

Бравый солдат Швейк оказался единственным, кому было суждено пережить эту ужасную катастрофу в арсеналѣ.

В честь его в офицерском собраніи военные учинили небольшое празднество. Окруженный офицерами, brave солдат Швейк пил, как сапожник, и лицо его сіяло радостью.

На слѣдующій день он получил за три дня кормовые, словно находился на войнѣ, а затѣм его произвели в капралы и представили к большой военной медали.

Украшенный медалью и звѣздочками, он явился в свою казарму в Тріентѣ и попался на пути лейтенанту Кноблоху. Послѣдній вздрогнул при видѣ добродушнаго лица браваго солдата Швейка.

— Натворил же ты дѣл, негодяй, — сказал он ему.

На что brave солдат Швейк отвѣтил улыбаясь:

— Осмѣлюсь доложить, я обучался обхожденію с пироксилином.

И в приподнятом настроеніи ступил он на казарменный двор, чтобы разыскать свою роту.

В этот день дежурный офицер огласил перед строем оповѣщеніе министерства о том, что при арміи создаются авіаціонныя части и что желающіе добровольно перейти на службу в авіацію могут о том заявить по начальству.

И тогда brave солдат Швейк выступил вперед и явился к дежурному офицеру, заявив ему:

— Осмѣлюсь доложить, я уже побывал в воздухѣ, и так как я к этому уже привык, то я хочу и впредь послужить моему монарху в воздухѣ.

Итак, бравый солдат Швейк попал через недѣлю в авіаціонную часть, гдѣ он отличился, как вы сейчас увидите, не в меньшей степени, чѣм в арсеналѣ.



## V.

### Швейк — летчик.

До войны Австрія располагала тремя дирижаблями, восемнадцатью воздушными шарами и пятью аэропланами. К этому сводились воздушныя силы Австріи.

Браваго солдата Швейка, на пользу и славу этого новаго вида оружія, перевели в авіаціонную часть. Вначалѣ дѣятельность его ограничивалась тѣм, что он выводил аэропланы из ангаров на аэродром и чистил металлическія их части скипидаром и порошком для чистки металла.

И подобно тому, как он с любовью ходил за кобылой достопочтеннаго Августина Клейншпродта, он и здѣсь возился у аппаратов, с любовью и усердіем чистя плоскости, словно скреб он лошадей. В качествѣ капрала поучал он часовых, размѣщенных у ангаров:

— Ничего не подѣлаешь — надо летать. Поэтому, ежели кто вздумает стянуть у нас аэроплан, стрѣляйте без зазрѣнія совѣсти.

Через двѣ недѣли послѣ его прибытія в часть, ему предстояло впервые полетѣть. Это было довольно опасное движеніе по службѣ.

Он замѣнялъ балласт и полетѣлъ с офицерами. Но бравый солдат Швейк не струсил. С улыбкою под-

нялся он на воздух и попрежнему почтительно и покорно смотрѣл на офицера, управлявшаго аэропланом, а если случалось замѣтить кого-либо из офицеров, расхаживающих внизу по аэродрому, то тут же брал под козырек.

А если им и случалось потерпѣть аварію и свалиться на землю, причем аппарат разбивался вдребезги, то brave солдат Швейк всегда вылѣзал первым из-под обломков, помогал своему офицеру подняться на ноги и докладывал:

— Осмѣлюсь доложить, что мы свалились, но остались живы и невредимы.

Он был пріятным спутником. Как-то он полетѣл с лейтенантом Герцигом, и, когда они очутились на высотѣ восьмисот шестидесяти двух метров, им отказался служить мотор.

— Осмѣлюсь доложить, что у нас изсяк запас бензина, — раздался за спиною лейтенанта пріятный голос Швейка. — Я осмѣлюсь доложить, позабыл наполнить запасные резервуары.

И вскорѣ затѣм он крикнул:

— Осмѣлюсь доложить, мы падаем в Дунай.

И когда через нѣсколько мгновений их головы вынырнули из взволнованных зеленоватых вод Дуная, Швейк, плывя за лейтенантом к берегу, промолвил:

— Осмѣлюсь доложить, сегодня мы поставили рекорд высоты.

\* \*  
\* \*

Это случилось незадолго до больших авіаціонных празднеств на аэродромѣ в Нейштадтѣ. Они



контролировали аэропланы, провѣряли моторы и совершали послѣднія приготовленія к полету.

Лейтенант Герциг собирался летѣть со Швейком на бипланъ Райта, снабженном Моррисоновским мотором, с помощью котораго можно было подняться ввысь без разбѣга по землѣ.

На празднествах присутствовали иностранные военные представители.

Аэропланом Герцига очень заинтересовался румынскій военный атташе, майор Грегореску, занявшій мѣсто в аэропланѣ и знакомившійся с устройством рычагов и руля.

По приказу лейтенанта, бравый солдат Швейк включил мотор, и пропеллер начал вращаться.

Швейк, сидя рядом с любопытным румынским майором, привел в порядок стальной тросс, к которому был прикрѣплен руль, и продѣлал все это с таким усердіем, что сбил с головы майора кепи.

Лейтенанта Герцига охватил гнѣвъ:

— Швейк, болван, лети ко всѣм чертям!

— Слушаюсь, господин лейтенант, — воскликнул Швейк, схватился за рычаг Моррисоновскаго мотора, и аэроплан поднялся ввысь под аккомпанимент далеко слышных взрывов этого превосходнаго мотора. Они уже поднялись на высоту в двадцать, сорок, сто, двѣсти, триста, четыреста, пятьсот метров, летя по направленію к Альпам, на юго-восток, со скоростью ста пятидесяти километров в час.

Достойный сожалѣнія румынскій майор пришел в себя над каким-то глетчером, над которым они проносились на такой высотѣ, что можно было оки-

нута взглядом всё эти красоты природы, всё эти ледяные поля и пропасти, строго и непривѣтливо разстилавшіяся под ним.

— Что случилось? — спросил он запинаясь от страха.

— Осмѣлюсь доложить, летим согласно приказу, — отвѣтил почтительно бравый солдат Швейк. — Господин лейтенант изволили приказать: «Лети ко всѣм чертям», вот мы и полетѣли, осмѣлюсь доложить.

— А гдѣ мы спустимся? — спросил любопытный румынскій майор, пощелкивая зубами.

— Осмѣлюсь доложить, этого я не знаю, так как мнѣ неизвѣстно, гдѣ нам нужно свалиться. Я лечу согласно приказу, но я могу только подняться на воздух, а спуститься я не умѣю, потому как мнѣ этого никогда не случалось дѣлать. Когда мы летали с господином лейтенантом, мы всегда сами сваливались.

Альтиметр показывал тысячу восемьсот шестьдесят метров. Майор уцѣпился за перекладину и вопил на румынском языкѣ:

— Діу, Діу, Боже, Боже...

А бравый солдат Швейк, не выпуская руля из рук, распѣвал над Альпами:

Кольцо, что ты мнѣ подарила,

Носить не буду больше я.

Как? Что? Почему?

Когда вернусь я снова в лагерь,

Им выпалю я из ружья.



Майор продолжал молиться вслух на румынском языкѣ и клясться на-чем-свѣт-стоит, тогда как в воздухѣ попрежнему звучал ясный голос Швейка:

Платок, что ты мнѣ подарила,

Носить не буду больше я.

Как? Что? Почему?

Когда вернусь я снова в лагерь

Сотру я пыльцу им с ружья.

Под ними сверкали молніи, грохотал гром.

С выпученными глазами майор глазѣл вниз и стонал:

— Когда все это кончится?

— Когда-нибудь все это кончится, — отвѣтил улыбаясь бравый солдат Швейк. — Гдѣ-нибудь мы всегда сваливались с господином лейтенантом.

Они пролетѣли над Швейцаріей и летѣли на юг.

— Запаситесь терпѣніем, осмѣлюсь доложить, — замѣтил бравый солдат Швейк, — когда изсякнет запас бензина, мы свалимся.

— Но гдѣ мы?

— Осмѣлюсь доложить, летим над морем: внизу, куда ни глянь, — повсюду вода. Надо полагать, что мы свалимся в море.

Майор Грегореску пока что упал в обморок. Его толстый живот застрял между двух перекладин, и он повис на них.

Пролетая над Средиземным морем, Швейк продолжал распѣвать:

Тот, кто хочет сильным быть,

Должен много ѣсть и пить.

Раз, два!

Прежде чѣм пойти сражаться,  
Должен кнедликом питаться.  
Раз, два!

И бравый солдат Швейк продолжал распѣвать, проносясь на высотѣ тысячи метров над морем, о том, как «генерал Гренвилль на кобылѣ вороной выѣзжает в бой».

Морской воздух привел майора в сознаніе. Он заглянул в бездонную морскую глубь, вскрикнул «Діу, Діу» и снова упал в обморок.

Они летѣли всю ночь напролет. Неожиданно Швейк разбудил майора и благодушно сообщил ему:

— Осмѣлюсь доложить, что мы падаем, но пока что очень медленно.

В парящем полетѣ аэроплан летѣл вниз. Запасы бензина изсякли, и внизу разстилались пальмовыя рощи Триполи...

Бравый солдат Швейк помог майору вылѣзть из аппарата, взял перед ним под козырек и доложил ему:

— Осмѣлюсь доложить, все в порядкѣ.

Этим полетом через Альпы, Южную Европу, Средиземное море в Африку бравый солдат Швейк поставил міровой рекорд.

Когда майор увидѣл пальмы, он отвѣсил Швейку двѣ пощечины, которыя Швейк принял со своею благодушной улыбкой. Он знал, что он только выполнил свой долг, как ему повелѣл лейтенант Герцик: «Лети ко всѣм чертям».

Что произошло далѣе, не поддается описанію, потому что это вряд ли будет пріятно нашему воен-



ному министерству. Оно, без сомнѣнія, не сочтет возможным признать, что австрійскій аэроплан спустился в Триполи, потому что это могло бы вызвать ряд международных осложнений.

---

Комендант города Бугульмы.



## I.

Когда, в началѣ октября 1918 года, реввоенсо- вѣтъ лѣвобережной группы у Симбирска сообщил мнѣ, что я назначен комендантом города Бугульмы, я задал председателю вопрос:

— А скажите, вам доподлинно извѣстно, что Бугульма уже взята нами?

— Точных свѣдѣній у нас нѣтъ, — гласил от- вѣтъ, — и я сомнѣваюсь в том, что Бугульма в на- стоящую минуту уже находится в наших руках, но прежде чѣм вы успѣете туда прибыть, она, я на- дѣюсь, будет уже занята нами.

— Меня кто-нибудь проводит туда? — спросил я тихонько. — И еще вот что: как я попаду в эту Бугульму? Гдѣ, собственно, она находится?

— Вас будет сопровождать конвой из двѣнад- цати человѣкъ, а что касается второго вашего вопро- са, то поглядите на карту. Думаете, это мое дѣло знать, гдѣ находится эта дурацкая Бугульма?

— Еще один вопрос, товарищ Каюров. Когда я смогу получить деньги на дорогу и суточные?

Каюров всплеснул руками.

— Вы что, с ума сошли? На вашем пути рас- положен ряд сел, в которых вас накормят, а в Бу- гульмѣ вы наложите на населеніе контрибуцію...

В караулкѣ, внизу, меня ожидал мой конвой: двѣнадцать сильных чувашей, столь слабо говорив-

ших по-русски, что они никак не могли объяснить, были ли они призваны или же являлись добровольцами. Судя по их свирѣпому и отчаянному виду, можно было предположить, что они были добровольцами, способными на все.

Когда я получил свои документы и кипу мандатов, в которых было указано, что любой гражданин, попавшійся мнѣ на пути из Симбирска в Бугульму, обязан оказывать мнѣ всяческое содѣйствіе, отправился я со своими людьми на пароход, и мы поплыли по Волгѣ и Камѣ до Чистополя.

Во время поѣздки я не пережил особых приключеній. Лишь один из моих чувашей в пьяном состояніи свалился за борт и утонул. Таким образом в моем распоряженіи осталось всего лишь одиннадцать человѣкъ.

В Чистополѣ, гдѣ мы сошли с парохода, один из чувашей заявился ко мнѣ с сообщеніем, что он пойдет за подводами, и исчез. Так мы его больше и не видѣли. Нас осталось всего десять человѣкъ. Впоследствии я узнал, что исчезнувшій чуваш отправился в расположенное примѣрно в сорока верстах от Чистополя село, чтобы поглядѣть, как живетъ его родителям.

Когда послѣ долгих разспросов мѣстнаго населенія мнѣ, наконец, удалось установить мѣстонахожденіе Бугульмы и каким путем можно добраться до нея, мои чувашаи раздобыли, наконец, нѣсколько подвод, и мы пустились в путь по этим ужасным немощным дорогам, через Еланово, Москово, Гулюково и Айбашево.

Все это — деревни, населенныя татарами, за ис-



ключеніем Гулюкова, в котором живут татары и черемисы.

В силу того, что между чувашами, пять десятков лѣтъ тому назад перешедшими в христіанство, и черемисами, продолжающими пребывать язычниками, по сіе время царит отчаянная вражда, в Гулюковѣ произошло маленькое недоразумѣніе.

Мои до зубов вооруженные чуваша учинили в деревнѣ повальный обыск и притащили ко мнѣ старшину Давледбая Шакира, который держал в руках клѣтку с тремя бѣлыми бѣлками.

Один из чувашей, лучше других владѣющій русским языком, обратился ко мнѣ со слѣдующим разъясненіем:

— Чуваша в теченіе одного, двух, десяти, тридцати, пятидесяти лѣтъ — православные. Черемисы — язычники и свиньи. — И вырвав из рук Давледбая Шакира клѣтку с бѣлками, он продолжал: — Бѣлыя бѣлки — это их боги — раз, два, три бога. Этот человек их жрец, он скачет вокруг клѣтки и молится. Ты должен окрестить его...

Чуваша вели себя столь грозно и вызывающе, что пришлось распорядиться, чтобы принесли воды, и я опрыскал ею Давледбая Шакира, бормоча при этом какія-то нечленораздѣльные слова. Затѣм я отпустил его.

Послѣ этого мои чуваша обезглавили черемисских богов, и я могу завѣрить всѣх, что из них получился очень вкусный суп.

Затѣм меня навѣстил мѣстный магометанскій мулла Абдул-Алей, выразившій живѣйшую радость по поводу того, что мы поѣли бѣлок.

— Каждый должен во что-либо вѣрить, но вѣрить в бѣлок, это — просто свинство. Онѣ прыгают с вѣтки на вѣтку, а когда попадают в клѣтку, то непрерывно гадят. Благодарю покорно за такое божество. — Он принес нам цѣлую гору жареной баранины и трех гусей и завѣрил меня в том, что если черемисы возстанут, то всѣ мѣстные татары встанут на мою защиту.

Все же ночь прошла спокойно, а на утро Давлѣдбай Шакир пояснил моим спутникам перед нашим выступленіем, что в лѣсу достаточно бѣлок. Далѣе мы миновали Айбашево и к вечеру без каких-либо приключеній прибыли в Малый Песецниц, в русское село, расположенное в двадцати километрах от Бугульмы.

Мѣстное населеніе было хорошо освѣдомлено о том, что происходило в Бугульмѣ. Три дня тому назад бѣлые без боя очистили Бугульму, совѣтскія войска находились по другую сторону от города и не осмѣливались вступить в город, опасаясь наткнуться на засаду.

В городѣ царила анархія, и городской голова вмѣстѣ со всей городской управой вот уже два дня как ожидал с хлѣбом-солью, желая привѣтствовать тѣх, кто, наконец, займет город.

Я послал вперед одного из чувашей, того, что лучше других говорил по-русски, а на утро мы отправились в город.

У городской черты нас встрѣтило неисчислимое множество людей. Городской голова держал в руках поднос, на котором лежал каравай хлѣба и солонка.

В своей рѣчи он выразил надежду, что я буду



милостив к городу. Я сам себя вообразил в обликъ божескаго народнаго героя Яна Жижки, в то мгновѣніе, когда я увидѣлъ в процессіи школьниковъ.

Я поблагодарилъ его в длинной рѣчи и затѣмъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба и посыпалъ его солью. Я особенно подчеркнул то обстоятельство, что я прибылъ сюда не для того, чтобы произносить митинговыя рѣчи, а для того, чтобы внести в городъ спокойствіе, порядокъ и миръ. В заключеніе я расцѣловался с городскимъ головою, поздоровался за руку с представителями православной церкви и направился в помѣщеніе городской управы, гдѣ мнѣ отвели помѣщеніе, предназначенное для комендатуры.

Затѣмъ я распорядился, чтобы напечатали и расклеили по заборамъ приказъ номеръ первый слѣдующаго содержанія.

### «Граждане!

Благодарю васъ за теплую и искреннюю встрѣчу с хлѣбомъ-солью. Храните этотъ древній славянскій обычай, противъ котораго у меня не имѣется никакихъ возраженій. Но прошу васъ об одномъ — не забывайте, что я назначенъ комендантомъ города, и что на мнѣ также лежитъ рядъ обязанностей.

Поэтому прошу васъ, дорогіе друзья, завтра в двѣнадцать часовъ дня сдать все имѣющееся у васъ оружіе в городскую комендатуру, помѣщающуюся в городской управѣ.

Разумѣется, я ничѣмъ не грожу вамъ, но вѣдь вамъ извѣстно, что городъ находится на осадномъ положеніи.

Обращаю ваше вниманіе также и на то, что я уполномочен наложить на город контрибуцію и что, несмотря на это, городу не придется ее платить.

Подпись».

На слѣдующій день в полдень вся площадь была запружена вооруженными людьми. Болѣе тысячи людей пришло, захватив с собою ружья, кое-кто волочил за собой и пулеметы.

Этот поток вооруженных людей мог бы смести меня с моим десятком человѣкъ, но всѣ эти вооруженные граждане явились только за тѣм, чтобы сдать свое оружіе. До поздней ночи затянулась эта пріемка оружія, причем я каждому жал руку и говорил пару поощрительных слов.

На утро я распорядился напечатать и расклеить приказ номер два:

«Граждане!

Выражаю всему населенію Бугульмы благодарность за точное исполненіе приказа номер один.

Подпись».

В этот день я спокойно лег спать, не подозревая о том, что надо мною навис Дамоклов меч в образѣ Тверского революціоннаго полка.

Как я уже сказал ранѣе, совѣтскіе отряды были расположены примѣрно на пятнадцать верст южнѣе Бугульмы и не осмѣливались вступить в Бугульму, опасаясь попасть в засаду. Наконец, они получи-



ли от Реввоенсовѣта, находящагося в Симбирскѣ, приказ занять любой цѣною Бугульму и тѣм самым обезопасить базу совѣтских частей, дѣйствовавших на восток от Бугульмы.

И поэтому товарищ Ерохимов, командир Тверского революціоннаго полка, отрядил себя ночью взять Бугульму, в которой я вот уже третьи сутки нес обязанности коменданта к довольству всего населенія.

Тверской революціонный полк «ворвался» в город, поднял при вступленіи стрѣльбу и натолкнулся только на сопротивленіе моих чувашей. Они несли караул в городской управѣ, и когда их разбудили, отказались впустить в зданіе управы товарища Ерохимова, выступавшаго с револьвером в рукѣ во главѣ своего полка.

Тверяки взяли чувашей в плѣн, и Ерохимов вошел ко мнѣ в мой кабинет, служившій мнѣ одновременно и спальней.

— Руки вверх! — крикнул он, опьяненный побѣдой, и направил на меня свой револьвер. Я спокойно поднял руки к потолку.

— Кто вы такой собственно? — спросил меня командир Тверского полка.

— Я комендант города.

— От бѣлых или от совѣтских?

— От совѣтских войск. Можно мнѣ опустить руки?

— Можно. Но я требую, чтобы вы мнѣ немедленно по закону военнаго времени передали власть, потому что я взял Бугульму.

— Но вѣдь комендантом назначен я, — пытался я возразить.

— К чорту всѣ назначенія. Сперва завоюйте себѣ город.

— Знаете что, — великодушно сказал он послѣ нѣкотораго молчанія, — я назначаю вас своим адъютантом. Если вы этим не удовлетворитесь, то я вас разстрѣляю на мѣстѣ.

— Я ничего не имѣю против того, чтобы стать вашим адъютантом, — отвѣтил я и позвал вѣстового: — Василий, поставь самовар, мы с новым комендантом, только-что взявшим Бугульму, попьем чайку...

Счастье как стекло: оно так хрупко.

## II.

Первым дѣлом я освободил двух моих захваченных в плѣн чувашей, а затѣм снова погрузился в сон, прерванный взятіем Бугульмы.

Проснулся я в полдень и твердо установил слѣдующее: во-первых, то, что всѣ мои чувашаи каким-то таинственным образом исчезли, оставив мнѣ в сапогѣ записку весьма непонятнаго содержанія: «Товарищ Хашек. Много помощи поищем тут и там. Товарищу Ерохимову башка-хава» (башку долой); во-вторых, что товарищ Ерохимов с ранняго утра силился составить свой первый приказ населенію Бугульмы.»



— Товарищ адъютант,—обратился он ко мнѣ,— как вы полагаете, так хорошо будет?

Он выбрал из груды исписанной бумаги разливанный листок и прочел:

«Ко всему населенію Бугульмы.

С сегодняшняго дня, взяв Бугульму, я принял на себя обязанности коменданта города. Предшествовавшаго мнѣ коменданта я отстраняю от должности за неспособность и трусость и назначаю его моим адъютантом.

Комендант города

Ерохимов».

— Как-будто бы это опредѣляет все положеніе, — сказал я миролюбиво. — А что вы предполагаете дѣлать далѣе?

— Прежде всего, — отвѣтил он серьезно и торжественно, — я объявлю мобилизацію лошадей, затѣм я прикажу разстрѣлывать городского голову, затѣм я возьму и выберу из буржуазіи десяток заложников и помѣщу их в тюрьму до окончанія гражданской войны. Затѣм я произведу повальный обыск и запрещу частную торговлю. Пожалуй, на первый день этого хватит, а завтра я еще что-нибудь придумаю.

— Разрѣшите мнѣ сдѣлать указаніе, — сказал я. — Я не имѣю возраженій против мобилизаціи лошадей, но рѣшительно протестую против разстрѣла городского головы, встрѣтившаго меня хлѣбом-солью.

Ерохимов вскочил:

— Да, вас-то он встрѣтил с хлѣбом-солью, а меня не встрѣчал...

— Ну, это еще поправимо, — сказал я, — мы пошлем за ним...

Я присѣл за стол и написал:

«Комендатура города Бугульмы.

Исходящая № 2891.

Дѣйствующая армія.

Городскому головѣ Бугульмы.

Приказываю вам немедленно по древнеславянскому обычаю явиться с хлѣбом-солью к новому коменданту.

Комендант города: Ерохимов.

Адъютант: Хашек.

Послѣ того, как Ерохимовъ подписал приказ, он сдѣлал внизу приписку:

«В случаѣ неисполненія приказа, вы будете разстрѣляны, а дом ваш предан огню».

— На официальных бумагах, — сказал я Ерохимову, — не полагается дѣлать подобных приписок, с такими приписками онѣ недѣйствительны.

Я вторично переписал приказ в его первоначальном видѣ и дал его на подпись и передал вѣстовому.

— Затѣм я рѣшительно против того, чтобы вы заточили в тюрьму десять человек из буржуазіи.



Для этой цѣли существует революціонный трибунал.

— Революціонный трибунал — это мы, — серьезно замѣтил Ерохимов. — Мы взяли город.

— В этом случаѣ вы ошибаетесь, товарищ Ерохимов. Кто мы такіе по существу? всего лишь на- всего — двое маленьких людей. Комендант города и его адъютант. А революціонный трибунал назначается реввоенсовѣтом восточнаго фронта. Или вы хотите, чтобы вас поставили к стѣнкѣ?

— Ладно, — согласился со вздохом Ерохимов. — Но вѣдь никто не может нам запретить устройство повального обыска.

— На основаніи декрета от 18 іюня сего года, — отвѣтил я ему, — повальный обыск может быть произведен только по постановленію мѣстнаго ревкома или совѣта. А так как такового еще не существует, то нам придется отложить устройство обыска на бо- лѣе позднее время.

— Вы суцій ангел, — сказал добродушно Ерохимов, — без вас я бы пропал. Но свободной торговлѣ надо положить конец.

— Большинство тѣх, что занимается торговлей, — продолжал я, — и посѣщает базары — из деревни. Это мужики, не умѣющие ни читать, ни писать. Сперва вам придется обучить их грамотѣ, а затѣм лишь они смогут прочесть наши приказы и понять, о чем в них идет рѣчь. Сначала нам придется обучить всѣх неграмотных грамотѣ, дабы они могли понять, чего мы от них хотим, а затѣм вы сможете издавать ваши декреты, хотя бы о мобилизаціи лошадей. Скажите-ка, товарищ Ерохимов, вы что—

собираетесь Тверской революціонный полкъ превратить в конный эскадрон? Извѣстно ли вам, что подобные вопросы подлежатъ вѣдѣнію инспектора по формированію войскъ лѣвобережной группы?

— Ваша правда, товарищъ Хашекъ, — сказалъ тяжело вздохнувъ Ерохимовъ, — что же мнѣ дѣлать?

— Прежде всего научите населеніе бугульминскаго района читать и писать, — отвѣтилъ я ему, — а что касается меня, то я пойду и погляжу, не натворили бы ваши ребята какихъ-нибудь глупостей, и какъ они размѣстились в казармѣ.

Я пошелъ пошататься по городу. Тверской революціонный полкъ велъ себя достойнымъ образомъ. Онъ никого не обременялъ, солдаты подружились съ мѣстнымъ населеніемъ, попивали чаекъ, позволяли потчивать себя пельменями и борщомъ, дѣлились со своими хозяевами табакомъ и сахаромъ, словомъ все было въ порядкѣ. Поздно вечеромъ вернулся я къ себѣ и увидѣлъ на одномъ изъ угловъ свѣже-расклеенный приказъ слѣдующаго содержанія:

«Ко всему населенію города Бугульмы  
и окрестностей.

Приказываю всѣмъ жителямъ города и окрестностей, не умѣющимъ читать и писать, научиться этому в теченіе трехъ дней. Кто послѣ истеченія этого срока будетъ уличенъ в неграмотности, будетъ разстрѣлянъ.

Комендантъ города: Ерохимовъ».

Когда я вернулся къ Ерохиму, я засталъ его в



обществѣ городского головы, принесшаго с собою кромѣ хлѣба-соли и пару бутылок старой литовской водки. Все это красовалось на столѣ, и Ерохимов был навеселѣ, обнимал городского голову и крикнул мнѣ:

— Вы уже читали, как я послѣдовал вашему совѣту? Я лично отправился в типографію, направил на завѣдующаго револьвер и сказал ему: «Голубчик, ты мнѣ напечатай вот это да поскорѣе или я тебя, сукина сына, разстрѣляю на мѣстѣ.» Свинья вздрогнул, прочел приказ и еще пуще прежняго задрожал, а я — бац в потолок... Послѣ этого он его напечатал, и напечатал замѣчательно. Да! умѣет читать и писать, — это самое первое дѣло. Если ты издашь приказ, так всѣ умѣют читать, они понимают, чего ты хочешь, довольны и счастливы. Развѣ не так, голова? Ну-ка выпьем, товарищ Хашек.

Я отказался.

— Ты будешь пить или нѣтъ? — вскричал он.

Я вытащил револьвер и выпалил в бутылку с водкой. Затѣм я прицѣлился в моего начальника и выразительно сказал ему:

— Ты сейчас пойдешь спать или...

— Иду, иду, голубчик, иду, душа моя, я вѣдь только пошутил. Хотѣл только повеселиться, погулять маленько.

Я уложил Ерохимова в постель и вернулся к головѣ. Тому я сказал:

— На первый раз я прощаю вам — ступайте домой и радуйтесь, что вы так легко отдѣлались.

Ерохимов спал до двух часов дня. Когда он

проснулся, он послал за мною, поглядѣл на меня нерѣшительно и сказал:

— Кажется, вы собирались меня вчера застрѣлить.

— Так точно, — отвѣтил я ему, — я хотѣл этим способом предвосхитить то, что сдѣлал бы с вами революціонный трибунал, если бы узнал, что вы, в качествѣ коменданта города, пьянствовали.

— Да, вы вѣдь, голубчик, никому не расскажете об этом, я никогда больше не сдѣлаю этого. Я буду только обучать людей грамотѣ...

К вечеру к нам заявила первая депутація крестьян из Карлагинской волости. Шесть старух в возрастѣ от шестидесяти до восьмидесяти лѣтъ и пять стариков в том же возрастѣ.

Они бросились к ногам.

— Не мучь нас, батюшка. В три дня никак не выучишься читать и писать, сжался ты над нашей нуждой.

— Приказ недѣйствителен, — сказал я. — Все натворил этот дурень, комендант Ерохимов.

Ночью прибыло еще нѣсколько депутацій, а на утро повсюду были расклеены новые плакаты. Такіе же плакаты были разосланы и по деревням.

Их содержаніе гласило:

«Ко всему населенію Бугульмы и окрестностей.

Настоящим объявляю, что я смѣстил коменданта города Ерохимова и снова вступил в исполненіе обязанностей. Тѣм самым его приказы номер один и два, касательно



ликвидации неграмотности в трехдневный срок, объявляются недѣйствительными.

Комендант города

Хашек.»

Я мог себѣ это позволить, потому что ночью в город вошел Петербургскій конный полк, который вызвали мои чуваши против Ерохимова.

### III.

Отставленный мною комендант города Ерохимов отдал приказ своему Тверскому революціонному полку покинуть город в боевой готовности и расположился за городом лагерем. Затѣм он явился ко мнѣ попрощаться. Я завѣрил его в том, что если он вздумает со своим полком выкинуть какую-нибудь глупость, то я обезоружу его полк, а его самого направлю в распоряженіе фронтowego трибунала. Мы продолжали игру в открытую.

Со своей стороны товарищ Ерохимов завѣрил меня в том, что, немедленно же послѣ ухода Петербургскаго полка, он распорядится меня повѣсить на холмѣ у Малой Бугульмы, дабы я был виден со всѣх четырех сторон.

Мы пожали друг другу руки и разстались лучшими друзьями.

Послѣ ухода Ерохимова и его полка надо было

принять мѣры къ тому, чтобы удобно расквартировать Петербургскій конный полкъ, состоящій из одних добровольцев, и очистить для них казармы. Я поставил своей задачей как можно лучше обставить жизнь этих питерских ребят в Бугульмѣ во избежаніе того, чтобы в один прекрасный день они не взбунтовались против меня.

Но на кого возложить обязанности вымыть полы в казармѣ и все привести в порядок? Очевидно на тѣх, кому нечего было дѣлать.

Любой мѣстный житель что-нибудь да дѣлал. Я долго раздумывал, пока наконец не вспомнил о том, что невдалекѣ от Бугульмы расположен большой женскій монастырь, монастырь Божьей Матери, в котором жили монахини, ничѣм другим, кромѣ молитвы, незанятыя.

Поэтому я послал настоятельница монастыря слѣдующее официальное отношеніе:

«№ 3896. Дѣйствующая армія.  
Военный комендантъ гор. Бугульмы.

Гражданкѣ настоятельница монастыря Божьей Матери.

Немедленно отрядите пятьдесят монахинь въ распоряженіе Петербургскаго Коннаго полка. Направьте монахинь прямо въ казарму.

Комендантъ города Х а ш е к.»

Отношеніе было отослано и примѣрно через полчаса съ колокольни монастыря донесся густой и



величественный колокольный звон. Зазвонили всѣ монастырскіе колокола, и вскорѣ на их звон откликнулись колокола городского собора.

Вѣстовой доложил мнѣ, что архіерей в сопровожденіи всего мѣстнаго духовенства просит меня, чтобы я принял его. Я согласился, и в канцелярію вошло множество священников и архіерей обратилсѣ ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Господин товарищ комендант, я прихожу к вам не только от имени мѣстнаго духовенства, но и от имени всей православной церкви. Не губите вы невинных монастырских отроковиц. Мы только что получили извѣстіе из монастыря, что вы потребовали для Петербургскаго полка пятьдесят монахинь. Подумайте о том, что над вами есть Господь.

— Пока что я вижу над нами только потолок, — отвѣтил я цинично. — А что касается монахинь, то я принужден настоять на своем требованіи. Мнѣ нужны для казармы пятьдесят монахинь, а если выяснится, что для работы достаточно и тридцати, то я тут-же остальных двадцать отправлю назад. А если и пятидесяти окажется недостаточным, то я потребую сто, двѣсти, триста монахинь. Мнѣ все равно. А ваше вниманіе, господа, я обращаю на то, что вы вторгаетесь в мои вѣдомственные распоряженія, за что вы подлежите наказанію. Каждый из вас доставить мнѣ по три фунта восковых свѣчей, дюжину яиц и фунт масла. А вам, гражданин архіерей, я поручаю стовориться с настоятельницей о том, когда она мнѣ пришлет своих пятьдесят монахинь. Скажите ей, что онѣ мнѣ в самом дѣлѣ очень

нужны, и что я их всѣх верну ей в сохранности. Ни одна из них не пропадет.

Озабоченное духовенство удалилось из моей канцеляріи.

В дверях, старѣйшій из них, с самой длинной бородой, обернулся и сказал мнѣ:

— Подумайте о том, что над нами есть Господь Бог.

— Виноват, — отвѣтил я ему, — вам придется вмѣсто трех фунтов свѣчей принести мнѣ пятнадцать фунтов.

\*       \*

Стоял чудесный октябрьскій день. Ударил мороз и подморозил проклятую бугульминскую грязь. Улицы начали наполняться людьми, спѣшившими в собор. В городѣ и в монастырѣ торжественно и мрачно гудѣли колокола. Это был не набат, звучавшій ранѣе; колокола созывали православную Бугульму на крестный ход.

Только в самыя тяжелыя времена ходили в Бугульмѣ с крестным ходом: во времена, когда татары осаждали город, когда свирѣпствовала чума, во время объявленія войны, разстрѣла царя, и сегодня. Нѣжно звенѣли колокола, словно желая разрываться.

Монастырскія ворота распахнулись и пошел крестный ход с иконами и хоругвями. Четыре старших монахини вмѣстѣ с настоятельницей несли большую икону. С иконы глядѣла встревоженная Богоматерь, а за иконой шли монахини в черном, старыя и молодыя. И пѣли онѣ акафисты.



В то же мгновение из собора вышло православное духовенство в золотых ризах, а за ним все вѣрующее населеніе Бугульмы.

Оба шествія встрѣтились и слились воедино. Крестный ход обошел вокруг собора и направился к комендатурѣ, гдѣ я предпринял подобающія случаю приготовленія.

Перед домом стоял покрытым скатертью стол, на котором красовался хлѣб-соль. Справа на столѣ — икона и перед нею зажженные свѣчи.

Когда крестный ход поравнялся с комендатурой, я выступил вперед и поднес настоятельницѣ хлѣб-соль в доказательство того, что я не питаю никаких дурных намѣреній. Затѣм я обращаюсь ко всему духовенству отвѣдать хлѣба-соли. Один за другим подходят они и прикладываются к иконѣ.

— Православные, — говорю я торжественно, — благодарю вас за этот прекрасный и необыкновенно торжественный крестный ход. Я его вижу впервые в жизни, и он оставил во мнѣ неизгладимое воспоминаніе. Я вижу ряды поющих монахинь, напоминающих мнѣ о процессіях первых послѣдователей Христа во времена Нерона. Быть может кто-нибудь из вас читал «Камо грядеши?» Я не хочу долѣе испытывать ваше терпѣніе, православные. Я потребовал пятьдесят монахинь, но раз уже явился весь монастырь, так мы управимся скорѣе. Я попрошу барышень-монахинь послѣдовать за мною в казармы.

Народ стоял обнажив головы. Настоятельница приблизилась ко мнѣ. Ея старческая голова тряслась, и она спросила меня:

— Во имя Бога, что придется им дѣлать в казармѣ? Подумайте о спасеніи своей души.

— Православные, — обратился я к народу. — В казармѣ придется вымыть полы, чтобы имѣть возможность размѣстить там Петербургскій полк. Встаньте.

Они послушались меня и к вечеру, что было в порядкѣ вещей при таком количествѣ рабочих рук, казарма была вычищена.

Вечером молодая монахиня принесла мнѣ из монастыря икону и посланіе от настоятельницы, в котором было написано: «Я молюсь за вас.»

Я спокойно сплю, потому что я знаю, что по сіе время за старым сосновым бором Бугульмы стоит монастырь Божьей Матери, в котором старая настоятельница молится за меня, негодая.

#### IV.

В октябрѣ 1918 года на мое имя в комендатуру Бугульмы прибыло слѣдующее предписаніе Реввоенсовѣта Восточнаго фронта.

«Шестнадцатый легкій артиллерійскій дивизіон наступает. Приготовьте сани для переброски дивизіона на фронт.»

Телеграмма повергла меня в великое смущеніе. Что такое дивизіон? Сколько тысяч людей содер-



жит дивизион, и гдѣ я нанесу такое количество саней? В военных вопросах я был полнѣйшим профаном. Австрія не дала мнѣ никакого подготовительнаго военнаго образованія, — напротив того, она руками и ногами отбивалась от того, чтобы допустить меня к познанію военных тайн. К началу войны меня вышвырнули из офицерской школы 91 пѣхотнаго полка, затѣм с меня сняли нашивки вольноопредѣляющагося и пока прежніе однокашники — кадеты и юнкера — гибли на всѣх фронтах, как мухи, я благополучно отсиживался в кутокѣ — сперва в Будвейсѣ и в Брукѣ у Лейты. А когда меня, наконец, освободили и захотѣли послать с маршевой ротой на фронт, я ухитрился спрятаться в стогѣ, трижды предоставив маршевой ротѣ возможность выступить в поход без меня. Затѣм я симулировал эпилепсію и меня собрались было разстрѣлять; тут мнѣ пришлось добровольцем отправиться на фронт. С того времени счастье мнѣ улыбнулось, и, когда я при наступленіи на Сембор отыскал для поручика Лукаши стоянку с очаровательной полькой и чудесной кухней, я был перечислен в вѣстовые.

Когда впоследствии, в Сокалѣ, у нашего батальоннаго коменданта завелись вши, я выловил их, смазал моего начальника ртутной мазью, за что и получил большую серебряную медаль: «за храбрость.»

И при всем этом так никто и не посвятил меня в тайны военнаго искусства. Я по сіе время не знаю, сколько полков имѣется в одном батальонѣ и из скольких взводов состоит бригада. А вот в этой

Бугульмѣ мнѣ потребовалось знать, сколько нужно имѣть саней для перевозки одного дивизіона легкой кавалеріи. Мои чуваша тоже не знали этого, за что я и посадил их условно на трое суток под арест. Если в теченіе года им удастся выяснитъ вопрос о количествѣ саней, то наказаніе с них будет снято. Я вызвал к себѣ городского голову и строго заявил ему:

— До меня дошли свѣдѣнія, что вы скрываете от меня сколько людей составляют один дивизіон легкой кавалеріи.

Вначалѣ он не мог вымолвить ни слова, затѣм бросился на-земь, обхватил мои колѣни и заплакал:

— Прости, не губи меня, никогда ничего подобнаго я не распространял.

Я поднял его, угостил чаем и махоркой и отпустил, завѣрив на прощанье, что увѣрен в его невиновности. Он удалился, глубоко растроганный, и прислал мнѣ жаренаго поросенка. Я его съѣл, но все еще оставался в невѣдѣніи о том, сколько людей в дивизіонѣ и сколько для них потребуется саней.

Я послал за комендантом Петербургскаго коннаго полка и незамѣтно навел разговор на болъную тему:

— Удивительно,—сказал я,—что верховное командованіе постоянно мѣняет численность дивизіона легкой артиллеріи. И сейчас, когда организуется красная армія, это особенно непріятно. Вы не знаете случайно, товарищ командир, сколько людей раньше имѣл дивизіон?

Он сплюнул и отвѣтил:

— Мы, кавалеристы, не интересуемся артилле-



ріей. Я не знаю, из скольких человек должен состоять мой полк, потому что мне не прислали никаких указаний. Я получил лишь распоряжение сформировать полк, и я его составил. А если наберется слишком много людей, то я его, может быть, назову бригадой.

После его ухода я знал ровно столько же, сколько до его прихода, а ко всему несчастью я получил еще следующую телеграмму из Симбирска:

«Принимая во внимание опасное положение на фронте, вы назначаетесь командующим фронтом. В случае прорыва наших позиций на реке Яик, стягивайте полки на линию Ключево—Бугульма. Организуйте чрезвычайную комиссию по обороне города и защищайте его до последнего человека. К эвакуации города приступите как только неприятель окажется в пятидесяти верстах от города. Мобилизуйте все население до пятидесятидвухлетнего возраста и раздайте ему оружие. В то же время взорвите железнодорожный мост через Яик у Ключева. Вышлите на разведку бронепоезд и разрушите железнодорожное полотно...»

Телеграмма выпала у меня из рук, и когда я пришел в себя после первого испуга, я прочел дальше:

«Подожгите элеватор. Все, что не может быть вывезено, уничтожьте. Подожди-

те прибытія подкрѣпленія и озаботьтесь их размѣщеніем и регулярным питаніем. Организуйте обоз и подвоз снарядов на позиціи. Приступите к изданію газеты на русском и татарском языках в цѣлях успокоенія населенія. Назначьте Ревком. Неисполненіе или неточное исполненіе этого приказа карается по закону военного времени.

Реввоенсовѣтъ Восточнаго фронта.»

Настал вечер, а я не зажигал свѣта. Я продолжал сидѣть в креслѣ, и луна, заглянувшая в мою канцелярію, увидѣла человѣка, который все еще сидѣлъ в креслѣ, держал в руках телеграмму и растерянно вглядывался во тьму.

В таком же положеніи нашло меня и утреннее солнце. Икона, висѣвшая в углу, не выдержала, свалилась на пол и треснула.

Стоявшій у двери на стражѣ чуваш заглянул в комнату, поглядѣлъ на икону и погрозил ей пальцем:

— Проклятая, падает наземь и будит человѣка.

Утром я достал из кармана портрет моей покойной матушки. Слезы затуманили мои глаза, и я прошептал:

— Матушка моя дорогая. Когда я много лѣтъ тому назад жил с тобой на Милевошкѣ номер четыре в Прагѣ, ты и предположить не могла, что через пятнадцать лѣтъ твой бѣдный сынок будет стягивать полки на линію Ключево—Бугульма, что ему прикажут взорвать желѣзнодорожный мост через Яик, разрушить полотно, поджечь элеватор и, между прочим, оборонять город до послѣдняго человѣка. По-



чему я не стал лучше бенедиктинским монахом, как пожелала ты послѣ того, как я в первый раз провалился на экзаментъ. Я бы жил себѣ спокойно, читал бы евангеліе и попивал монастырское вино.

И словно в отвѣтъ на юго-востокъ от города загрохотали орудія.

— Они сыпят артиллеріей, — сказал мнѣ ординарец, прибывшій с позицій. — Каппелевцы переправились через Яик и наступают на наш правый фланг вмѣстѣ с польским дивизіоном. Тверской полкъ отступает.

Я послал на фронт слѣдующій приказ:

«В случаѣ, если отряд генерала Каппеля перешел с польским дивизіоном Яик и наступает на наш правый фланг, переправьтесь на другой берег Яика и нападите на его лѣвый фланг. Петербургскому конному полку поручается ударить в тыл неприятелю.»

Я призвал к себѣ командира коннаго полка.

— Наше расположеніе прорвано, — сказал я ему, — и тѣм легче будет вам забраться в тыл неприятеля и взять в плѣн польскій дивизіон.

— Ладно, — сказал командир Петербургскаго полка и пошел к себѣ.

Я подошел к прямому проводу и сообщил в Симбирск:

«Большая побѣда. Позиціи на рѣкѣ прорваны. Наступаем со всѣх сторон. Кавалерія в тылу у противника. Много плѣнных.»

## V.

Наполеон был ослом. Чего ради он напрягал свой ум, чтобы постичь тайны стратегіи, чему только не пришлось ему поучиться для того, чтобы вести непрерывныя войны! Он занимался в военных академіях Бріенна и Парижа, разработал даже свою собственную тактику и все это для того, чтобы затѣм потерпѣть пораженіе при Ватерлоо.

Многіе подражали ему и также терпѣли пораженія. Нынѣ, послѣ побѣдныхъ дней Бугульмы, триумфы Наполеона — вплоть до его побѣдъ при Мантуѣ, Кастильонѣ, Спернѣ и пр. — кажутся мнѣ большою глупостью. Я убѣжденъ в томъ, что если бы Наполеонъ в битвѣ при Ватерлоо поступилъ такъ, какъ я, то онъ при Бугульмѣ разбилъ Веллингтона.

При Ватерлоо Блюхеръ напалъ на правый флангъ его арміи и ему слѣдовало сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ я подъ Бугульмой, когда войска генерала Каппеля и польскій дивизіонъ напали на мой правый флангъ.

Почему онъ не приказалъ своей гвардіи напасть на правый флангъ Блюхера, какъ я приказалъ это сдѣлать моей петербургской конницѣ?

Петербургская конница творила чудеса, потому что Россія безконечна и нѣсколько лишнихъ километровъ не имѣютъ особаго значенія. Она прошла до Мензелинска, по дорогѣ у Чисмы, и еще Богъ знаетъ



гдѣ, напала на непріятеля и погнала его вперед, тѣм самым превратив его побѣду в поражение.

К сожалѣнію, большая часть отрядов противника отступила на Белей и Бугуруслан, тогда как меньшая часть, преслѣдуемая петербургской конницей, остановилась в пятнадцати верстах от Бугульмы.

В эти славные дни Бугульмы Тверской революціонный полкъ под предводительством Ерохимова неуклонно отступал назад перед разбитым непріателем.

К вечеру он обычно располагался в какой-нибудь татарской деревнѣ, а на утро, поѣвъ всѣх гусей и уток, он двигался дальше по направленію к Бугульмѣ, объѣдая попадавшіяся на пути деревни. Наконец он дошел до Бугульмы.

Ко мнѣ прибѣжали из типографіи и сообщили, что командир полка, Ерохимов, угрожает револьвером завѣдующему типографіей и требует, чтобы тот напечатал какой-то приказ и объявленіе.

Я захватил с собою четырех чувашей, два браунинга и револьвер системы Кольта и пошел в типографію. В конторѣ типографіи я нашел завѣдующаго сидящим на стулѣ, а против него, почти вплотную, расположился на другом стулѣ товарищ Ерохимов.

Завѣдующій типографіей находился в весьма двусмысленном положеніи: его сосѣд приставил к его виску револьвер и спрашивалъ:

— Ты напечатаешь, или нѣтъ?

Я пришел как раз в то мгновеніе, когда мужественный завѣдующій отвѣчалъ:

— Я не напечатаю этого, я не могу, голубчик.  
На что его сосѣд замѣтил:

— Напечатай, душа моя, голубчик, напечатай, прошу тебя.

Увидѣвъ меня, Ерохимов смутился и поспѣшил ко мнѣ. Он обнялъ меня и сердечно пожал мою руку, а затѣм, повернувшись къ завѣдующему, подмигнул ему:

— Мы бесѣдуем вот уже съ полчаса — вѣдь я его давно не видѣлъ.

Я замѣтил, что завѣдующій сплюнул на пол и довольно явственно проворчал:

— Хороша бесѣда.

— Я слышал, — сказал я Ерохимову, — что вы опять собираетесь напечатать какое-то оповѣщеніе или приказ, или еще что-то въ этом родѣ. Быть может вы будете столь любезны и ознакомите меня съ его содержаніем?

— Я только пошутил, товарищ Хашек, это просто шутка, — отвѣтил печально Ерохимов. — Я ничего не думал.

Я взялъ со стола проект оповѣщенія, никогда не дошедшаго до свѣдѣнія бугульминцев. Они были бы очень изумлены тѣм, что для них готовил Ерохимов. Оповѣщеніе гласило:

#### «Оповѣщеніе № 1.

Во главѣ побѣдоноснаго Тверскаго полка, я вернулся съ фронта и настоящимъ сообщая, что принимаю на себя командованіе городомъ и окрестностями. Я образую чрезвычайный революціонный трибуналъ во гла-



въ котораго стану я. Первое засѣданіе его состоится завтра и слушаться будет дѣло исключительной важности: перед судом чрезвычайнаго революціоннаго трибунала предстанет комендантъ города Хашек, который есть контр-революціонер и предатель. Если он будет приговорен к разстрѣлу, то таковой состоится через двѣнадцать часов послѣ вынесенія приговора.

Предупреждаю населеніе, что всякія попытки к возстанію будут пресѣчены в корнѣ.

Ерохимов,  
комендантъ города и окрестностей.»

К этому мой пріятель Ерохимов пытался присокупить слѣдующее:

### «Приказ № 3.

Чрезвычайный революціонный трибунал Бугульминской прифронтовой полосы сообщает, что бывшій комендантъ города Хашек, по постановленію трибунала, разстрѣлян за контр-революцію и измѣну.

Ерохимов,  
предсѣд. чрезвычайнаго трибунала.»

— Право, это только шутка, голубчик, — сказал мягко Ерохимов, — если ты хочешь револьвер, то, пожалуйста, возьми. В кого мнѣ стрѣлять?

Меня поразила мягкость его голоса, я обернулся и увидѣлъ моих чувашей, прицѣлившихся в него своими винтовками

Я скомандовал им отставить ружья, взял у Ерохимова, вскинувшего на меня свои голубые дѣтскіе глаза, револьвер. Ерохимов вполголоса спросил меня:

— Что, я арестован или свободен?

Я разсмѣялся:

— Вы — дурень, товарищ Ерохимов. За такіе шутки никого никуда не сажают. Вы сами сказали, что все это шутка. Из-за вашего трусливаго отступленія, поляки, преслѣдуемые нашей кавалеріей, добрались почти что до самаго города. Знаете ли вы что получена телеграмма из Симбирска, в которой вам предписывается стяжать новые лавры революціи. Револьвер ваш я вам верну под условіем, что вы немедленно покинете город, окружите поляков и возьмете плѣнных. Но чтобы с голов плѣнных не упал и волос! Если ты ослушаешься, то тебѣ будет худо. Ты, я полагаю, согласишься с тѣм, что нам нельзя срамиться перед симбирскими товарищами. Я им телеграфировал, что Тверской полк взял множество плѣнных.

И я стукнул кулаком по столу:

— А гдѣ твои плѣнные? Куда ты дѣл их?

И прибавил угрожающимъ голосом, потрясая кулакомъ у самаго его носа:

— погоди, ты у меня сам будешь все расхлебывать. Намѣрен ты мнѣ еще что-либо сказать, прежде чѣмъ отправишься за плѣнными? Или ты не знаешь, что комендантъ — это высшая власть?

Ерохимов стоялъ на вытяжку и наконецъ объявил:

— Еще сегодня вечеромъ я возьму в плѣнъ поляков. Благодарю вас.



Я отдал ему его револьвер, пожал руку и сердечно попрощался с ним.

Ерохимов сдержал свое слово. К утру Тверской полк начал пригонять плѣнных. Вся казарма была забита ими, и мы не знали, что нам предпринять.

Я пошел поглядѣть на них и чуть не упал от ужаса в обморок: вмѣсто плѣнных Ерохимов согнал живущих в окрестных деревнях татар, потому что поляки, не дожидаясь нападенія Тверского полка, ушли.

## VI.

Товарищ Ерохимов никак не мог постичь того, что мирные татары — окрестное населеніе — не являются поляками, и когда я приказал отпустить его «плѣнных» по домам, он почувствовал себя обиженным, пошел на телеграфъ и попытался послать в Симбирск Реввоенсовѣту телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Сообщаю, что послѣ трехдневнаго боя, я с моим тверским революціонным полком разбил непріятеля. Непріятель понес огромныя потери. Я взял в плѣн двѣнадцать тысяч бѣлых, которых комендантъ города снова отпустил на свободу. Прошу выслать для разслѣдованія слѣдственную комиссію. Комендантъ города, товарищ Хашек, совершенно ненадежен, он контр-революціонер и в

связи с непріятелем. Прошу разрѣшенія на организацію Чека. Ерохимов, командир Тверского революціоннаго полка».

Начальник телеграфа принялъ у товарища Ерохимова телеграмму и пообѣщал отослать ее, как только освободится провод. Затѣм он сѣлъ в сани и поѣхал ко мнѣ.

— Вот вам, батюшка, — сказал он совершенно безнадежным тоном, — прочтите.

И он передал мнѣ телеграмму товарища Ерохимова.

Я спокойно прочел ее и спрятал затѣм в карман. Завѣдующій телеграфом почесал голову и сказал:

— Вы должны признать, что мое положеніе не из легких, оно чертовски сложно. Согласно приказу народнаго комиссаріата, я обязан принимать телеграммы от командиров полков, а вы, очевидно, желаете, чтобы я не отсылал телеграммы. Я пришел к вам не для того, чтобы отдать вам телеграмму. Я хотѣлъ лишь ознакомить вас с ея содержаніем, чтобы вы смогли отослать, одновременно с телеграммой товарища Ерохимова, и свою, направленную против него, телеграмму.

Я сказал завѣдующему телеграфом, что я очень уважаю народный комиссаріат по военным дѣлам, но что мы находимся не в тылу, а на фронтѣ.

— Мы на фронтѣ, и я, прифронтный комендантъ, могу дѣлать все, что хочу. Приказываю принимать от товарища Ерохимова всѣ телеграммы, что ему вздумается подать, но я запрещаю вам отсылать их и приказываю немедленно доставлять мнѣ.



— А пока, — закончил я, — я оставляю вас на свободѣ, но предупреждаю — малѣйшее уклоненіе от исполненія моего распоряженія повлечет за собой нѣчто, чего вы себѣ и представить не можете.

Я попил с ним чаю, причем мы бесѣдовали за чаем о всяких житейских мелочах. Затѣм я попросился с ним, указав, что он может сказать Ерохимову, что телеграмма отправлена.

Послѣ ужина, чуваш, стоявшій на караулѣ, доложил мнѣ, что зданіе комендатуры окружено со всѣх сторон двумя взводами Тверского революціоннаго полка, и что товарищ Ерохимов произносит рѣчь о том, что наступил конец тираніи.

В самом дѣлѣ вскорѣ в канцелярію вошел товарищ Ерохимов в сопровожденіи десятка солдат, оставшихся в дверях с ружьями с примкнутыми штыками.

Не говоря мнѣ ни слова, товарищ Ерохимов принялся размѣщать своих солдат в канцеляріи.

— Ты встань здѣсь, а ты — сюда, ты — в угол, ты — к столу, а вы — к окнам.

Я свернул себѣ папиросу и когда закурил ее, то оказался окруженным со всѣх сторон штыками. С любопытством слѣдил я за тѣм, что предпримет Ерохимов.

По его неувѣренному взгляду я мог судить о том, что он не знал, как себя вести. Он подошел к столу, на котором лежала служебная переписка, и разорвал пару бумажек. Затѣм он нѣкоторое время шагал взад и вперед по комнатѣ в сопровожденіи солдата с примкнутым штыком.

Остальные солдаты, размѣщенные по углам, со-

храняли серьезность, пока один из них, молодой парень, не спросил:

— Товарищ Ерохимов, можно закурить?

— Курите, — отвѣтил Ерохимов и сѣл напротив меня. Я предложил ему табаку и папиросной бумаги. Он спросил меня неувѣренным голосом:

— Это симбирскій табак?

— Нѣтъ, донской, — отвѣтил я коротко и, словно не замѣчая его присутствія, начал перебирать бумаги.

Воцарилось тягостное молчаніе.

Наконец Ерохимов нарушил тишину, спросив шопотом:

— Что бы вы сказали, товарищ Хашек, если бы я оказался предсѣдателем Чека?

— Я бы поздравил вас, — отвѣтил я, — не хотите ли закурить?

Он снова закурил и продолжал печально:

— Представьте себѣ — так оно и есть, товарищ Хашек, я назначен Реввоенсовѣтом фронта предсѣдателем Чека.

Он встал и добавил выразительно:

— И вы в моих руках.

— Сперва, — отвѣтил я спокойно, — предъявите мнѣ свой мандат.

— Плевал я на мандаты, — заявил Ерохимов, — арестовать вас могу я и без мандата.

Я разсмѣялся:

— Присядьте-ка спокойно, товарищ Ерохимов, сейчас принесут нам самовар, и мы потолкуем о том, каким образом становятся предсѣдателями Чека.



— А вам здѣсь дѣлать нечего, — обратился я к ерохимовской свитѣ. — Проваливайте. Впрочем, вы сами велите им убраться, товарищ Ерохимов.

Ерохимов смущенно разсмѣялся:

— Слушайте, голубчики, и скажите тѣм, что ждут снаружи, чтобы шли по домам.

Послѣ того, как всѣ ушли и нам принесли самовар, я сказал Ерохимову:

— Вот видите, будь у вас мандат, вы могли бы меня арестовать и разстрѣлять и вообще, сдѣлать все, что вам, как председателю Чека, было бы угодно.

— Я получу мандат, — слабо запротестовал Ерохимов, будьте спокойны, голубчик, я получу.

Я вытащил из кармана злосчастную телеграмму и показал ее Ерохимову.

— Дѣло обстоит слѣдующим образом, дружок, — сказал я любезно, — всѣ военные телеграммы должны быть подписаны комендантом прифронтовой полосы и поэтому мнѣ принесли вашу телеграмму на подпись. Если вы настаиваете, то я без особых затрудненій подпишу вашу телеграмму, и вы можете ее собственноручно отнести на телеграф. Вы видите, я не боюсь вас.

Ерохимов схватил телеграмму, разорвал ее в клочки и воскликнул:

— Душа моя, голубчик, да я - ж пошутил, ты же мой единственный друг.

Мы пили чай до двух часов ночи. Он заночевал у меня, мы спали в одной кровати, утром мы снова напились чаю, и когда он, наконец, отправился домой, я дал ему на дорогу четвертку табаку.

## VII.

Со времени славных дней Бугульмы прошла неделя, и от Петербургскаго коннаго полка не осталось и слѣда. Товарищ Ерохимов, усердно навѣщавшій меня послѣ послѣдней своей исторіи, ежедневно высказывал подозрѣніе, что Петербургская конница перешла на сторону врага и предлагал: во-первых, объявить Петербургскій полкъ предателями революціи, во-вторых, послать Троцкому в Москву телеграмму с изложеніемъ подробностей их гнуснаго предательства, в третьих, — организовать революціонный трибунал и предать суду начальника связи Петербургскаго полка, потому что он должен был знать, что происходит. А если бы он этого и не знал, то ему все равно слѣдуетъ предстать перед судом.

Товарищ Ерохимов был очень старателен в своем ненавистничествѣ. Он являлся в восемь часов утра и подстрекалъ меня до половины десятаго. Затѣм он исчезал, чтобы вторично явиться в два часа, и продолжал свои разговоры до четырехъ.

Вечером он снова появлялся и за чаем — до десяти-одиннадцати часов вечера — опять принимался за разсужденія о Петербургском полкѣ.

При этом он разгуливал по канцеляріи и жалобно твердил:

— Это ужасно, это позор для революціи. Пойдем, протелеграфируем, свяжемся непосредственно с Москвой.



— Все обернется к лучшему, — утѣшал я его. — Ты увидишь, товарищ Ерохимов, петербургская кавалерія отыщется.

Между тѣм я получил от Реввоенсовѣта телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Сообщите точно количество плѣнных. Последняя телеграмма о побѣдѣ при Бугульмѣ неясна. Петербургскій конный полк перебросьте в Бугуруслан к третьей арміи. Сообщите, сколько номеров газеты издали на татарском и русском языках. Сообщите названія газет. Пришлите нарочнаго с подробным описаніем вашей дѣятельности. Тверской революціонный полк направьте на восточный фронт. Составьте воззваніе к солдатам бѣлой арміи, призывающее переходить на нашу сторону, и сбрасывайте листовки с аэропланов в непріятельское расположеніе. Неисполненіе или невѣрное исполненіе приказа карается по закону военнаго времени».

Непосредственно за этим я получил новую телеграмму:

«Не высылайте нарочнаго. Выждать. Инспектор восточнаго фронта, начальник политическаго управленія, Реввоенсовѣта и член Реввоенсовѣта Морозов выѣхали к вам с полномочіями.»

Товарищ Ерохимов присутствовал при получении телеграммы. Я прочел телеграмму и подал ее товарищу Ерохимову, чтобы посмотреть, какое действие на него произведет это сообщеніе о грозной инспекціи, как будто бы соотвѣтствовавшей его желаніям.

Я замѣтил, что в нем происходила какая-то борьба. Какая возможность разсчитаться со мной, сорвать на мнѣ свой гнѣвъ! Привѣтливая улыбка исчезла с его лица и смѣнилась выраженіем озабоченности и душевных сомнѣній.

— Ты проиграл игру, голубчик, — сказал он печально, — и потеряешь свою самонадѣянную голову.

Он расхаживал по канцеляріи и пѣлъ сдавленным голосом:

Голова ты моя удалая,  
Как долго я буду тебя носить.

Затѣм он присѣл и продолжал:

— Я бы на твоём мѣстѣ сбѣжал в Мензелинск, оттуда в Осу, из Осы в Пермь, а там — ищи вѣтра в полѣ. Ты передашь мнѣ командованіе фронтом и городом, а я попытаюсь все уладить.

— Я думаю, что мнѣ нечего бояться, — отвѣтил я.

— Нечего бояться? — и Ерохимов иронически свистнул. — Ты мобилизовал лошадей? Нѣтъ, ты их не мобилизовал. Ты наложил на город контрибуцію? Нѣтъ, не наложил. Ты засадил контр-революціонеров? нѣтъ. А теперь скажи: ты хоть распоря-



дился кого-нибудь разстрѣлять из духовенства или купечества? нѣт. Ты разстрѣлял хоть бы прежняго окружного старшину? Тоже нѣт. А бывшій городской голова жив или мертв? Жив. Вот видишь, а ты говоришь, что тебѣ нечего бояться. Дѣло твое скверное, милый друг.

Он встал и стал разгуливать по канцеляріи насвистывая:

Голова ты моя удалая,  
Как долго я буду тебя носить.

Он схватился за голову, и пока я разглядывал ползающих по стѣнѣ пруссаков, Ерохимов забѣгал от окна къ окну и продолжал причитать:

— Что дѣлать, что дѣлать? Ты пропал, голубчик, не сносить тебѣ головы.

Послѣ того, как он, примѣрно в теченіе пяти минут побѣгал таким образом, он бросился на стул и сказал:

— Тут вообще ничего не предпримешь. Хоть бы ты имѣл возможность сказать, что тюрьмы переполнены. А кто у тебя там сидит? Нѣт там никого. Если бы ты хоть мог показать инспекціи какое-нибудь спаленное имѣніе, в котором прятались контр-революціонеры? Но вѣдь и этого нѣт. Ты даже не учинил в городѣ обыска. Скажу о тебѣ прямо: я очень люблю тебя, но неважнаго мнѣнія о тебѣ.

Он встал, перепоясался, заткнул за пояс револьвер и длинный кавказскій кинжал, затѣм протянул мнѣ руку и завѣрил, что поможет мнѣ, несмотря на

то, что он не знает, каким способом можно было бы мнѣ помочь. Но что-нибудь он придумает.

Послѣ его ухода я послал в Симбирск телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Число плѣнных выясняется. Постоянные перемѣны на фронтѣ и отсутствіе карт лишает возможности подробнѣе изложить побѣду при Бугульмѣ. Инспекція убѣдится на мѣстѣ. Изданіе газет на русском и татарском языках сопряжено с большими трудностями. Нѣтъ татарских наборщиков, нѣтъ русских шрифтов, — бѣлые при отступленіи вывезли наборныя машины. Летучки с аэропланов удастся сбрасывать только послѣ прибытія в Бугульму авіаціоннаго парка. Пока что аэропланов не имѣется. Тверской революціонный полкъ находится в качествѣ резерва в городѣ.»

Я спал сном праведника. На утро ко мнѣ пришел товарищ Ерохимов и сообщил, что он кое что надумал для моего спасенія, и что он над этим поработал всю ночь.

Он отвел меня за город, к заброшенному кирпичному заводу, у котораго поставил на стражѣ пятый взвод Тверского революціоннаго полка. Караул стоял с примкнутыми штыками и всѣм проѣзжавшим кричал:

— Бери влѣво, здѣсь проѣхать нельзя.

Меня ожидала маленькая неожиданность — три свѣжих могилы. На каждой могилѣ небольшой шест и дощечка. Над первой могилой красовалась надпись:



«Здѣсь покойся разстрѣлянный бывший окружной старшина. Разстрѣлян в октябрѣ 1918 года как контр-революціонер.»

На второй дощечкѣ было написано:

«Здѣсь покойся разстрѣлянный архіерей. Разстрѣлян в октябрѣ 1918 года, как контр-революціонер.»

И на третьей дощечкѣ было выведено:

«Здѣсь покойся бывший городской голова. Разстрѣлян в октябрѣ 1918 года, как контр-революціонер.»

Мои ноги задрожали, и я вернулся, опираясь на товарища Ерохимова.

— Все это я успѣл в теченіе одной ночи, — сказал Ерохимов, — я обѣщал тебѣ помочь, чтобы у тебя было хоть что-нибудь предъявить инспекціонной комиссіи. Долго мнѣ ничего не приходило в голову, пока я не напал на эту мысль. Хочешь поглядѣть на них?

— На кого? — спросил я испуганно.

— На попа, городского голову и старшину, — отвѣтил он, — я всѣх их запер в свиной хлѣвъ, а когда инспекція уѣдет, я их выпущу на волю. Не думаю, чтобы кто-либо провѣдал об этом. К могилам я никого не подпускаю. Мои парни нѣмы, как могила, ты сможешь хоть чѣм-нибудь да похвастать перед комиссіей.

Я поглядѣлъ на него исподлобья. Его дѣйствія напомнили мнѣ Потемкина. Я пошел провѣрить правдивость его слов и убѣдился в том, что Ерохимов не солгал. Из свиного хлѣва до меня донесся глубокій бас священника, пѣвшаго: «Господи, помилуй».

И тогда я вспомнил о потемкинских деревнях.

### VIII.

Петербургскій конный полкъ принес товарищу Ерохимову полное разочарованіе. Он не только не перешел на сторону непріятеля, но еще захватил в плѣн два башкирских эскадрона, возставших против своего командира ротмистра Бачивалеева и перешедших на нашу сторону. Они возмутились тѣм, что ротмистр Бачивалеев не разрѣшил им при отступленіи поджечь какое-то село. Поэтому они рѣшили попытать счастья на другой сторонѣ.

Помимо башкирцев петербуржцы привели и других плѣнных — молодых парней в возрастѣ от семнадцати до девятнадцати лѣтъ, мобилизованных бѣлыми и ждавших первой возможности сбѣжать.

Их было примѣрно триста человек и большинство из них в своем изношенном штатском платьѣ. Среди них были татары, мордвины, черемисы; для всѣх в общем смысл гражданской войны был примѣрно столь же ясен, как и уравненіе десятой степени.



Они перешли на нашу сторону в полном порядке, захватив с собою все снаряженіе и приведя в плѣн какого-то полковника. Старый полковник царскаго времени вышел из себя, дико вращал глазами и не забывал даже в плѣну поносить своих подчиненных, ведших его, словно медвѣдя на ярмарку.

Я распорядился запереть плѣнных в заброшенной винокурнѣ и зачислить их на довольствіе частью в Тверской полк, а частью к петербургской конницѣ.

Послѣ этого приказа ко мнѣ прибѣжали товарищ Ерохимов и командир Петербургскаго полка и категорически потребовали, чтобы я, как командующій фронтом и комендант города, принял заботы о кормежкѣ плѣнных на себя. При этом товарищ Ерохимов заявил, что прежде чѣм его заставят кормить плѣнных, он их разстрѣляет.

Командир Петербургскаго полка дал ему пинка ногой и попросил не болтать глупостей. Разстрѣлывать своих плѣнных он мог и сам на фронтѣ, а не теперь, послѣ того, как его полк всю дорогу дѣлился с ними хлѣбом и табаком. Если он кого-либо и разстрѣляет, то только командира 54-го Стерлитамакскаго полка.

На это я ему возразил, что всѣ офицеры царской арміи, в том числѣ и тѣ, что попадают в плѣн, считаются на основаніи декрета от 16 іюня мобилизованными.

Полковника Макарова мы направим в штаб восточнаго фронта, гдѣ служило нѣсколько царских офицеров.

Товарищ Ерохимов замѣтил, что таким путем контр-революція внѣдряется в штаб красной арміи, на что я ему возразил, что офицеры работают там в качествѣ специалистов и под надзором политических комиссаров. Ерохимов чуть не расплакался, моля меня:

— Голубчик, я ни о чем тебя не прошу, дай ты мнѣ только этого полковника.

Затѣм он перешел на угрозы:

— Ты знаешь, что в ближайшіе дни к нам прибывает инспекція. Что ты ей скажешь? В наши руки попал полковник и выбрался от нас живым и невредимым? Плюнь на декреты, быть может их выдумали спецы.

Тогда неожиданно встал командир Петербургскаго полка и закричал на Ерохимова:

— Ленин, по-твоему, спец? Ах, ты мерзавец. Совнарком, издающій декреты — это по-твоему спецы? А кто ты такой в таком случаѣ, ты, свинья и сукий сын?

Он схватил Ерохимова за ворот и выкинул за дверь. Затѣм он продолжал бушевать:

— Гдѣ был он со своим полком, когда мы Чисму брали и захватывали в плѣн башкирскіе эскадроны и батальон Стерлитамакскаго полка вмѣстѣ с полковником? Гдѣ был он со своей братвой, когда каппелевцы и поляки стояли в двадцати пяти верстах от Бугульмы? Я возьму свой полк и погоню всю его славную часть на фронт. И затѣм я разставляю пулеметы и заставляю их идти в наступленіе. Эдакая свинья!

Он продолжал нещадно ругаться, пока я ему не



указал, что подобная переброска войск может произойти только по распоряженію командующаго фронтом и на основаніи соотвѣтствующаго приказа штаба.

Тогда он возвратился к исходному нашему разговору и заявил, что заботы о кормежкѣ плѣнных ложатся цѣликом на коменданта города. Он на это не ассигнует и копейки. Он имѣет в своей казнѣ всего лишь навсего двѣнадцать тысяч рублей и уже трижды посылал в управленіе за деньгами и до сих пор не получил ни копейки.

Я завѣрил его, что я, как комендантъ города, располагаю в своей кассѣ всего двумя рублями и, что если подсчитать сколько задолжали мнѣ в теченіе послѣдняго мѣсяца воинскія части, которых я кормил, то наберется долгов на милліон рублей. Я отослал счета в симбирское интендантство и в государственный контроль, но до сих пор ни один из этих счетов не оплачен, так что мой мѣсячный баланс дает слѣдующіе результаты: актив — два рубля, пассив — нѣсколько больше одного милліона. И несмотря на такой большой оборот, я имѣл возможность вот уже третій день питаться по утрам одним только чаем с молоком, а к обѣду и ужину куском хлѣба. У меня не было даже куска сахара, мяса я не видѣл с недѣлю, а борща мнѣ не доводилось ѣсть в теченіе двух недѣль. Я даже забыл, как выглядит мясо или сало.

У командира Петербургскаго полка на глазах показались слезы.

— Если дѣло обстоит так, то я приму кормежку плѣнных на себя. У нашего обоза большіе за-

пасы. Кое-что мы захватили «в тылу у противника», — сказал он. Затѣм он освѣдомился у меня о точном количествѣ плѣнных и ушел.

Послѣ его ухода я вызвал к прямому проводу штаб восточнаго фронта и обмѣнялся с ним нѣсколькими телеграммами. Двѣ из них были чисто хозяйственнаго характера, а третья гласила о числѣ плѣнных. Я получил отвѣт:

«Полевое интендантство получило распоряженіе выслать вам аванс в размѣрѣ двѣнадцати милліонов рублей. Составьте из плѣнных самостоятельную воинскую часть. Башкирскіе эскадроны переименуйте в первый совѣтскій башкирскій полк и присоедините к Петербургскому полку. Батальон Стерлитамакскаго полка влейте в Тверской полк и распределите плѣнных по ротам. Полковника Макарова немедленно направьте в распоряженіе штаба восточнаго фронта. Если он будет сопротивляться, разстрѣляйте его на мѣстѣ».

Я послал за товарищем Ерохимовым и командиром Петербургскаго полка. На мой вызов явился только командир Петербургскаго полка. Вмѣсто Ерохимова явился полковой адъютант, доложившій мнѣ, что товарищ Ерохимов с двумя вооруженными солдатами пошел на винокурню, гдѣ содержались плѣнные, и взяв с собою полковника Макарова, направился с ним в лѣс.

Я нагнал Ерохимова с солдатами и полковни-



ком в маленьком сосновом лѣскѣ у Малой Бугульмы.

— Куда? — завопил я. Ерохимов походил на школьника, котораго учитель накрыл в своем саду на грушевом деревѣ.

Он посмотрѣлъ на полковника, на солдат, на свои сапоги и затѣм сказал мнѣ:

— Я хотѣлъ только немножечко погулять с полковником по лѣсу.

— Ну-с, — сказал я, — вы достаточно погуляли, ступайте вперед, а я слѣдую за вами с полковником.

В полковникѣ не было замѣтно и тѣни страха.

Я взял свою лошадь под уздцы и пошел рядом с полковником.

— Полковник Макаров, — сказал я, — только-что я освободил вас из весьма непріятнаго положенія, а завтра я отошлю вас в Симбирск, в распоряженіе штаба. Вы мобилизованы, — добавил я добродушно.

Не успѣлъ я договорить до конца, как полковник нанес мнѣ своею огромной лапой такой удар, что я беззвучно свалился в снѣг. Я бы замерз там, если бы меня не нашли два мужика, ѣхавшіе на санях из Бугульмы. Они подобрали меня и доставили в комендатуру.

На слѣдующій день я исключил из списка плѣнных полковника, а из списка лошадей комендатуры мою лошадь, на которой ускакал к бѣлым полковник Макаров. И как раз в то же время товарищ Ерохимов поскакал в Клюквино, пытаюсь

послать в Симбирск Реввоенсовѣту восточнаго фронта слѣдующую телеграмму:

«Товарищ Хашек освободил полковника 54-го Стерлитамакскаго полка Макарова и подарил ему своего коня, дабы облегчить ему бѣгство к непріятелю. Ерохимов».

Эта телеграмма дѣйствительно прибыла в Симбирск.

## IX.

«У злыхъ людей нѣтъ пѣсен», — сказал одинъ нѣмецкій поэтъ, заканчивая двустишіе. Я до поздней ночи распѣвалъ татарскія пѣсни, мѣшая спать моимъ сосѣдямъ, изъ этого я могъ заключить, что нѣмецкій поэтъ ошибался в своемъ заключеніи.

Я думаю, что все же я пошелъ спать первымъ, потому что самъ усталъ отъ монотонности всѣхъ этихъ мелодій, заканчивающихся слогами: «Эл, Эль, бар, але, эле, бар, бар».

Меня разбудилъ одинъ изъ моихъ чувашей, доложившій мнѣ о томъ, что прибыли сани съ тремя людьми, предъявившими караулу какіе-то документы.

Точный переводъ его словъ гласилъ:

— Три сани, три человѣка, внизу много бумаги, одинъ, два, три бумаги.



— Хотят с тобою говорить, — добавил чуваш, — сердитые, ругаются.

— Пошли их ко мнѣ.

Вскорѣ затѣм дверь в мою комнату распахнулась, и вошли неожиданные гости.

Первый из них был бородатым блондином, вторая — женщиной, закутанной в шубу, третій оказался мужчиной с черными усами и необыкновенно пытливым взглядом.

Они поочередно называли себя:

— Сорокин.

— Калибанова.

— Агапов.

Послѣдній жестко добавил тоном, не допускающим возраженій:

— Мы — коллегія революціоннаго трибунала восточнаго фронта.

Я предложил им папиросы, на что Агапов замѣтил:

— Как видно, товарищ Хашек, вам здѣсь не плохо живется. Тѣ, что честно служат революціи, не могут себѣ позволить роскоши курить такой табак.

Когда внесли самовар, мы стали толковать со всѣм об иных вещах. Сорокин толковал о литературѣ и рассказал, что когда он еще был лѣвым социалистом - революционером, то издал в Петербургѣ сборник стихов под заглавіем «Возстаніе», который был запрещен цензурой. Сегодня он об этом не жалеет, потому что этот сборник был совершенным идиотством. Он изучал филологію, а нынѣ состоит председателем трибунала восточнаго фронта. Он

был любезный и славный человек, во время чаепития, я позволил себя потрепать его за бороду.

Товарищ Калибанова была студенткой - медичкой и в прошлом также являлась социалисткой-революционеркой — очень милая девушка, знавшая наизусть всего Маркса. Агапов, третий член трибунала, был решительнее и левее всех. В прошлом он был письмоводителем у московского адвоката, у которого в свое время скрывался генерал Калинин. Судя по словам Агапова, адвокат этот был величайшим негодяем на свете, потому что платил ему всего лишь пятнадцать рублей в месяц. Половому в «Эрмитаж» он давал на чай втрое больше, чем платил ему. При этом он себя выговорил у полового право плевать ему в лицо.

Весь его вид свидетельствовал о том, что все, предшествовавшее свержению царизма, сделало из него сурового, непреклонного и жесткого человека. Он давно уже рассчитался со всеми теми, что платили ему эти злосчастные пятнадцать рублей, — всюду, где бы он ни появлялся, он усматривал те же прошлаго и предательство.

Он говорил краткими, полными иронии, фразами. Когда я ему предложил к чаю сахар, он сказал:

— Жизнь сладка, товарищ Хашек, только для некоторых, но вам-то мы ее еще сделаем горькою.

Когда в разговор я сообщил ему о том, что я чех, он заметил:

— Волка в ягненка не превратишь.

Товарищ Сорокин заметил ему на это:

— Следствие все выяснит.



Товарищ Калибанова скорчила гримасу и сказала:

— Я полагаю, что нам слѣдовало бы предъявить товарищу Хашеку наши полномочія.

Я отвѣтил, что был бы рад возможности ознакомиться с ними, дабы знать, с кѣм имѣю честь говорить, так как не допускаю, чтобы меня без достаточных основаній будили по ночам.

Тогда Агапов достал из портфеля слѣдующій мандат:

«Реввоенсовѣт  
Штаба Восточнаго фронта  
№ 728  
Симбирск.

Удостовереніе

настоящее выдано тов. Сорокину, Калибановой и Агапову в том, что они назначены Реввоенсовѣтом Восточнаго фронта коллегіей Революціоннаго Трибунала и обладают, на основаніи данных им полномочій, правом производства дознанія и учиненія обысков в любом мѣстѣ. Для выполненія возложеннаго на них порученія предлагается всѣм воинским частям предоставлять им соотвѣтствующую воинскую силу.

Реввоенсовѣт  
Восточнаго фронта  
(Подписи).»

— Я полагаю, что этого достаточно, товарищ Хашек? — сказала Калибанова.

— Разумѣтся, — отвѣтил я, — но скиньте шубу, сейчас вскипит самовар, да к тому же здѣсь в комнатѣ тепло.

Агалов не упустил случая задать вопрос:

— А вам не тепло? Мнѣ кажется, вам должно быть даже жарко.

— У меня имѣется термометр, — возразил я ему, — и если вам угодно, то удостовѣрьтесь в том, что здѣсь нормальная температура.

Сорокин, самый серьезный из них, скинул с себя полушубок, положил его на мою кровать и объявил, что тут же послѣ чая мы приступим к дѣлу.

Когда я нынѣ вспоминаю товарища Агалова, то с удовольствіем отмѣчаю его откровенность.

Он первый попросил меня распорядиться, чтоб убрали самовар, так как настало время приступить к разбору моего дѣла. Свидѣтели были признаны излишними. Совершенно достаточным было донесеніе товарища Ерохимова, сообщившаго в Симбирск, что я отпустил на свободу полковника Макарова и подарил ему мою лошадь, благодаря чему он бѣжал к непріятелю.

Агалов потребовал скорѣйшаго окончанія разбора дѣла и вынесенія мнѣ смертнаго приговора — разстрѣла по прошествіи двѣнадцати часов.

Я задал товарищу Сорокину вопрос, кто, собственно, является предсѣдателем и руководит разбирательством, на что получил отвѣтъ, что все в порядкѣ, так как Агалов является представителем обвиненія.

И тогда я потребовал, чтобы вызвали товарища Ерохимова и допросили в качествѣ свидѣтеля.



Агапов согласился с моим требованіем, потому что раз Ерохимов послал телеграмму, то он к ней может добавить еще многое другое.

Поэтому мы сошлись на том, чтобы послать за Ерохимовым и выслушать его свидѣтельскія показанія.

Я послал за Ерохимовым...

Он пришел заспанный, и, когда Агапов сообщил ему, что перед ним революціонный трибунал Восточнаго фронта, присланный сюда, чтобы разобрать дѣло товарища Хашека на мѣстѣ и здѣсь же вынести приговор, лицо Ерохимова приняло выраженіе полнѣйшей тупости.

Он поглядѣл на меня и по сей день то, что произошло в его душѣ, представляет для меня психологическую загадку.

Его взгляд переключивался с одного члена революціоннаго трибунала на другого, а затѣм на меня.

Я протянул ему папиросу и сказал:

— Закурите, товарищ Ерохимов, это тот же табак, что мы когда-то курили вмѣстѣ.

Ерохимов еще раз оглядѣл присутствующих безнадежным и идиотским взглядом и сказал:

— Голубчик, телеграмму я послал в пьяном состояніи.

Тогда товарищ Сорокин встал и преподнес цѣлую рѣчь о зеленом змѣѣ — об алкоголѣ.

Затѣм говорила Калибанова и наконец заговорил Агапов, потребовавшій строгаго наказанія Ерохимова за «алкоголизм», так как тот сознавался, что был пьян, являясь командиром Тверского полка.

Агапов, великолѣпный в своем волненіи, потребовал разстрѣла.

Я приподнялся и объявил ему, что не найдется человѣка, который мог бы разстрѣлять Ерохимова, потому что это вызвало бы возстаніе Тверского полка.

Калибанова потребовала двадцати лѣтъ принудительных работ.

Сорокин — разжалованія.

Мы высказывались до утра за и против этого предложенія. Затѣм согласились на том, чтобы Ерохимову был вынесен строгій выговор с замѣчаніем, что если это еще раз повторится, то он будет покаран строжайшим образом.

Ерохимов в теченіе всего разбирательства спал.

Утром революціонный трибунал восточнаго фронта уѣхал и Агапов, прощаясь, сказал мнѣ насмѣшливо:

— Волка не превратить в ягненка. Берегись, братец, а не то станешь короче на голову.

Я пожал им всѣм руки, и мы разстались.

---



## Горшицкій окружной начальник и совѣты молодымъ хозяикамъ.

Я не знаю, быть можетъ я обижу этого господина. Но что дѣлать? Если бы я написалъ: «Окружной начальникъ Коллина, Кутенберга или Будвейса», то и они почувствовали бы себя обиженными. Окружные начальники в Богеміи всѣ какъ одинъ, отличить ихъ можно только по какой-нибудь маленькой примѣтѣ, какъ конскія яблоки. Одинъ покрупнѣе, другой чуть помельче. Итак, сегодня снимемъ мы голову съ начальника Горшицкаго округа.

\*   \*  
\*   \*

Горшицкій окружной начальникъ велѣлъ привести къ нему редактора мѣстной газеты. Наканунѣ онъ сказалъ своимъ служащимъ:

— Кстати, завтра передъ обѣдомъ, в десять часовъ утра я былъ бы не прочь увидѣть у себя редактора газеты.

И поѣтому ночью жандармы отправились къ редактору, извлекли его изъ теплой постели и привели в жандармское управленіе. К десяти часамъ утра они доставили его в окружное управленіе. Штаны сваливались у редактора с ногъ, потому что подтяжки у него отобрали, чтобы не дать ему возможности повѣситься. Воротничка на немъ тоже не было, потому что ночью ему не позволили его надѣть. Редак-

тор был внѣ себя и производил впечатлѣніе человека, сорвавшагося с висѣлицы.

Окружной начальник стоял перед ним, словно воплощеніе власти. В полном величіи возвышался он перед редактором и с великолѣпной строгостью поглядывал сверху вниз на этого газетнаго червяка.

«Боже мой, — подумал редактор, вскинув взгляд на непомерный живот начальника, грозившій вырвать из стягивавшаго его мундира всѣ блестящія пуговицы. — Если он обрушится на меня и прижмет меня брюхом к стѣнкѣ, то раздавит меня, словно ягоду.»

Окружной начальник строго поглядывал на редактора и послѣдній чувствовал, что этот взгляд означает: «Ты в моей власти, червь, я тебѣ наступлю на горло, потому что мнѣ все дозволено».

То была борьба двух міров. Борьба начальства с пылинкой, борьба слона с клопом. Вот именно, это и было тѣм словом, что искал господин окружной начальник. В могильной тишинѣ раздался его голос:

— Вы — клоп, редактор. Что вы написали в послѣдній раз в вашем отдѣлѣ «Совѣты сельским хозяевам и молодым хозяйкам»? Право, перечень наилучших разновидностей плодовых деревьев удался вам на славу. Из яблонь вы рекомендуете золотую зимовку и указываете, что во Франціи ее называют королевским ранетом. Затѣм вы высказываетесь за яблоки — Босконскую красотку, за Бордсдорфское яблоко, за американскую грушу и за англійскую грушу «Вильдер эрли». Это — государственная измѣна. Почему вы рекомендуете



французскую сливу? Мы довольны, господин редактор, и своею, наненгеймской сливой. Вы хвалите зеленые вашингтонскіе ренглады, происходящіе из Америки. Это очень характерно, что вы игнорируете мѣстныя породы. Почему вы не пишете, что тирольское яблоко — хорошее яблоко? Потому, что вы знаете, что тирольцы могут сѣсть вам на шею. Потому что вы знаете, что это народ, который готов ради нашего обожаемаго монарха принести себя в жертву. Почему вы не рекомендуете кассельское королевское яблоко? Потому что вы знаете, что Кассель это нѣмецкій город, и потому что вы желаете, чтобы нѣмцы проиграли войну. По какой причинѣ вы игнорируете даже гравенштейнское яблоко? Да потому что у гравенштейнских гусар есть девиз: «За Бога, короля и отечество». Разумѣется, слива графа Альтана не попадаетъ вам под нос, потому что граф Альтан был австрійским генералом, а вы все мечтаете о том, чтобы Господь послал всѣх австрійских генералов к чертям.

Я вторично обращаю ваше вниманіе: вы рекомендуете французскія яблони, французскую сливу, англійскую грушу, американскую черешню, и все это для того, чтобы людей преслѣдовала мысль — когда, наконец, Франція, Англія и Америка побѣдят Германію и Австрію? Прочтите-ка внимательно вашу статью «Какіе сѣменные сорта наиболѣе пригодны для различных видов почвы?» В этой статьѣ вы пишете о том, что наилучшими сѣменами для богемской почвы являются французскія сѣмена. Итак — союз чехов и французов. Это мы очень хорошо понимаем, и это мы вычитали в вашей

статья. В вашем отдѣлѣ «Привѣтъ садоводам» вы рекомендуете бѣлыя, синія и красныя пеларгоніи. Значит — запрещенные три цвѣта славянства. А в вашей статьѣ «Прекрасное удобреніе для картофеля — чилийская селитра» вы попросту стремитесь к тому, чтобы лишить Австрію необходимѣйшаго элемента для изготовленія пороха. «На жесткой почвѣ можно разсыпать селитру одновременно с сажаніем картофеля». Погодите, мы вас еще посадим! Мы сумѣем справиться с вами! А что вы думаете вальей фразой: «мерзлые овощи надо употребить возможно быстрѣе, так как они быстро поддаются гніенію и плѣсени». Мы прекрасно понимаем, кого вы имѣете в виду под мерзлыми овощами. Вы подрываете устои.

На то, какое дѣйствіе производят ваши статьи, указывает донесеніе жандармскаго вахмистра из Воданца: «Осмѣлюсь обратить вниманіе уважаемаго королевскаго управленія на статью в горщицкой газетѣ под заголовком «Примѣненіе квасцов». В ней написано: «Иногда на кустах смородины и крыжовника заводятся маленькія гусеницы, в теченіе нѣскольких дней пожирающія всю листву и всѣ ягоды». В теперешнее тяжелое время подобная фраза может в нашей садоводческой мѣстности вызвать цѣлую панику, и я полагаю, что это сдѣлано не без политических цѣлей. В том же номерѣ имѣется указаніе на способы стирки пожелтѣвшаго бѣлья и тут же замѣтка «Как приготовить черныя чернила».

Всякій обратит вниманіе на это сочетаніе желтаго и чернаго цвѣтов — это сочетаніе имѣет своею цѣлью высмѣять цвѣта нашей монархіи! В статьѣ



«Мокрая обувь» имѣется предложеніе: «Тут же послѣ того, как вы сняли с себя просырѣвшіе сапоги, рекомендуется в них насыпать сухого овса». Осмѣлюсь обратить ваше вниманіе на то, что это явный призыв к обходу реквизиціи овса. Так обстоят дѣла, милый друг, и вы сами понимаете к чему это может привести.

Окружной начальник умолк и поглядѣл на редактора. Казалось, что это слон, собирающійся в слѣдующее мгновеніе раздавить живое существо.

Но слон отклонился в сторону. Окружной начальник выдвинул ящик письменнаго стола и передал редактору связку бумаг, торжественно заявив при этом:

— Патріотическія чувства и настроенія должны красной нитью проходить через ваши статьи. Здѣсь у меня имѣется нѣсколько совѣтов и указаній для сельских хозяев и домашних хозяек. Эти совѣты составлены в патріотическом духѣ и должны быть напечатаны в слѣдующем же номерѣ. Ступайте.

Когда уничтоженный редактор ознакомился дома с переданным ему свертком, он прочел:

«Дешевый предсказатель погоды. Мы вѣшаем на стѣну открытку с изображеніем нашего обожаемаго монарха. Мы вколачиваем обожаемому монарху в лоб гвоздь и прикрѣпляем к гвоздю желто-черный шнурок, на котором висит гусиное или куриное перо. Затѣм мы отмѣчаем карандашом на открыткѣ уровень, на котором висит перо. Если погода проясняется, то перо

подымается вверх к самому носу его Величества. Опустившееся вниз перо предвѣщает дождь.»

Дешевый воск для натиранія полов готовится из 50 грамм сосновой смолы и 250 грамм топленого сала. К этим веществам подливают 26 граммов крѣпкаго скипидара, и все это размѣшивают на слабом огнѣ столько времени, сколько потребуется для того, чтобы дважды подряд спѣть австрійскій гимн.

Как предохранить лѣтом молоко от прокисанія. Положите в молоко листок дикаго крепса и трижды возгласите многолѣтне нашему обожаемому монарху.»

Редактор, дочитав эти совѣты, взял желтый шнурок и повѣсилъ на черной трубѣ.



## Дѣло о коррупціи в городской управѣ.

Вы, по всей вѣроятности, знаете старшаго полицейскаго инспектора Вагнера. Он и есть тот самый господин, что так отличился при поимкѣ грабителя Мирички. Он ухитрился даже сыграть с ним в карты, причем Миричка проиграл ему всѣ награбленные деньги.

И тогда Миричка сдѣлал то, чего ему никогда не простят его друзья. Он пошел в полицейское управленіе и явился с повинной. Он объяснил, что жизнь и свобода надоѣли ему, потому что вот уже двѣ недѣли как у него не было в руках порядочной карты.

Случайно старшій полицейскій инспектор Вагнер дежурил как раз в то время, когда привели Миричку.

Оба изумленно поглядѣли друг на друга, и когда грабитель сказал:

— Я — Миричка, — старшій полицейскій инспектор чуть покраснѣл и отвѣтил твердо:

— Я это знал.

Когда сыщики увели Миричку, полицейскій инспектор подумал:

«Бывают же совпаденія.»

Когда час спустя явились журналисты освѣдомиться о случаях воровства и прочих происшестві-

ях, представляющих наибольший интерес для читателей, он был уже совершенно спокоен и торжественно объявил:

— Пишите.

И затѣм — вам, очевидно, довелось прочесть в газетѣ о том, как старшій полицейскій инспектор Вагнер накрыл извѣстнаго грабителя Миричку и обыграл его в карты с таким счастьем, что всѣм, ограбленными этим разбойником, будет выдано вознагражденіе.

От предполагавшагося пріобрѣтенія мотоциклетки старшему полицейскому инспектору Вагнеру пришлось отказаться, но об этом в газетах не упоминалось ни слова, так как это было лишь его сокровенным желаніем во время игры в макао со своим эlegantным противником.

Так ему и не довелось обзавестись мотоциклеткой, но зато начальник полиціи выразил ему свою признательность и назначил завѣдующим полицейским музеем, что однако не было связано с повышеніем оклада.

Эта должность давала ему возможность находиться в постоянном контактѣ со всѣми ухищреніями преступнаго міра.

Когда полицейскій инспектор Вагнер осматривал эти очаровательныя коллекціи отмычек, ломов, взломанных касс, когда он обходил залу, со стѣн которой вызывающе улыбались портреты различных преступников и косились фотографіи убійц, он оглядѣлся вокруг и подумал:

«Бывают же совпаденія.»

Коллекція доставила ему столько радости, что



он долго разглядывал альбом преступников. Это дало повод к толкам в полицейском управленіи о том, что старик Вагнер снова занялся игрой с преступниками.

В помѣщеніи, в котором находились коллекціи, стояло кресло. Он располагался в нем и разсматривал фотографіи.

Порой слышались его замѣчанія:

— Погляди-ка, что за нос? Что за кривое рыло! Послушай, да у тебя, старый лев, не хватает зубов.

И тогда всѣ знали, что он в хорошем настроеніи и что затѣм явится в канцелярію и скажет полицейским и сыщикам:

— Пойдемте-ка, ребята.

Послѣ этого слѣдовала облава в подозрительных кафеинях, гостиницах и меблированных комнатах.

Он называл это «охотой на людей» и, дѣйствительно, они возвращались словно из африканской экспедиціи за неграми: они гнали перед собою цѣлую орду темных личностей, мужчин и женщин, которых задержали в подозрительных заведеніях. А если кому-нибудь из случайных прохожих не нравились их дѣйствія, то они прихватывали и его. Старшій полицейскій инспектор Вагнер вел себя при этом очаровательно. Как правило, он хлопал подобных господ по плечу и привѣтливо говорил:

— Прошу вас пополнить наши ряды, — и шествіе двигалось дальше.

Затѣм, как говорилось, приступали к распредѣленію премій. Всѣх задержанных выстраивали в ряд, и инспектор Вагнер обходил их и выбирал.

Так, напимѣр, хлопал по плечу уличную женщину и привѣтливо говорил:

— Барышня, вы будете мыть клозет.

Таким способом он распредѣлял преміи. Нѣкоторые из задержанных подвергались наказанію в административном порядкѣ, а других предавали суду за бродяжничество!

И послѣ того, как он надѣлял подобным образом всѣх задержанных, он имѣл обыкновеніе говорить своей командѣ:

— Надо быть добросовѣстными, ребята.

Как-то ночью в числѣ прочих задержанных оказалась молодая дѣвушка. Инспектор Вагнер остановился перед нею — она поглядѣла на него печальными глазами.

— Барышня, вам придется убирать полицейскій музей, — сказал он ей.

Послѣ того, как она убрала полицейскій музей и стерла пыль со всѣх фотографій, он отпустил ее. Послѣ ея ухода он снова принялся просматривать фотографіи, и вдруг одна из них показалась ему почему-то знакомой. Под фотографіей красовался полицейскій номер, а рядом имя: «Екатерина Берк.»

То была фотографія извѣстной мошенницы Берк, обладавшей симпатичной и располагавшей к себѣ вѣжностью.

«Гдѣ это я видѣл ее?» размышлял полицейскій инспектор Вагнер, и когда он вторично взглянул на фотографію, ему неожиданно пришло в голову, что проворная дѣвушка, два часа тому назад убиравшая музей и возившаяся с мокрой тряпкой, была Екатериной Берк.



С фотографіей в руках выбѣжал он из полицейскаго музея к сыщикам.

— Ребята, — закричал он, — знаете ли вы, кто была эта дѣвушка, убиравшая наш музей? Поглядите-ка.

— Екатерина Берк, — заявили ему. То, что он предполагал, подтвердилось, и он торжественно заявил:

— Вот видите, а кто как не я до этого докопался. И вѣдь только что она еще была здѣсь!

Всѣ очень обрадовались, и это было в нѣкоторой степени шагом вперед к должности начальника сыскаго отдѣленія.

К счастью, начальник полиціи был настолько совѣстлив, что заявил Вагнеру:

— Еще одно такое выступленіе, и вы в самом дѣлѣ станете начальником всего розыскаго дѣла.

А добряк Вагнер испытывал от всего этого такую живую радость, что, когда, через долгое время, фотографія снова попалась ему на глаза, он воскликнул:

— Вы поглядите-ка, бывают же совпаденія!

При этом он испытывал большое удовольствіе, словно все то, что он сдѣлал, было сдѣлано как нельзя лучше.

Надо воздать ему должное — он жил мыслью о службѣ. Послѣ обѣда он мирно дремал в креслѣ, не заботясь о том, что творилось дома. В самом дѣлѣ, какое ему было дѣло до того, что у его жены новая прислуга?

Когда он впервые увидѣл эту новую прислугу, она почему-то показалась ему знакомой; поэтому

он вовсе и не замѣтил, что прислуга эта — новое лицо в домѣ.

Как-то по возвращеніи домой ему сообщили о том, что новая прислуга исчезла, а с нею вмѣстѣ исчезли и серебряныя ложки и кое-какія драгоценности. Он в полном смыслѣ слова был ошеломлен и воскликнул:

— Бывают же совпаденія!

Во всяком случаѣ это не было одним из радостных совпаденій, случавшихся с ним до этого.

— Как ее звали? — спросил он взволнованно. Супруга отвѣтила ему, что она не знает ея имени, и что ей казалось, будто он взял документ для прописки себѣ. Это вызвало в нем приступ ярости, и он заявил, что все это — дѣло того, кто является главой дома.

Он удалился, чтобы подать заявленіе о случившемся. Вечером о прислугѣ спрашивал его полицейскій, прибывшій из Вѣны в Прагу на поиски нѣкоей Екатерины Берк, полгода тому назад совершившей в Вѣнѣ ряд мошенничеств. Случайно она попалась ему на глаза, и он опознал в ней не только Екатерину Берк, но и прислугу полицейскаго инспектора Вагнера и дѣвушку, убиравшую полицейскій музей.

— Бывают же совпаденія! — воскликнул обрадованный полицейскій инспектор, а затѣм снова опечалился.

— Я вѣдь забыл прописать ее в домовою книгѣ, когда она у меня служила, — сокрушался он, снова оставшись наединѣ со своей коллекціей отмычек.



Он разглядывал альбом преступников, и когда наконец, возвел свои измученные глаза к небу, то, как подлинный бюрократ, пришел к знаменательному рѣшенію.

Он пригласил сам себя в канцелярію по дѣлу о непропискѣ прислуги. И послѣ того, как он остался в канцеляріи наединѣ с собою, он сѣл перед зеркалом и сам себѣ произнес рѣчь.

Сначала он освѣдомился о своей національности, а затѣм о том, не подвергался ли он ранѣе наказаніям.

— Ваше счастье, что это случается с вами впервые, — сказал он самому себѣ, — а не то мнѣ пришлось бы вас наказать по всей строгости закона. Сегодня я избавлю вас от какого-либо наказания, потому что вы сами заявили о своем проступкѣ, а также потому, что, как я указал вам, это случается с вами в первый раз, и у меня есть надежда, что это не повторится больше. Вы можете отправляться домой, господин полицейскій инспектор Вагнер.

Он отстегнул свою саблю и пошел домой. На лѣстницѣ он повстрѣчался с начальником полиціи, который ему напомнил о том, что ему слѣдует сегодня вечером присутствовать на политическом собраніи.

Старый Вагнер поглядѣл на него и возразил:

— Простите, но мнѣ только что сказали в канцеляріи, что я могу отправляться домой.

И со странной улыбкой он отправился далѣе. Вслѣдствіе неожиданно сказавшагося слабоумія, его зачислили на пенсію.

## Полицейскій инспектор Вагнер.

Практикантъ Бахура из городской управы был неискушенным молодым человѣком, не знавшим, что в управѣ людей его положенія подстерегают тысячи различных опасностей, и что практикантъ должен обладать очень стойким характером для того, чтобы не оказаться замѣшанным в какую-нибудь коррупціонную исторію в компаніи со своими начальниками или без оных.

Магистратскій практикантъ Бахура и не подозревалъ, что гидра Маммона стережет и жаждет поглотить его нѣжную практикантскую душу, так же, как она похитила ранѣе множество сѣдыхъ голов его старшихъ собратій.

Ни одно из самых крупных коррупціонныхъ дѣлъ, разыгравшихся в городском самоуправленіи, не взволновало так общественное мнѣніе, как коррупціонное дѣло Бахуры.

Корруптантъ Бахура по сіе время скитается по свѣту неприкаянным Іудой, потому что он запятнал чистое знамя городского самоуправления и втоптал его в грязь.

Дабы вникнуть в самый смысл всего происшедшаго, мы принуждены начать с изложенія отвратительной исторіи, разыгравшейся в Малой Прагѣ.

В Малой Прагѣ, в путаницѣ старинныхъ улочек, находится трактиръ господина Шедивы.



Господин Шедива был одним из тѣх добродушных людей, что не удѣляют вниманія санитарным предписаніям самоуправленія и выводят вентиляціонныя трубы в теченіе ряда десятилѣтій непосредственно в уборную.

Гости никогда не жаловались на это обстоятельство, так как пиво у Шедивы подавалось хорошее, а в уборной круглыя сутки царила темнота.

Эта уборная, играющая роль в дѣлѣ о коррупціи практиканта Бахуры, была лишена окон, — в ней не было ни одного отверстія, через которое проникал бы свѣтъ Божій в это сырое и печальное помѣщеніе. Ни один луч свѣта не скрашивал этого темнаго помѣщенія.

Но тѣ, что приходили к Шедивѣ пить пиво, не выражали неудовольствія. Консервативное предмѣстье, в своем каменном оцѣпенѣніи, не протестовало против этого.

Но настало время, когда ритм современности проник и в уборную господина Шедивы.

Строительная комиссія установила два ужаснѣйших явленія: выведенныя в уборную вентиляціонныя трубы (о чем немедленно было сообщено в санитарную комиссію) и неосвѣщенную уборную без какого-либо притока свѣжаго воздуха.

И вот случилось, что магистратскій практикант Бахура познакомился в качествѣ дѣлопроизводителя строительной комиссіи с господином Шедива.

Уничтожающим взглядом слѣдил он за всѣми движеніями хозяина трактира, который рьяно и вызывающе утверждал, что всей славной комиссіи еще и на свѣтѣ не было, когда выстроили его уборную,

и что он лично, испокон вѣков, привыкъ ею пользоваться в таком именно видѣ. Для того, чтобы справиться свои естественныя потребности, вовсе не требуется свѣта — лишь бы был сточный желоб, — этого вполне достаточно. А что касается притока свѣжаго воздуха, то вѣдь имѣется дверь, и эта дверь достаточна велика.

— Умѣрьте свой пылъ, — замѣтили ему, — а не то ко всему прочему прибавится еще обвиненіе в оскорбленіи должностнаго лица. Или вы воображаете, что нам доставляет удовольствіе ходить из одной уборной в другую?

Затѣмъ ему предписали проломать стѣну и сдѣлать в уборной окно, но так как это вызывало перестройку зданія, предназначеннаго для публичнаго пользованія, то потребовалось представленіе планов и исходатайствованіе особаго разрѣшенія, прежде чѣмъ можно было приступить к этой перестройкѣ.

Это случилось перед обѣдомъ, а послѣ обѣда явилась санитарная комиссія. Она предписала вывести вентиляціонныя трубы через вновь пробитое отверстіе на дворъ. Шедива от всѣхъ этихъ посѣщеній и предписаній чуть не сошелъ с ума.

Ему предписали проломать стѣну, но прежде, чѣмъ ее проломать, ему слѣдовало представить план работ и исходатайствовать разрѣшеніе, безъ чего он не имѣлъ права ни проламывать стѣны, ни вывести из санитарныхъ соображеній вентиляціонныхъ трубъ на дворъ.

Всю ночь напролет он не сомкнулъ глазъ, а на утро отправился к подрядчику и заставил его начертить



план перестройки стѣны. Затѣм при посредствѣ профессиональнаго составителя прошеній он подал в городскую управу прошеніе, в котором испрашивал разрѣшеніе проломать окно в стѣнѣ, и...

Прошли три недѣли, а отвѣта на его прошеніе все еще не послѣдовало.

Тогда трактирщик Шедива направился в городскую управу с намѣреніем ускорить дѣло.

В строительном отдѣлѣ он застал одного лишь практиканта Бахуру, потому что всѣ прочіе чиновники с девяти часов утра завтракали в ресторанѣ, расположенном напротив городской управы. А сейчас часы показывали полдень.

— Что вам угодно? — с достоинством освѣдомился у посѣтителя практикант Бахура.

— Я прихожу к вам по поводу моей уборной, молодой человѣкъ, по поводу уборной Шедивы, что в Малой Прагѣ. Вы помните должно быть о ней?

— Да, я помню о ней, — торжественно сказал Бахура, — мнѣ кажется я припоминаю, но что вам, собственно, угодно?

— Знаете, я жду вот уже в теченіе трех недѣль, и мнѣ кажется, что было бы хорошо, если бы можно было ускорить это дѣло. Мои гости радуются этому маленькому окошку, что будет пробито, словно малыя дѣти, потому что в нашей тихой сторонѣ ничего не случается, и окно это явится цѣлым событіем.

Бахура вспомнил о том, что прошеніе со всѣми полагающимися к нему данными находится в ящикѣ письменнаго стола и что оно могло в любой момент быть отослано Шедивѣ. Но начальник сказал

ему: «не спѣшите с отсылкой. Пусть трактирщик подождет. Городское самоуправленіе должно подобных людей держать в ежовых рукавицах.»

Бахура с минуту помолчал, а затѣм сказал:

— Ну, что ж, посмотрим, что тут можно сдѣлать.

Примѣрно через недѣлю послѣ посѣщенія Шедивы, Бахура шел по Францевской набережной. У него было назначено свиданье с дѣвушкой, которая была очень обрадована возможности познакомиться с молодым человѣком из магистрата.

Стоял чудесный солнечный теплый день. Бахура остановился у лимонаднаго кіоска и выпил стакан лимонада, а затѣм и стакан малиновой воды. Затѣм отправился дальше, навстрѣчу своей дѣвушкѣ, полный мечтаній и жажды свиданія.

На горизонтѣ раскинулся окутанный зеленью Лауриценберг и Стрѣлковый остров в каштановом цвѣтеніи. Но посреди всѣх этих красок он почувствовал колики в желудкѣ. Прежде чѣм выйти на прогулку, Бахура выпил стакан Югурта,\*) — національнаго блюда побѣжденных болгар. Лимонад и фруктовая вода довершили неумолимый процесс в кишечном лабиринтѣ магистратскаго практиканта.

Напротив Градчины, на самой набережной посреди парка стоит маленькій домик. С набережной можно прочесть прибитую к домику дощечку «Для мужчин», а со стороны дѣтской площадки в паркѣ красуется значительно менѣе примѣтная дощечка: «Для дам.»

---

\*) Югурт, вид простокваши.



Словно лев, словно истомленный жаждой араб, бросающийся к источнику в разисѣ, словно пріемочная комиссія на рекрутов, ринулся Бахура к маленькому домику.

— Перваго или второго класса?

— Второго, — отвѣтил скромно, но стремительно Бахура.

Старуха посмотрѣла на него и сказала:

— Мнѣ почему-то кажется ваше лицо знакомым, молодой человѣкъ.

Она оторвала ему билетик. Бахура схватился за кошелек и в ужасѣ воскликнул:

— Это невозможно. Мнѣ казалось, что у меня еще имѣется гривенник.

Старуха поглядѣла на него вторично и затѣм раздѣльно произнесла, ускоряя развязку:

— Извѣстно ли вам, откуда я вас знаю? Через моего брата Шедиву, трактирщика в Малой Прагѣ. Я как раз была дома, когда вы явились к нам с комиссіей по поводу уборных. Возьмите-ка билетик, это оустается между нами.

Бахура бросился в маленькую каморку, и когда он счастливый и облегченный удалился, старуха крикнула ему вслѣд:

— И не забудьте-ка, молодой человѣкъ, отослать моему брату разрѣшеніе на перестройку уборной.

И не спросясь своего начальника, Бахура на слѣдующій же день отослал господину Шедивѣ разрѣшеніе, вмѣстѣ с утвержденными планами, и облегченно вздохнул.

Каждое утро за нѣсколько минут до девяти часов городской совѣтник Станек останавливался в

маленьком домикѣ на Францевской набережной, в котором практикантъ Бахура учинил столь ужасное преступленіе. Совѣтник болтал со старухой, дабы быть информированным о том, каково мнѣніе общественности о городском самоуправленіи. Для совѣтника голос старушки, приставленной къ общественной уборной, был гласомъ народа. Это было его конькомъ.

— Да, ваша милость, коррупція нынче захватила и самыхъ маленькихъ людей, — рассказывала старуха, — таковы эти господа изъ городской управы. Ты только разрѣши имъ бесплатно... и тогда они сразу сдѣлаютъ все, что отъ нихъ требуется, какъ это было съ моимъ братомъ...

И она рассказала совѣтнику со всѣми подробностями отвратительную исторію о коррупціи практиканта Бахуры...

Нынѣ на мѣстѣ Бахуры сидитъ другой практикантъ. Бахуру, послѣ окончанія возбужденнаго противъ него дисциплинарнаго дѣла, по ходу котораго его обвинили въ принятіи взятокъ отъ трактирщика Шедивы, уволили:

По сіе время скитается онъ по Европѣ неприканнымъ Іудой. Въ послѣдній разъ его видѣли въ Гамбургѣ, подозрительно уставившимся въ черную муть канала.

Кто-то подслушалъ его разговоръ съ самимъ собою:

— Если бъ я хоть взялъ абонементъ на цѣлый годъ впередъ... Но такъ... Изъ-за одного только раза!.. Что-жъ подѣлать! Мелкихъ воровъ отправляютъ на висѣлицу...



## Глисты княгини.

У превосходнѣйшей княгини Мехлин завелись глисты. До сего времени не выяснено, завелись ли в тѣлѣ этого ангела обыкновенныя глисты или соли-тер. Это могло выясниться лишь послѣ того, как он покинул бы тѣло княгини.

Гораздо непрятнѣе было то, что домашній врач княгини все еще не набрался мужества сказать княгинѣ — разумѣется на французском языкѣ — чѣм болѣет ея свѣтлость.

Как бы мог он сказать этому ангелу с нѣжными аристократическими руками, никогда не расшнуровывавшими даже шнурков от ботинок без посторонней помощи?

Княгиня происходила из англо-саксонской фамилии, была непомѣрно высокой и блѣдной. Она устроила богадѣльню для четырех княжеских слуг, отличившихся на службѣ у князя своею честностью и которые в силу скудости назначенной им пенсіи могли умереть с голоду.

Превосходная княгиня основала богадѣльню, в которой поселились четверо старцев. Они были одѣты в больничную форму, состоявшую из уродливаго бѣлаго халата с темно-синим воротником, а сзади, на красных штанах, как поговаривали, был вышит герб княгини. Но это не соответствовало ис-

тинѣ. Герб был вышит только на плоских фуражках с розовыми козырьками.

Ангелоподобная княгиня часто спускалась в деревню и одаривала бѣдных дѣтей розами. Повинуясь велѣнію своего доброго сердца, она никогда не ограничивалась единичным случайным благодѣяніем. Когда она однажды послала бѣдной женщинѣ, разрѣшившейся от бремени, букет орхидей, то это было предзнаменованіем того, что при соотвѣтствующих обстоятельствах она снова пошлет в деревню орхидеи.

Всѣ окрестные жители были освѣдомлены о ея добротѣ. Когда старая, беззубая Пешль лежала при смерти, княгиня послала ей пять килограммов волошских орѣхов. Когда Пешль увидѣла приближающагося к ней с орѣхами лакея, она тяжело вздохнула и умерла.

В другой раз княгиня приняла рѣшеніе облагодѣтельствовать особым образом пастуха Тони, ходившаго за деревенскими свиньями. Она послала за ним двух лакеев, сбившихся с ног прежде чѣм найти его. Наконец-то удалось им поймать пастуха, и они, под отчаянный его рев, потащили его в замок, вымыли, и затѣм уже княгиня подарила ему ящик с красками.

Тони съѣл три краски, а остальные выбросил, потому что онѣ не пришлись ему по вкусу.

Как-то княгиня услышала, что старый Кнабец, проживающій в пастушьей хижинѣ, находится в большой нуждѣ. Она послала ему цѣлый ананас.

Кнабец вымѣнялъ у еврея ананас на водку, но даже это не отвратило сердца княгини от благотво-



рительности. Напротив, когда сильный ливень снес двѣ хижины под горой, она послала оставшимся без крова лакея с двумя блюдами земляники со сливками.

Когда умер старый звонарь, она без колебаній послала его женѣ коробку конфет, настоящих итальянских «освѣжительных конфет», которыя должны были освѣжить достойную сожалѣнія вдову.

Не было никого, кто бы покинул замок с пустыми руками. Один уносил домой крыжовник, другой смородину, а третій финики. Княгиня прилагала всѣ старанія к тому, чтобы смягчить нужду, и если кому-нибудь дѣйствительно нечего было ѣсть, то он мог быть увѣрен в том, что княгиня ему поможет. Благородная княгиня или посылала ему в подарок пять бутылок с керосином, или дарила спиртовку.

Для школьной библіотеки она выписала журнал «Sport im Bild», а так как все это происходило в чешской общинѣ, то она выписала для читальни газету «Боснійская Почта», издававшуюся в Сараевѣ. Самый примѣрный ученик получил от нея в подарок книгу: «Horses, dogs, birds, cattle. Accidents and Aliments. Published by Ellman, Sons and Co., Slough, England».

Одним словом, это был ангел. Но по волѣ Господа то был ангел с глистами. «Как я скажу об этом моей княгинѣ?» — терзался смущенный доктор Мелихар, когда превосходная женщина задала вопрос о том, насколько опасно ея состояніе.

— Совсѣм не опасно, ваша свѣтлость, — отвѣтил врач, — в данном случаѣ налицо всего лишь

незначительное нарушение дѣятельности организма. Не приходилось ли вам случайно, ваша свѣтлость, наблюдать за прудом, на поверхности котораго плавают водяныя лиліи? Напримѣр, пруд в вашем паркѣ? Там имѣется множество *водяных червей*, особая разновидность, исходный вид желудочных глистов (Plathemintes).

Княгиня в ужасѣ взглянула на него.

— Да, желудочных глистов, которыя мы называем «бихиматическими». Глисты в свою очередь распадаются на три вида: на цестодную группу, на трематодную и на турбеллярную группу. Эти очаровательныя созданія заводятся в различных организмах и именуются глистами, ленточными глистами и солитером. Если ваша свѣтлость соблаговолит пройтись по парку, то в прудѣ вы сможете увидѣть, как я указал ранѣе, прообраз обитающих в вас паразитов.

Превосходная княгиня не поняла его слов, потому что в своей невинности она не знала, что такое глиста.

— Я не понимаю вас, милѣйшій доктор.

— Ваша свѣтлость, — сказал врач, ободренный невинностью княгини, — подумайте о том, что глисты встрѣчаются исключительно в аристократическом обществѣ. Я знавал графов, князей и даже одного герцога, которые так же, как и вы, имѣли удовольствіе носить в себѣ глисты, и которых послѣ тщательнаго лѣченія чудеснѣйшим образом прочистило.

— Что значит: прочистило?

Доктор откашлялся:



— Чистому все чисто, — сказал он приподнятым голосом, — его так же пронесло, как пронесло самый нѣжный страсбургскій папштет, со всѣм содержимым желудка — так это было в случаѣ с герцогом. Я знаю случаи, когда глисты заводились даже у кардиналов. Один европейскій монарх носит их в себѣ из года в год, и онѣ пользуются большим благоволеніем населенія. Там оскорбленіе глистов приравнивается к оскорбленію величества. Для того, чтобы точно установить, дѣйствительно ли глисты покинули тѣло вашей свѣтлости, я дам вашим камеристкам соотвѣтствующія указанія.

Послѣ ухода доктора прелестная княгиня звала своего духовника.

— Почтенный отец, — сказала она ему, — у меня есть глисты.

Духовник, лысый старец, всплеснул руками:

— Невозможно, княгиня, вы — воплощенная невинность, скорѣе это розы, чѣм глисты. Если все же завелись глисты, княгиня, то онѣ вам ниспосланы Богом, как искушеніе. Довѣрьтесь Его милости и Его неисповѣдимой добротѣ, и глисты исчезнут. Господь отмѣтил вас своею любовью, и Он же освободит вас от этого испытанія.

— Я слышала, что даже у кардиналов водились глисты.

— Даже у епископов и у папы, княгиня. Святой Іоанн боролся с ними в пустынѣ, а папа Іоанн XII привез его с собою в Авиньон.

Глисты в желудкѣ княгини творили чудеса.

Каждый день доктор наводнялъ ее настоями из лѣкарственных трав, *polinodium filix*, настоями ко-

ры гранатоваго дерева и липоваго чая. Ежедневно приходилось княгинѣ глотать от трех до пяти арбузных зернышек и нафталин, послѣ чего ее поили касторовым маслом.

Все это блестящія и извѣстныя средства, так что превосходная княгиня все болѣе и болѣе приходила к убѣжденію, что Господь к ней очень милостив, послав ей подобное испытаніе.

В концѣ концов, через двѣ недѣли, нѣжно розовый глист красовался в изящном сосудѣ со спиртом.

То была, как установил врач, ленточная глиста.

Княгиня очень гордилась ея длиною, так как, судя по длинѣ глисты, Господь был к ней очень милостив.

Теперь она снова могла предаться благотворительности, которую она забросила во время борьбы с глистами.

В один прекрасный день она снова отправилась в деревню. Она ѣхала в коляскѣ и внимательно оглядывала окрестности. Затѣм она остановилась у дома бургомистра и освѣдомилась, нѣтъ ли в деревнѣ больных.

Больным оказался старый Матіас.

Княгиня при посредствѣ лакеев освѣдомилась, что с ним, и лакей сообщил ей, что у Матіаса глисты.

Это сообщеніе произвело на княгиню очень тягостное впечатлѣніе. Неужели возможно, что простой смертный может имѣть глисты, которыя, как она полагала, были удѣлом избранных душ?



Дома княгиня прошла в часовню и, опустившись на колѣни, воскликнула:

— Неужели это возможно? Неужели это возможно?

С этого дня превосходная княгиня начала увядать. Ея золотое сердце перестало биться. Перед смертью она завѣщала свою банку с заспиртованными глистами школьной коллекціи, а самому старому из слуг флакон дорогих духов. Она приказала также, чтобы в годовщину ея кончины бѣдных дѣтей общины одаривали крыжовником, а деревенским нищим разрѣшалось в этот день собирать в ея лѣсах землянику. И затѣм, третьяго января, она смежила очи.

Да ниспошлет ей Господь вѣчный покой, но как будет обстоять дѣло с крыжовником и сбором земляники в годовщину ея смерти, выпавшую на третье января, я, к сожалѣнію, не знаю.

---

## Гробовщик.

Господину Линдигеру не повезло. Еще мамка, несшая его в церковь крестить, чуть было не была поднята на рога повстрѣчавшимся ей на пути взбѣшенным быком. В первый же день, когда он надѣл новые штаны, для того, чтобы всякій мог изда- лека увидѣть, что перед ним существо мужского по- ла, — он зацѣпился за гвоздь и разорвал обновку. Затѣм непріятности посыпались на него словно из рога изобилія. Так, на примѣр, он упал с крыши на выводок гусят. По его личному разумѣнію падать таким способом было даже пріятно — точно в по- стель ложиться, — но мнѣніе матери не совпало с его мнѣніем. И тут же послѣ этого паденія ему при- шлось впервые соприкоснуться с розгой. С той по- ры розга прочно обосновалась в их семьѣ. Всѣ не- счастья происходили сами собою — одно несчастье смѣнялось другим.

В гимназіи случалось так, что он поджидал за дверью, вооружившись линейкой, своего сверстника, дабы угостить его тычком. Дверь отворялась, и он ударял линейкой неожиданно появившагося дирек- тора. Впослѣдствіи, когда пришла пора, та пора, когда каждый порядочный человѣкъ начинает влюб- ляться и вздыхать, он влюблялся в дѣвушек, осы- павших его лишь насмѣшками.

Всего он был влюблен в двѣнадцать женщин:



девять из них поклялись ему в вѣрности и затѣм повыходили замуж за других. Из остальных трех одна сбѣжала с соперником, другая шутки ради облила его купоросом, а послѣдняя вернулась к своему покинутому мужу. Стоило ему за что-либо взяться, как дѣло сразу же принимало скверный оборот. Он рѣшил посвятить себя государственной службѣ. Как-то, направляясь на службу, он угодил в какую-то свалку и его арестовали. В полиціи, к его величайшему удивленію, из его карманов извлекли нѣсколько булыжников и ему пришлось узнать, что именно он швырял их в проѣзжавшій драгунскій отряд.

Его приговорили к двум мѣсяцам тюрьмы, он обжаловал приговор и наказаніе ему повысили до пяти мѣсяцев. Со службы его, само собою разумѣется, уволили.

Послѣ этого он переѣхал в другой город, насчитывавшій девятьсот жителей, из которых двѣсти пятьдесят человѣкъ являлись рабочими стекольнаго завода.

В этом городкѣ он открыл парфюмерный магазин. К сожалѣнію, никто из этих милых людей не покупал у него пудры или кремов для лица, никто из них не проявлял интереса к его туалетным мылам, тонким духам, вежеталям, зубному порошку, средству для рощенія волос и для приданія груди дѣвичьей упругости.

С горя он сбыл всѣ свои товары за безцѣнок какому-то провизору из сосѣдняго гарнизоннаго городка, но и тут ему не повезло. Неожиданно в лавкѣ произошел пожар, и всѣ товары сгорѣли. Слу-

чилось это как раз наканунѣ того дня, когда он собрался отослать товар по назначенію.

Он поѣхал в город с твердым намѣреніем покончить жизнь самоубійством. Он снял себѣ номер гостиницы, лег на постель, схватил револьвер, нажал курок, и — пуля пробила тонкую деревянную перегородку, отдѣлявшую его номер от сосѣдней комнаты, в которой жил какой-то вояжер. Вояжер пил как раз в это время чай — пуля выбила у него из рук чашку и разбила лежавшіе в чемоданѣ пробные флаконы ликера. Послѣ этого пошли безконечные допросы, штрафы и возмѣщенія убытков. Хозяин гостиницы доказывал, что Линдигер погубил честь его заведенія, а вояжер увѣрял, что пуля разбила не пробные флаконы, а литровыя бутылки.

Неудивительно, что послѣ всего этого Линдигер стал мрачно смотрѣть на жизнь. Однажды он прочел в газетѣ, что по случаю кончины владѣльцев дешево передается мастерская гробов. Линдигер не долго раздумывал о том, что непрекращающійся поток несчастій и непріятностей принуждает его перейти на торговлю чѣм-нибудь печальным. К тому же гробы — это предмет первой необходимости, они всегда имѣют сбыт.

Господин Линдигер быстро покончил с сомнѣніями и, откупив весь ассортимент гробов, принялся подыскивать мѣстечко, в котором можно было обосноваться со своим товаром.

Один из его друзей указал ему на Патровицы — город, в котором нѣтъ ни оптовой, ни розничной торговли по его отрасли. К тому же климат в Патрови-



цах был не из легких. Через три недѣли на одном из домов этого городка появилась вывѣска:

### ФРАНЦ ЛИНДИГЕР,

Оптовая торговля гробами всѣх видов  
для мужчин, женщин и дѣтей .

У Линдигера на складѣ было припасено болѣе трехсот гробов. Он расхаживал по лавкѣ и ухмылялся: наконец-то он обзавелся нужным всякому товаром.

Вечером, когда он сидѣлъ в трактирѣ, настроеніе его нѣсколько понизилось: рядом с ним толковали о гриппѣ, кое-кто жаловался на боли.

— Ничего, вы тут быстро выздоровѣете, уж очень у нас мѣстность здоровая, — отвѣтил сборщик податей.

Линдигер нахмурился. Двѣ недѣли спустя он уже разгуливал с опущенной головой. До сих пор у него не было ни одного покупателя.

— Я слишком большой идеалист, — сказал он. — Ну, да, Бог даст, кто-нибудь да померет.

Через мѣсяц он стал походить на тѣнь — тщетно пытался он привлечь покупателей вывѣшенной в окнѣ надписью:

«На выплату».

Казалось, что всѣ горожане — здоровяки. Часами он думал:

— Иезус-Марія, до чего здоровые люди в этом мѣстечкѣ!

По ночам ему снились эпидеміи холеры, тифа, малярии, — с большим трудом удавалось ему удо-

влетворить всѣх кліентов, всѣх плачущих вдов и опечаленных родственников. Сорок гробов в день, пятьдесят!... Вымирали цѣлыми семьями. Ему пришлось послать срочную телеграмму:

«Срочно вышлите тысячу двѣсти гробов. Задаток высылаю».

Но тут он просыпался... Дѣйствительность рѣзко отличалась от сна: никто не плакал, никто не просил его снять мѣрку с покойника. Тогда он рѣшил прибѣгнуть к иной мѣрѣ.

По вечерам, сидя в трактирѣ за кружкой пива, он начал рассказывать о предусмотрительности китайцев, не забывающих о смертном часѣ. Там каждый приобретает себѣ при жизни гроб. Муж преподносит женѣ в подарок гроб, жена дарит мужу гроб, родители дарят дѣтям гробы, дѣти родителям.

Разсказывая об этом, он пытался уговорить, что это примѣръ, достойный подражанія. Линдигер рѣшил подать примѣръ: он жертвует для предстоящей через недѣлю благотворительной лотереи гроб. А если этот обычай привьется, то он каждому, купившему три гроба, даст впридачу дѣтскій тробник. Слушатели его начали переглядываться, а затѣм стали подозрительно поглядывать на Линдигера. Предсѣдатель лотерейнаго комитета осторожно и вѣжливо замѣтил ему, что жертвуемые предметы не должны быть тяжелѣе одного килограмма.

Линдигер вернулся домой разстроенный и проработал всю ночь напролет над слѣдующим плакатом:



Тот, кто купит у меня гроб, получает впридачу полотняный саван.

Тот, кто купит у меня дѣтскій гробик, получает впридачу набор изящных украшеній для гроба.

При оптовых заказах — каждый десятый гроб бесплатно.

Неподходящіе по размѣрам гробы обмѣниваются на другіе.

— Если даже и это не поможет, то ничего не поможет, — сказал он исполненный радужных упованій. Но и это не помогло... Ему стал мерещиться колокольный звон. Он стал бѣгать справляться, кто умер. Затѣм он стал рассказывать каждому встрѣчному, что у него имѣется брат в Индіи, что там свирѣпствует чума, и что он написал ему, чтобы он скорѣе пріѣхал в Патровицы.

В трактирѣ он стал убѣждать всѣх, что зимой очень полезно заставлятъ дѣтей ходить по снѣгу босиком.

Затѣм он повеселѣлъ: один из односельчан ранилъ себя на охотѣ в живот, и пошли толки о том, что рана смертельна. Линдигер потирал руки от удовольствія и заявил, что он снабдит его гробом, какого в Нижних Патровицах еще и не видавали.

Но и эта надежда развѣялась. Раненаго отвезли в Прагу для того, чтобы положить в больницу. Линдигер долго бѣжал за каретой, все время крича:

— Не везите в Прагу, я вам дам пятьдесят процентов скидки.

Его опасенія оправдались: в Прагѣ раненый нашел вѣчное упокоеніе.

Затѣмъ произошло ночью нападеніе на окружного врача, пріѣхавшаго в Нижнія Патровицы прививать дѣтям оспу. Врачу нанесли удар по головѣ. В этом дѣяніи заподозрили Линдигера. А затѣмъ в окружное управленіе поступило анонимное заявленіе о том, чтобы врачу запретили дѣлать прививки.

В один из вторников наступил конец мученіям Линдигера.

В среду жандарм, которому было поручено веденіе дѣла о нападеніи на врача, нашел Линдигера повѣсившимся на крюкѣ. Ко всеобщему удивленію, лицо его выражало радость. Впрочем, радость эта объяснялась содержаніем прикрѣпленной около него записки:

«И все-таки я избавлюсь от одного гроба».

На письменном столѣ было найдено письмо, адресованное в вѣнскій бактериологическій институт. В этом письмѣ Линдигер просил о высылкѣ ему двадцати реторт с бациллами пятнистаго тифа.

В самом дѣлѣ, слѣдует признать, что он был энергичным купцом.



## Спиритизм и подрастающее поколѣніе.

Лада, гимназист второго класса, испытал на собственной шкурѣ смысл изреченія Камилла Фламмаріона о том, что стремленіе к познанію истины порой бывает чревато непріятными послѣдствіями, потому что у каждаго человѣка имѣются свои предразсудки, от которых он не хочет отказаться.

Во время перемѣны вздумал он рассказывать своим одноклассникам о том, что у его сестры дома имѣется маленькій столик, обладающій способностью двигаться и давать отвѣты на всѣ вопросы. Так, напримѣр, на вопрос: «Есть здѣсь кто-нибудь?» — столик выстукивает «Да» и т. д. В самом разгарѣ объясненій его прервал законоучитель, который подверг его строжайшему допросу, обозвав бѣднягу паршивой овцой, вовлекающей двѣнадцатилѣтних мальчиков в спиритизм.

Допрос был ужасен. Ладѣ спрашивали о том, каким образом он стал спиритом. Он отвѣтил, что его сестра была как-то у своей подружки, обладающей вертящимся столиком.

Неожиданно подружка упала в обморок, а затѣм побѣжала на кладбище. На кладбищѣ она повстрѣчалась с духом, и дух проводил ее домой. Недалеко от дома их повстрѣчала мать. Дух немедленно

исчез, а дома произошёл скандал. Отец нещадно ругался, заявляя, что он не потерпит, чтобы его дочь гуляла в обществѣ духа, как двѣ капли воды похожаго на Франца Крамера, сосѣдскаго медика.

Послѣ этого происшествія сестра притащила домой круглый столик и... стала задавать ему вопросы. Так, она спросила: «Любит ли он меня?» Он так долго возил столик по листу бумаги, пока он не отвѣтил: «Трымдра».

Тогда сестра заявила, что он ничего не смыслит в спиритизмѣ и принялась за столик. Полученный ею отвѣтъ гласил: «Безумно». Послѣ этого сестра послала его на почту с письмом и дала ему гривенник. С той поры он стал послѣдователем спиритизма.

Это признаніе Лады не повлекло для него никаких послѣдствій. Ему предложили лишь впредь воздерживаться от разсужденій со своими одноклассниками о спиритизмѣ, гипнотизмѣ и прочих, вносящих смятеніе в умы, вещах.

С того времени у всѣх учеников появилась тяга к спиритизму. На слѣдующій день Бернашек принес в класс книгу о медиумах и магнетическом снѣ. Во время перемены учащіеся пытались обнаружить в своей средѣ медиума. Первый піонер спиритизма заявил, что, прежде чѣм приступить к опытам, надлежит помолиться.

Долго не могли ученики придти к единодушному рѣшенію, но затѣм Лада настоял на своем, и ученики обратились к преподавателю латыни Бренцу со слѣдующей молитвой:



«Мы молим тебя, господин учитель Бренц, будь милостив к нам и помяни нас в своих молитвах».

Эта молитва облегчила ученикам их прегрѣшеніе, потому что латинист Бренц был их классным наставником. Затѣм Лада сѣл на парту и Бернашек принялся усыплять его. Он потянул его за нос и пощекотал под подбородком.

В это время весь класс повторял молитву: «Мы молим тебя, господин учитель Бренц, будь милостив к нам и помяни нас в своих молитвах.»

Лада захрапѣл и притворился спящим. Затѣм он забился и заковырял в носу. Бернашек не смутился и успокоил участников сеанса, заявив им, что как раз в это мгновеніе в Ладу вселился дух директора гимназіи. Затѣм он предложил задавать Ладѣ вопросы.

Первым задал вопрос Гебер:

— Получу ли я назад нож, украденный у меня Штибицем?

Отвѣтъ был загадочен: ученики слышали фразу, произносимую директором при каждом удобном случаѣ:

— К сожалѣнію, я ничѣм не могу вам помочь. При этом медіум чихнул.

Послѣ этого Бернашек объявил, что дух директора гимназіи покинул Ладу, и что теперь в него вселяется дух его, Бернашека, покойнаго дѣдушки.

Сборище заволновалось, а Бернашек задал вопрос:

— Дѣдушка, как живется вам на том свѣтѣ?

В отвѣтъ послышалось:

— Недурно. По пятницам подают к обѣду жа-

реную свинину. Апельсины здѣсь раздаются бесплатно, а до ада не больше получаса ходьбы.

— Вам не жарко, дѣдушка?

— Я кунаюсь, — послѣдовалъ отвѣтъ. — А вот сейчас я окунул в воду этого шелопаю Гобщика.

У Гобщика мурашки пробѣжали по кожѣ. Каким образом дух этого дѣдушки узналъ о том, что он, Гобщик, поссорился с Ладой?

А дух продолжал:

— Гобщик, негодный мальчишка, он ворует у своих товарищей тетради и на-днях обчистил карманы одного мальчика. Если он кому-нибудь попадется в руки, то пусть ему накладывают по шеѣ. А кто его изобьет до полусмерти — попадет на небо.

Послѣ этих слов Бенда надумал обезпечить себѣ мѣстечко на небесах. Он начал награждать Гобщика тычками, и дѣло чуть не дошло до драки.

— Дѣдушка, — продолжал спрашивать Бернашек, — и что вы подѣлываете на том свѣтѣ?

— Я мощу камнями дорогу в чистилище, — отвѣтил серьезно медіум. — И камни эти — души преподавателей. Вот только учителя гимнастики нѣтъ среди них.

Лада заерзал и заявил, что он просыпается.

Ученики стали засыпать его вопросами о том, как выглядит «тот свѣтъ». Лада заявил, что там очень мило. Все окрашено в красный и фіолетовый цвѣта. У деревьев есть руки и глаза, нѣкоторые из них говорят по латыни, и тогда Лада и прочіе духи не могут понять, о чем они толкуют между собой. Попались ему на том свѣтѣ и нѣсколько индійцев.



Так он встрѣтил, в числѣ прочих, и Маниту из романов Фенимора Купера.

Повстрѣчался ему также какой-то косоглазый дух, очень похожій на гимназическаго швейцара Франца. На сорных травах росли финики. Нѣсколько древних римлян сидѣли у кроваваго водопада и изучали латинскую грамматику.

Повстрѣчался ему там также какой-то генерал. Этот дух заявил ему, что Гобщик станет палачом.

Таковы были вкратцѣ впечатлѣнія Лады о том свѣтѣ. Его возвращеніе на этот свѣтъ было отмѣчено двѣнадцатилѣтними спиритами радостным воплем. На шум в класс вбѣжал классный наставник, занесшій в журнал замѣчаніе всему классу с припиской:

«Войдя в класс, я обнаружил громкій вой.»

Бѣдный классный наставник! До чего он был неосвѣдомлен о происходившем и сколь грубы были его попытки подавить изслѣдовательскія стремленія молодых спиритов. А их руководитель Лада был как раз в эту минуту занят торгом со своим одноклассником Майзлем. Торг шел о нѣкоей окаменѣлости. Эта окаменѣлость была похищена из естествоиспытательскаго кабинета и, во время демонстраціи ее ученикам, застряла в карманѣ Майзля.

— Знаешь, что, Лада, я готов тебѣ ее продать, но не дешевле, чѣм за пятак. Но только за наличныя.

— Я обещаю тебѣ принести деньги послѣ обѣда. Мнѣ дадут деньги на покупку тетради, и я отдам их тебѣ. А кромѣ того, я позволю тебѣ усыпить меня. Ты должен будешь сильно задумать: «Если

бы Бог послал Ладѣ крѣпкій сон.» И я тут же засну, и моя душа отправится на тот свѣтъ. Ты запомнил, как это надо сдѣлать? Ты видишь, я уже становлюсь сонным и засыпаю.

Майзль испугался. Что теперь дѣлать? Лада закрыл глаза и заснул. Чего добраго сейчас войдет преподаватель, и Лада с того свѣта вздумает ему рассказать о том, что Майзль украл окаменѣлость и усыпил его. И тогда гимназическаго швейцара пошлют к нему на дом и его высѣкут, а его велосипед отберут от него и продадут.

Несчастный Майзль! Начинается! Дух Лады начинает бормотать с того свѣта:

— Майзль, негодный воришка, отдавай сюда эту штуку.

Майзль задрожал от страха и поднялся.

— Что вам угодно, Майзль?

— Господин учитель, позвольте выйти.

— Ступайте, но чтобы мнѣ не пришлось посылать за вами как за Бубеничиком.

Майзль выбѣжал в коридор и, проторчав там как можно дольше, с ужасом думал о том, что произойдет послѣ его возвращенія в класс. Проснулся ли Лада, вернулся ли он с того свѣта, или его душа все еще блуждала на Марсѣ, или быть может его душа, натолкнувшись на какое-нибудь препятствіе, вселилась в класснаго наставника?

И все же Майзлю пришлось вернуться в класс. Лада стоял у доски и отвѣчал латинисту урок. Он не знал как будет по латыни «бѣда» и получил кол. Затѣм он вернулся на мѣсто и огорченно заявил Майзлю, что он никогда не простит преподавателю



того, что он с ним сдѣлал. В ожиданіи конца урока Лада рассказывал Майзлю о своей бесѣдѣ с Пилатом на том свѣтѣ. Пилат рассказал ему, что Ганнибал живет по сосѣдству от Тразибула.

— Мнѣ кажется, — заявил со своей кафедры противник спиритических опытов, — что придется разсадить вас.

Но прежде, чѣм ему удалось осуществить эту мысль, прозвенѣл звонок, и преподаватель удалился из класса.

Во время перемѣны Майзль рассказывал всѣм и каждому, что Лада успѣл во время урока побывать на Марсѣ и хвастался тѣм, что ему удалось усыпить его.

И тут же множество пытливых умов окружило Ладу и начало его умолять дать себя усыпить.

Они посадили его на кафедру, спиной к двери, и начали хором молиться:

— Мы молим тебя, господин учитель Бренц...

— Стоп,—возразил медіум.—Старик закатил мнѣ кол и поэтому придется нам перемѣнить молитву. Молитесь учителю гимнастики. Повторяйте за мной: «Мы молим тебя, господин учитель Листек, будь милостив к своим ученикам и помяни их в своих молитвах.»

Они повторили за ним эти слова, и Лада потребовал, чтобы молитву эту повторили дважды. Иначе он не может заснуть. Затѣм он, попав на тот свѣт, освѣдомился у духов, что предстоит классному наставнику.

Лада зажмурил глаза и заговорил:

— Я вижу, как латинист Бренц ѣст сосиски. Я

подставил ему ножку, он споткнулся и закашлялся. (Погоди, я уж посчитаюсь с тобой за этот кол.) Все кругом меня желто как одуванчики, а тмин здѣсь выше чѣм церковь святого Апполинарія. Мнѣ повстрѣчался какой-то старый дух. Старичок ковыляет. А теперь его дух вселился в меня, и я вижу судьбу класснаго наставника...

Всеобщее напряженіе. Всѣ окружают медиума. А медиум пророчествует:

— Классный наставник женится на моей слѣпой теткѣ, и она будет его бить по головѣ суповой миской. Он поглупѣет и дойдет до того, что станет воровать из парт у учеников завтраки и перья. Затѣм он украдет у инспектора часы и его разжалуют в швейцары и ему придется чистить ученикам ботинки.

В это мгновеніе в класс вошел классный наставник и незамѣтно приблизился к молодым спиритам.

Бубеничек первый замѣтил его и шепнул:

— Лада, старик здѣсь.

И тогда медиум продолжал во все горло:

— Господин классный наставник станет директором гимназіи, затѣм он богато женится и станет инспектором училищ. Он — молодец.

И послѣ этих слов Лада возвратился с того свѣта, повернулся к классному наставнику и раскрыл глаза.

Классный наставник, услышавшій послѣднія фразы, погладил Ладу по щекѣ и спросил:

— Во что это, милый мальчик, вы тут играли?

Бубеничек не во-время впутался и выкрикнул:

— Он дурачил нас...



— Вы шелопаи, — заявил классный наставник — Мнѣ придется вторично записать вас в журнал, а к отцу Лады я пошлю сторожа с письмом, пусть он отлупит как слѣдует своего мальчишку. — И он удалился, кипя от негодованія.

Видишь, Лада, пытливый ум, пытавшійся проникнуть в область неизслѣдованнаго, до чего правильно изреченіе о том, что попытки открыть истину влекут за собой непріятности.

И какой смысл будет в твоей тягѣ к знанію, если твой отец, получив сообщеніе класснаго наставника, позовет служанку:

— Анна, принесите мнѣ мою бамбуковую трость и поддержите парнишку...

И вскорѣ затѣм послышится визг молодого изслѣдователя, обѣщающаго, что «он больше не будет»...

Число мучеников науки увеличится еще одним.

## Гимн упорству.

У меня был пріятель, который ежевечерне дрожащим голосом рассказывал мнѣ о своем портном. У нас в Богеміи это не рѣдкость, но никогда еще ни одна исторія не была сопряжена со столь странными обстоятельствами, как в этом случаѣ. Я готов признать, что мой друг допустил неосторожность, вздумав заказать себѣ новый костюм, но чего ради должен был он расплачиваться за свою ошибку ежедневно?

Право, очень печально, что ему приходится по сей день вспоминать о счастливых райских временах или завидовать африканским дикарям, не носящим никакой одежды. Несладко вспоминать ему также о нашем праотцѣ Адамѣ; мой пріятель утверждает, что его портной, господин Бергер, сказал бы и Адаму:

— Не доводите меня до крайностей.

Эта мысль неотступно преслѣдовала моего друга, и в один прекрасный день он признался мнѣ потихоньку, что порой по ночам ему снится, что он находится в раю, и что Бергер сорвал для него фиговый листок.

Двѣ недѣли тому назад он явился взволнованный и подсѣл к столу. Печальным голосом, — казалось, вот-вот он заплачет, — сообщил он мнѣ, что его портной начал ему писать письма. Таким обра-



зом, он болѣе не довольствовался тѣм, что ежедневно посылал кого-нибудь к нему на дом обрывать звонок и записку, прикрѣпленную к дверям и извѣщавшую об отѣздѣ моего друга.

— Ему всего этого показалось недостаточным, — жаловался несчастный молодой человек. — Он ежедневно терзал меня своими посѣщеніями, послѣ того как подымал на ноги оглушительным стуком в дверь весь дом. Затѣм к нему присоединялась дворничиха и всѣ сосѣди — всѣ они молотили по моей двери и кричали:

— Да впустите к себѣ этого господина. Долго ли нам придется выслушивать весь этот отчаянный шум?

— Иногда он вторгался ко мнѣ при помощи хитрости. Он подкупил почтальона кроной и вывѣдал у него, на какой условный звонок я откликаюсь. Затѣм он позвонил четыре раза, как обычно звонил почтальон, и я не подозрѣвая о его хитрости, отпер ему дверь. Мнѣ пришлось измѣнить систему. Почтальона я перевел на шесть звонков, а уборщицѣ я велѣл звонить восемь раз.

— Ему удалось и это вывѣдать, и снова он вторгся ко мнѣ. А если я не отпирал двери, то он подымал на ноги весь дом, заявляя, что я наканунѣ был очень мрачен и что ко мнѣ слѣдует вломиться насильно, потому что я, повидимому, покончил самоубійством.

— Тогда привели слесаря, который в присутствіи постового полицейскаго взломал мою дверь и мнѣ, испуганно забившемся в кровать, пришлось обѣщать, что я уплачу слесарю за безпокойство.

— Трижды повторялась эта исторія со взламываніем дверей и трижды мнѣ приходилось оплачивать работу слесаря и выслушивать ругань сосѣдей. Дворник выразил надежду, что рано или поздно я все же выполню то, в чем меня подозрѣвали, и покончу с собою. Это вызвало пререканія с портным, заявившим, что я должен остаться в живых для того, чтобы выполнить свои обязательства.

— Повѣрьте мнѣ, я не сплю ночей от страха, что утром снова вынырнет этот портной с какой-нибудь новой пыткой. Два дня тому назад он заявил мнѣ: «Неужели вы воображаете, что я хочу от вас получить деньги? Я хочу, чтобы вы обладали характером.»

— Я бы предпочел, чтобы он был груб по отношенію ко мнѣ, предпочел бы выслушивать ругань, но вмѣсто этого я натыкался с его стороны на вѣжливость. Так, наприимѣр, сегодня он заявил мнѣ: «Право, я очень сожалѣю о том, что мнѣ приходится будить вас, подымая такой шум. Я бы предпочел, чтобы вы уже проснулись ко времени моего прихода и не позволяли себѣ таких шуток, как вывѣшиваніе на дверь записки с просьбой звонить девятьсот раз. К сожалѣнію я сбился со счета дойдя до восьмьсот семнадцатаго раза и поэтому мнѣ пришлось начать с начала. Я спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что послѣ пятьсот шестьдесят второго звонка второй серіи звонок отказался дѣйствовать, и что если вам угодно, чтобы он снова дѣйствовал, то вам придется подсыпать в элементы нашатырю... А затѣм и пришел вам сообщить, что послал вам пись-



мо. Сегодня ночью я вспомнил о вас и написал вам.»

— Вот оно — это письмо, — вздохнул мой приятель. — В письмѣ не было ни единой ошибки.

«Милостивый государь,» писал портной Бергер, «мои помыслы заняты вами. В теченіе этих семи мѣсяцев, что я занимаюсь вами, я привык ни о чем другом, кромѣ вас, не думать. Обращаю ваше вниманіе на то, что я очень упорен в своих дѣйствіях. Когда я шесть мѣсяцев тому назад сшил вам этот костюм, я никак не предполагал, что этот костюм поведет къ гибели нашей дружбы. Но это так. Сегодня между нами лежат пара брюк, пиджак и жилетка. Я надѣюсь, что вы поймете меня, и вернете мнѣ и себѣ утраченный душевный покой не вынуждая меня на крайнія мѣры.

Ваш Іосифъ Бергер.»

Я посоветовал ему не воспринимать всего этого так трагически, потому что до сего времени в уголовной практикѣ не случалось, чтобы портной убивал своего кліента. Напротив того, мнѣ извѣстен случай рѣдкаго примѣра великодушія со стороны портного. В Магдебургѣ был осужден на смертную казнь один гражданин и магдебургскій портной Мюльбах подал королю прошеніе о помилованіи несчастнаго гражданина, потому что он ему задолжал за сюртук.

Мой рассказ взволновал моего пріятеля, и он освѣдомился, какой конец был у этой исторіи. Когда я ему сообщил, что все кончилось благополучно, он пролепетал:

— Это ужасно.

Мнѣ никогда не приходилось видѣть челоуѣка, находящагося в таком удрученном состояніи духа, как мой пріятель.... На слѣдующій день придя ко мнѣ, он заявил:

— Теперь я знаю, что означает: «Не вынуждайте меня на крайнія мѣры.» Утром мнѣ снова пришлось принять его, и он сказал мнѣ: «Так как вы до сегодняшняго дня не уплатили квартирной платы, то я рѣшил избавить себя от безпокойства. Вѣдь вы могли бы переѣхать на другую квартиру и исчезнуть из поля моего зрѣнія. Поэтому я рѣшил уплатить за вас квартирную плату и теперь в моем распоряженіи имѣется ключ от вашей квартиры. Таким образом отпадает необходимость звонить в звонок и стучать в дверь. Вы сможете отнынѣ спокойно спать, я сам отопру себѣ дверь, разбужу вас, и мы сможем с вами мирно поболтать о том, что произошло между нами.»

Мой пріятель начал жаловаться на то, что по ночам его преслѣдуют галлюцинаціи. Ему мерещится подкрадывающійся к его постели портной, который шепчет ему: «Не вынуждайте меня на крайнія мѣры...»

— Теперь, — сказал он зарыдав, — я понимаю, что кроется за этими словами. Он ужасный челоуѣк. Я испробовал всѣ средства для того, чтобы избавиться от него. Так, я вздумал разгуливать по комнатѣ со старым ружьем системы Манлихера, но он остался преспокойно сидѣть на своем мѣстѣ и заявил мнѣ: «Оставьте-ка это, господин Чейка, че-



го добраго вы себя нечаянно застрѣлите, и тогда вы не сможете выполнить взятыя на себя обязательства». Я частенько бесѣдую с ним об одном своем пріятелѣ, котораго преслѣдовал сапожник, пока тот взял и не повѣсился. Он рѣшительно возражает против возможности такого случая и утверждает, что там крылась иная причина. Он это утверждает, потому что знал моего пріятеля. Надо вам признаться, что всю эту исторію с самоубійцей я попросту выдумал. Он пытается сломить меня всѣми возможными способами. Иногда он приносит с собою бутылочку коньяку и уже в дверях освѣдомляется: «Как поживаете, что с вами?»

— Он замѣчает, что я блѣднѣю, начинает дрожать и подносит к моим губам коньяк, приговаривая, что это пойдет мнѣ на пользу, и что он ничего дурного не думал: «Я прихожу к вам не для того, чтобы напоминать вам, но я вчера вечером подсчитал и выяснил, что мнѣ задолжали в общей суммѣ свыше тринадцати тысяч. Боже упаси, это не напоминаніе.»

Мой пріятель принудил меня пойти с ним и переговорить с его портным. На мой вопрос, как он представляет себѣ этот разговор, он отвѣтил, что ему было бы очень желательно, если бы я сказал его портному хоть пару рѣзких слов.

Из этого я сдѣлал вывод, что мой пріятель совершенно подавлен всѣм происходящим. Поэтому я предложил ему притвориться при встрѣчѣ с портным сумасшедшим.

— Вы совершенно правы, — согласился он со

мною, — тѣм болѣе, что я близок к этому. С тѣх пор, как у него имѣется ключ от моей квартиры, он заходит ко мнѣ по нѣсколько раз в день справиться о том, что я дѣлаю. И ужаснѣе всего — это его участливое и серьезное: «Господин Чейка, да скажите же, что с вами?»

— Знаете что, милый друг, — посоветовал я ему, — когда он придет к вам, давайте ему невразумительные отвѣты.

В десять часов в замкѣ входной двери звякнул ключ и нам выпала честь поздороваться с портным Бергером. Я замѣтил, что на его лицѣ отразилось, при видѣ незнакомаго ему лица, отвращеніе. Мой друг Чейка сидѣл у окна и мрачно вперил взор в пространство. Затѣм, словно во снѣ, он заговорил:

— Почему Карл ІУ приказал, чтобы виноградники звались мельниками?

Портной вопросительно взглянул на меня, а Чейка между тѣм продолжал:

— Пожалуйста, голубчик, — обратился он ко мнѣ: — покажите господину директору газовый счетчик и подтвердите ему, что водопровод в исправности.

Портной изумленно обратился к нему:

— Но вѣдь это я, господин Чейка. Это я — портной Бергер. Вы вѣдь помните — одна пара брюк, пиджак и жилетка.

— Ах! — воскликнул Чейка. — Ах, Ван Дейк, вас послало ко мнѣ голландское правительство?



Передайте вашей королевѣ, что из серебряных гульденов можно добывать радій.

— Но господин Чейка!

— Царь Иоанн, — отвѣтил привѣтливо мой пріятель. — Я выстрою в Россіи маленькій храм и научу плавать черную насѣдку. Впрочем всѣх великих визирей надо удалить с Панамскаго канала. Хлѣбному дереву мы привѣем бананы, а обезьяну посадим на аэроплан.

Я отвел поблѣднѣвшаго портного в сторону и сказал ему, что пугаться нѣтъ основаній — врач был здѣсь и установил всѣ признаки помѣшательства.

— Завтра за моим другом захлопнутся навсегда двери санаторіи.

Портной опустился на кровать и зарыдал, а мой пріятель продолжал разгуливать по комнатѣ, приговаривая:

— Надѣньте на леопардов намордники и отпустите их погулять. Пусть они нам принесут денег.

И тогда портной Бергер неожиданно поднялся с кровати и обратился к Чейкѣ:

— Я вовсе не Бергер, я — Новак, и я построил мост через Средиземное море. И землетрясеніе в Сициліи выстроил также я. — Затѣм он опустился на пол и стал водить пальцем по половицам: — Ройте здѣсь колодезь, здѣсь находится Карлсбад.

Мы оба испугались, и Чейка нагнулся к Бергеру и боязливо шепнул ему:

— Но все это была только шутка, я хотѣл лишь напугать вас.

И тогда портной Бергер поднялся с полу и сказал ужасным голосом:

— А я вас.

Что послѣ этого произошло между ними, мнѣ неизвѣстно, потому что я поспѣшил немедленно же покинуть эту злосчастную квартиру.

На слѣдующій день смущенный Чейка заявил мнѣ, что он рассчитался со своим портным.



## Молодой король и кошка.

Жил был молодой король. Его сердце было полно доброты и воспоминаній о славном прошлом его предков. Он был Бог знает какой по счету в своем древнем родѣ. Его предки ухитрились сжечь болѣе пяти тысяч непріятельских городов, разрушили тысячи непріятельских селеній, убили множество людей и вернулись с похода, ведя с собою множество плѣнных. Страна встрѣчала их колокольным звоном и хвалебными пѣснопѣніями потому, что страна была вѣрующей, а населеніе, так же, как и солдаты, отличалось набожностью. И поэтому Господь посылал им во всѣх их начинаніях удачу, а враги трепетали перед их побѣдоносным и незнавшим пощады войском.

Молодому королю было четырнадцать лѣтъ, когда он вступил на престол. Он был исполнен самых благих пожеланій и мечтал о реформах. Как-то утром послѣ восшествія на престол, он, закончив свой туалет, вызвал к себѣ повара и заявил ему в присутствіи военнаго министра, министра иностранных дѣл, министра земледѣлія и министра вѣроисповѣданій:

— Дорогой граф и королевскій повар, мои учителя мнѣ повѣдали, что не всѣ мои подданные ѣдят паштеты, и что на свѣтѣ существуют бѣдняки, которым приходится питаться кошачьим мясом. До-

рогой граф и королевскій повар, я назначаю вас губернатором одной из провинцій по вашему выбору, но я хочу, чтобы вы мнѣ сегодня приготовили к обѣду кошачье жаркое.

Королевскій повар упал на колѣни перед королем и взмолился:

— Ваше величество, это невысказуемо. Подумайте о том, что никогда не случалось, чтобы при дворѣ подавали кошачье жаркое.

Юный король улыбнулся и привѣтливо сказал:

— Я знаю, что короли не ѣдят кошек, но их ѣдят бѣдные люди. Мое сердце подсказывает мнѣ, что я должен печься о бѣдных так же, как о них пеклись мои предки. Мой славный прадѣд схватил в присутствіи крестьян серп и собственноручно жал траву для двух кроликов. Мой славный отец собственноручно вколотил у сапожника два гвоздя в сапог. Мой дѣд собственноручно зачерпнул из колодца ведро воды, и я так же, как и мои предки, буду чтить бѣдность. Поэтому я заявляю вам, что моя воля — это воля самодержавнаго монарха и властелина, и что она непоколебима. Я хочу сегодня к обѣду кошку и баста! Ступайте!

Когда молодой монарх остался наединѣ с собою, сердце его возликовало. В окно своего замка глядѣлъ он на разстилающуюся перед ним столицу. Там, в этих каменных домах, живет множество бѣдняков, питающихся кошачьим мясом и прочими отбросами, которыми приходится питаться бѣднякам. А он, сильный и могущественный монарх, снизойдет к ним и к их нуждѣ, и так же, как и они, будет питаться кошачьим мясом. И с этого начнется про-



веденіе затѣянных им реформ, которыя подлежат проведенію для того, чтобы весь мір узнал о его добротѣ.

Затѣм ютворилась дверь и к нему вошла заплаканная вдовствующая королева.

— Мой королевскій сын, — сказала она и в слезах опустилась в кресло. — Вы хотите отвѣдать кошатины? Мой королевскій сын, неужели ваше рѣшеніе непоколебимо?

И молодой король отвѣтил:

— Я желаю этого и выполню свое желаніе. И тѣм самым я обращаю свое сердце к бѣднякам. Подумайте, моя мать и вдовствующая королева, о моих славных предках. Моя славная прабабушка как-то взяла в руки иглу с ниткой и пришила проходящему нищему пуговицы к штанам, моя прославленная бабушка как-то выстирала собственноручно носовой платок трубочисту, моя мать собственноручно наполнила стакан вином и подала его гофмаршалу, чѣм доказала, что она не гнушается никакой работы. Так гласит исторія нашего славнаго рода. Она свидѣтельствует о том, что королевы никогда не гнушались работы, и что сердца их всегда были отверсты для бѣдняков. И поэтому я сегодня буду к обѣду ѣсть кошатину — такова моя монаршая воля. И это будет началом реформ, потому что я хочу быть современным властителем и отцом бѣдняков.

Послѣ ухода вдовствующей королевы к юному королю пришел гофмаршал. Он пал перед ним на колѣни и взмолился:

— Ваше величество, — сказал он, — взгляните в окно.

Перед окном толпились совѣтники, придворныя фрейлины и свита.

— Всѣм им стало дурно, — продолжал гофмаршал, — когда они слышали от господина графа, королевскаго повара и губернатора о том, что отдан приказ доставить для вашего обѣда откормленную кошку. И всѣ они умоляют вас о том, чтобы вы даровали им милость и разрѣшили бы не присутствовать при вашем обѣдѣ, дабы им не пришлось видѣть как ваше королевское величество питается высочайше затребованной кошкой. И я сам припадаю к вашим стопам с просьбой — откажитесь от вашего рѣшенія.

Пораженный дерзостью своего подданнаго, юный король топнул ногой и гнѣвно воскликнул:

— Я хочу к обѣду кошку под сметанным соусом!

— Ваше величество!...

Но король повернулся к нему спиной.

Обезкураженный гофмаршал удалился и подал в отставку. Королю пришлось вызвать министра внутренних дѣл.

— Дорогой министр, — сказал он ему, — со времени моего восшествія на престол я неоднократно думаю о неравенствѣ сословій. Мои учителя привили мнѣ хорошіе взгляды. Существуют богатые и бѣдные люди. Бѣдняки питаются кошками. Богатые кошек не ѣдят. Кромѣ того бѣдняки ѣдят лапшу. Поэтому я хочу к обѣду кошку под сметанным соусом с лапшой. Позовите ко мнѣ королевскаго повара.

Когда граф, королевскій повар и губернатор —



всѣ эти званія в одном лицѣ — явился, юный король объявил ему:

— Бѣдняки ѣдят кошек, а богачи их не ѣдят. Я приступил к проведенію реформ. Бѣдняки ѣдят также лапшу — поэтому приготовьте мнѣ к обѣду кошачье жаркое с лапшой.

Затѣм он вторично вызвал к себѣ министра внутренних дѣл и потребовал:

— Я хочу, чтобы извѣстіе это проникло в печать. Завтра утром вы мнѣ принесете всѣ газеты, потому что я слышал от своих учителей, что в нашей странѣ издаются газеты. С завтрашняго дня я хочу читать сообщенія и отчеты о предпринятых мною реформах.

— Кстати, — добавил он, обратясь к королевскому повару, — пригласите к обѣду министров, а так как я опасаясь, что вы можете меня обмануть, то я хочу присутствовать при приготовленіи обѣда...

На лѣстницѣ, ведшей в кухонный флигель, юный король встрѣтил военного министра. Он весело обратился к нему:

— Дорогой министр, современный монарх пытается уничтожить неравенство сословій. И поэтому мы будем ѣсть за обѣдом кошачье жаркое. Бѣдняки ѣдят кошек, а богатые их не ѣдят. Вы также приглашаетесь к обѣду. А завтра об этом будет написано во всѣх газетах. С сегодняшняго дня я приступаю к проведенію реформ. Я — король и хочу отвѣдать кошачьяго жаркого.

\* \* \*

Нѣсколько времени спустя молодого монарха отвезли в закрытой каретѣ в уединенный замок и объявили его безумным. И все это потому, что он был королем и пожелал отвѣдать кошачьяго жаркого...



## Помолвка в нашем семействѣ.

(Из рассказов славнаго мальчика.)

С нашей старшей сестрой Лидіей у нас всегда было множество забот, потому что она нѣсколько раз, уходя с мужчинами, просившими разрѣшенія предпринять с ней небольшую прогулку, не возвращалась домой ночевать. Как-то к нам пришел чиновник по фамиліи Сыроватко и попросил разрѣшенія отправиться с Лидіей на прогулку. Он безпрестанно сморкался и утверждал, что он очень порядочный человек. Мать ему сказала, что он может отправиться с нею погулять, но что к восьми часам вечера Лидія должна быть дома, дабы для нея не пришлось дважды согрѣвать ужин. К тому же возвращаться позднѣе неудобно, потому что это может набросить тѣнь на доброе имя ея дочери.

В отвѣтъ на эти заявленія Сыроватко снова начал сморкаться и увѣрять, что он порядочный человек, а не какой-нибудь негодяй. Отец на это заявил:

— Как бы там ни было — доставьте ее домой в цѣлости и сохранности в назначенный час.

«Развѣ он мог бы что либо возразить? Когда мать говорит, мы должны молчать, словно воды набравши в рот, и отец должен молчать вмѣстѣ с нами. И это даже в тѣх случаях, когда отец прав, а мать порет ерунду.

Итак Сыроватко взял ее с собой. Мать перекрестила Лидію, а Сыроватко подарил мнѣ пятак. Этот пятак как бы явился возмѣщеніем. Пробило половина девятого, а о Лидіи все еще не было ни слуху, ни духу. Затѣм пробило половина десятого и заперли ворота. Пробило одиннадцать, и мать расплакалась, а отец съѣл ужин Лидіи. Послѣ этого он принялся расхаживать по комнатѣ и кричать, что он привлечет Сыроватко к отвѣтственности. Мать причитала и высказывала предположеніе о том, что с ними что-нибудь приключилось! Быть может Лидія сломала себѣ ногу или шею, или быть может они утонули. Или быть может Лидія утратила самое цѣнное, что у нея есть.

Я спросил, что именно самое цѣнное у Лидіи, но отец вмѣсто отвѣта дал мнѣ оплеуху, а мать приказала молиться. Я сказал, что Лидію будет охранять ангел хранитель, подобно тому, как я видѣл на одной картинкѣ: ангел-хранитель охранял слѣпую дѣвушку с корзиной цвѣтов, занесшую ногу над пропастью.

Но отец проворчал, что в данное время ангелом хранителем Лидіи является Сыроватко, и, что будь он дѣвушкой, он никогда бы не допустил до того, чтобы Сыроватко провожал его ночью домой.

Пробило полночь, и мать больше не упоминала о «своей дорогой Лидіи». Вмѣсто этого она обзывала ее «эта дѣвчонка, эта потаскушка». А отец кричал:

— Они — развратники. По нынѣшним временам их нельзя даже отпустить на прогулку.

До трех часов ночи никто в домѣ не заснул.



Моя младшая сестренка Марія, как-то высѣченная за то, что вмѣсто девяти часов вечера вернулась домой в семь часов утра, радовалась происшедшему. К трем часам ночи отец покончил с бутылкой рома и сказал:

— Что случилось, то случилось. Этого не загладишь. А утром я переломая ему руки и ноги, вас прикончу, а сам повѣшусь.

Затѣм он опустил голову на стол и захрапѣлъ, а мать потушила лампу из боязни, чтобы не воспламенился выпитый отцом ром.

Затѣм мы легли спать и проспали до восьми часов утра. В половинѣ девятого отворилась дверь и к нам ввалился господин Сыроватко.

— Ради Бога! — закричал он, — не пугайтесь. Лидія стоит у подъѣзда и боится войти в дом.

Отец поднялся в постели и сплюнул:

— Вы пришли за ней сюда, чтобы отправиться с ней на прогулку. А теперь можете оставить ее себѣ и отправляться с нею на всѣ четыре стороны.

Мать в одной нижней юбкѣ топнула ногой и заставила отца замолчать. Затѣм она набросилась на Сыроватку. Он продолжал сморкаться и увѣрять, что их застигла непогода, что он порядочный человек, и что гроза, ливень и град снесли мост и что движеніе поѣздов оказалось прерванным, и что им, в силу всего этого, пришлось заночевать в гостиницѣ. И что в этой гостиницѣ оказалось вовсе не так дорого.

Мать ударилась в слезы и запричитала:

— Іезус-Марія, в гостиницѣ! Вы — разврат-

ник, безстыдник, отдайте мнѣ мою дочь такой же чистой и непорочной, какой я ее отдала вам!

Услышав это, Сыроватко задрожал и пролепестал, что в дорогѣ Лидія забрызгала себя грязью и что в гостиницѣ не оказалось не то что слуги, но даже и щетки, при помощи которой она могла бы почистить себя.

А отец выкрикнул, лежа в кровати:

— Недурна гостиница!

Мать продолжала плакать и что-то рассказывала о какой-то бѣлой лиліи, а Сыроватко продолжал восклицать:

— Сударыня, успокойтесь, я честный человек и спал отдѣльно.

Тогда мать схватила его и потрясла, продолжая вопить:

— Я знаю вас, у меня на сей счет имѣется кое-какой опыт.

И Сыроватко снова засморкался и, возясь с носовым платком, продолжал бормотать, что их прогулка скрѣпила их лишь узами чистой дружбы, и что эта дружба примѣрно такова же, как и дружба, связывающая его с отцом Лидіи. На это в отвѣтъ отец завопил, что он отказывается от подобной дружбы.

Мать снова набросилась на отца, велѣв ему замолчать. Затѣм она пожелала, чтобы Сыроватко поклялся в присутствіи невиннаго мальчика, — и она подтащила меня за ухо к Сыроваткѣ, — что он женится на Лидіи. Сыроватко покраснѣл и заявил, что не может жениться на Лидіи, потому что он уже женат.



Как только отец услышал об этом, он закричал, чтобы ему подали револьвер. Мать уцѣпилась за нижнюю юбку, словно собираясь упасть в обморок, Сыроватко жевал свой ус. В разгар всѣх этих событий в комнату ввалилась забрызганная грязью Лидія и со слезами на глазах бросилась на колѣни перед отцовской кроватью и принялась увѣрять, что с ней это случилось в первый и послѣдній раз, и что господин Сыроватко порядочный человек и спал в сосѣдней комнатѣ.

Сыроватко тут же закричал:

— Вы совершенно правы, барышня, я об этом не подумал; я совершенно забыл об этом. Сударыня, цѣлую вашу ручку, там водились клопы.

И едва договорив эти слова, он схватился за шляпку и убѣжал. Лидія хотѣла побѣждать за ним, но мать наградила ее пинком, как она обычно поступала с отцом, и заявила Лидіи, что она «тварь» и осрамила все семейство.

Теперь придется подумать о том, гдѣ бы найти ей жениха — вѣдь это будет нелегко, таких исторій не утаишь.

Лидія принялась искать жениха и нашла какого-то «пижона», как выразился отец. Но он вовсе не был «пижоном», он был тертым калачом и звался Ваврушек. Он носил пенснэ на черной лентѣ и съѣдал у нас столько хлѣба, что, казалось, что он вот-вот сейчас лопнет. На эту особенность обратили вниманіе всѣ наши домашніе.

Как-то он приходит к нам и освѣдомляется, нельзя ли будет ему отправиться в воскресенье с Лидіей на прогулку. Отец промолчал и только свист-

нул, а мать многозначительно посмотрѣла на Лидію, заявив, что Лидія не охотница до прогулок. Но Лидія заявила, что никогда ей не приходилось до сих пор бывать в Ржичанах, и что она непрочь побывать там.

Затѣм мать произнесла длинную рѣчь о честности и порядочности, и Ваврушек вытащил из кармана носовой платок и принялся сморкаться точь-в-точь, как это дѣлал Сыроватко. И так же, как тот, он стал говорить о том, что он порядочный человѣкъ, и что у него золотой характер.

Я слышал, как отец проворчал:

— Вот тот тоже увѣрял нас, что он чистое серебро, а этот золото.

И все же они отпустили Лидію с ним, потому что, как говорил отец, Ваврушек был желторотым пижоном. Им только строго-настрого приказали вернуться домой не позже половины девятого, а не то придется снова согрѣввать ужин.

Пробило десять, затѣм половина одиннадцатаго. Мать почесалась и сказала:

— Лишь бы это не кончилось так, как прошлый раз. — В двѣнадцать часов отец достал расписаніе поѣздов и заявил:

— Послѣдній поѣзд из Ржичан отходит в одиннадцать. Мы подождем еще полчаса, а затѣм я прыгну в окно.

Потом он прошел в кухню, допил ром и к часу ночи заплѣл пѣсенку:

— Эй, красотка, полдуката получи за ночь с тобой...

И мать даже не накричала на него: она плакала



лишь и жаловалась на то, что Лидія кончит плохо. Затѣм отец повалился на кровать и тут же захрапѣлъ. И мы послѣдовали его примѣру, причем мать, прежде чѣм заснуть, заявила:

— Утром я намылю им голову.

В девять часов утра они счастливо вернулись домой.

— «Пижон» шел с Лидіей под ручку и заявил матери:

— Сударыня, я абсолютно порядочный человек и обладаю золотым характером. Против нашей воли нас настигла ужасная непогода: град, ливень, гроза, молніи блистали ежеминутно, и гром ударял то справа, то слѣва. И нам пришлось заночевать в отелѣ, но мы ночевали вполнѣ прилично — Лидія легла слѣва, а я справа.

Отец не утерпѣлъ и вставил словечко. Сидя в постели он заявил:

— Значит вы опять были в этой злосчастной гостиницѣ, в которой как-то ты была с Сыроватко?

Мать бросилась на отца и начала душить его, Лидія упала у дверей в обморок, а Ваврушек закричал:

— В славную семейку я попал! — и удрал.

Лидія проплакала двѣ недѣли, никто не разговаривал с нею, и лишь отец заявил:

— Теперь я подыщу для тебя жениха, — и выбѣжал из дому словно ошалѣлый.

Однажды он вернулся домой пьяный и заявил:

— Наконец-то я нашел для тебя жениха. Ему нужна толковая жена, потому что он хочет обзавестись собственным хозяйством и открыть гостиницу.

— И при этом глаза отца засіяли. — Он очень толковый человек, и я перетолковал с ним обо всем. Завтра, в воскресенье, я приведу его к нам, и мы без долгих слов отпразднуем помолвку. Зажарь каплуна, а я для храбрости выпью немного.

\* \* \*

Затѣм он привел его. Мы всѣ сѣли за стол в ожиданіи Лидіи, которая сооружала себѣ новую прическу.

Затѣм она вошла в комнату и посмотрѣла на жениха. Он посмотрѣл на нее. Лидія поблѣднѣла, поблѣднѣл и жених. Затѣм он хватился за шляпу и выбѣжал из дому. Он оказался старшим кельнером той самой гостиницы, в которой Лидія останавливалась с Ваврушкой и Сыроватко в тѣх случаях, когда их настигала непогода, гроза, ливень и град.



## Судебные эксперты.

Каждый раз, когда я слышу о судебных экспертах, я вспоминаю о нѣкомъ Шпалѣ, судебномъ экспертѣ по керосину и крупѣ.

Что были по сравненію с нимъ всѣ посѣтители кафе, в котором он имѣл обыкновеніе бывать? Всѣ они были для него ничтожными червями. Он глядѣлъ на них сверху вниз, потому что они ничего не смыслили в керосинѣ. Он считал их очень ограниченными людьми, едва ли не идіотами, потому что они ничего не смыслили в крупах.

Всѣ эти люди казались ему полнѣйшими ничтожествами, совершенно неприглядными людьми, над которым он возвышался так же, как над Кифгейзеромъ возвышаются Гималаи.

Над всѣми этими невѣждами его знанія сіяли какъ солнечные лучи. Его взглядъ былъ полонъ холода. Развѣ могъ онъ быть инымъ по отношенію ко всѣмъ этимъ мелкимъ людишкамъ? Развѣ онъ не носилъ в жилетномъ карманѣ визитныхъ карточекъ, на которыхъ было напечатано: «Венцель Шпала, судебный экспертъ по керосину и крупамъ, коммерціи совѣтникъ.»

Что такое наука и искусство по сравненію с керосиномъ и крупой?

И если ему приходилось в залѣ суда давать свое заключеніе, то голосъ его звучалъ воодушевленіемъ и подъемомъ:

— Представленный мнѣ керосин оказался прозрачной, горькой на вкус с нефтяным привкусом, жидкостью.

И тогда мнѣ становилось понятно, почему в его глазах таилась меланхолія: в интересах правосудія ему приходилось пробовать на вкус керосин.

И с каким воодушевленіем, с каким подъемом возглашал он в залѣ суда свое заключеніе о какой-нибудь крупѣ:

— При осмотрѣ предложенных моему вниманію круп, я устновил наощупь, что онѣ оказались жирными, что объясняется тѣм, что их недостаточно тщательно сушили. При болѣе детальном ознакомленіи оказалось, что крупа искрошена, распылена и обезцѣнена.

Таков был Шпала. Впослѣдствіи он утратил память и как-то, давая как эксперт заключеніе, он сказал о крупѣ:

— Представленный мнѣ керосин оказался прозрачной, горькой на вкус, с нефтяным привкусом жидкостью.

Высокій суд не замѣтил этой обмолвки и приговорил обвиняемаго за поддѣлку пищевых продуктов.

Но Шпала все болѣе и болѣе утрачивал память и послѣднее его заключеніе гласило:

— Крупа эта не хранилась в запечатанных бутылках, украшенных надписью «Горючее».

Затѣм мнѣ пришлось знать еще одного судебного эксперта, нѣкоего господина Хавеля. По волѣ судьбы он был судебным экспертом по «кинологіи» то-есть по собакавѣдѣнію. Иными словами, он был свѣдущим «в собаках». Он принадлежал к числу



экспертов, обладающих даром пророчества и ясно-видѣнія, и однажды это стало ясно для всѣх.

Произошло это во время тяжбы двух сосѣдей. Они играли в карты и по несчастной случайности у одного из них вывалилась из рукава карта.

Это нестоющее вниманія обстоятельство повело к тому, что они прервали знакомство и между ними зародилась вражда. Впослѣдствіи один из них застрѣлил на своем участкѣ собаку неловкаго игрока. Владѣлец собаки потребовал возмѣщенія и заявил, что собака стоила триста крон. Спустя три дня послѣ этого происшествія, Хавелю пришлось дать свое заключеніе. Он приступил к своим обязанностям и потребовал, чтобы из земли выкопали кости убитаго пса. Немало прошло времени, прежде чѣм удалось разыскать то мѣсто, гдѣ была зарыта собака. Судебный эксперт внимательно ознакомился с костями и заявил слѣдующее:

— Пес был крупнаго роста, сен-бернар, чистых кровей; был желтаго цвѣта в бѣлых пятнах и носил кличку...

— Благодарю вас, — перебил его судья, — все это уже имѣется в протоколѣ.

Существуют однако и менѣе вдохновенные эксперты. Так один из экспертов по части поджогов заявил при дачѣ заключенія:

— Я не могу с чистой совѣстью утверждать, что сарай загорѣлся от того, что находящуюся в нем соломѣ полили керосином. Не могу я этого утверждать, потому что — во-первых, не было найдено посуды из под керосина, — во-вторых, — потому

что там не оказалось соломы, а — в третьих, — потому что я слышал, что в него ударила молнія.

Этот был из той породы экспертов, что считает необходимым говорить во что бы то ни стало и не желает молчать перед лицом суда.

При одном судебном разбирательствѣ дѣла о подлогѣ один из экспертов-графологов заявил, что несомнѣнно этот вексель был подписан обвиняемым. Он утверждал это на основаніи того, что «В» в подписи имѣло маленькое брюшко.

— У вас также имѣется маленькое брюшко, — кричал обвиняемый, — и вы все же не «В».

Этим восклицаніем обвиняемый только отягчил свое положеніе.

Очень часто наблюдаются расхожденія между экспертами и адвокатами или обвиняемыми.

Несомнѣнно, что в обязанности адвокатов входит сомнѣваться в достовѣрности заключеній экспертов. Большинство ошибок удастся установить при экспертизѣ почерков. В этих случаях адвокатам не нужно особенно трудиться. Обычно они ссылаются на большой вѣнскій процесс (1897 года), в котором подлинный виновник объявился лишь два года спустя послѣ осужденія невиннаго. Он признался в том, что собственноручно написал письмо, на основаніи котораго другого приговорили к двадцати годам тюремнаго заключенія. В процессѣ этом шла рѣчь об убійствѣ. Жертву заманили при помощи письма в опредѣленное мѣсто, и заключеніе экспертов утверждало, что письмо это было написано невинно-осужденным.



Один из адвокатов подверг сомнѣніям данныя экспертизы почерков по слѣдующим основаніям:

— В нынѣшнее время во всѣх школах, а в особенности в торговых, примѣняется одна и та же система письма. Болѣе пятидесяти процентов людей обладают одинаковыми почерками. Болѣе того, установлено, что примѣрно 20 процентов человечества не обладают опредѣленным почерком, а мѣняют его.

Один из судебных экспертов заявил, что письмо написано молодой дѣвушкой, переживавшей в момент написанія письма сильное волненіе. На самом же дѣлѣ оказалось, что письмо написано было дѣдушкой.

Не лишены интереса и заключенія судебных врачей. От их заключенія в девяноста случаях из ста зависит судьба обвиняемаго.

Поэтому как странно, когда судебный врач заявляет на слѣдующій день послѣ вынесенія приговора:

— В глаза бросилось необыкновенное спокойствіе обвиняемаго.

А двѣ недѣли спустя о том же случаѣ он будет говорить: — В глаза бросилось необычайное безпокойство обвиняемаго.

Порой приходится о них слышать вещи, от которых волосы встают дыбом. Я зналъ очень добродушнаго на вид судебного врача, который недавно на одном из процессов заявил:

— По своему собственному опыту мнѣ извѣстно, что не каждый валится тут же на-земь послѣ того, как ему нанесли по головѣ удар топором.

## Как спасать самоубійц.

(Трагическая исторія).

Несмотря на то, что в Прагѣ не имѣется постоянной комиссіи по борьбѣ с самоубійцами, и что никто не разъѣзжает по Европѣ в цѣлях изученія мѣропріятій и способов предотвращенія самоубійств, мы все же можем похвастать рядом первоклассных средств, предназначенных для спасенія самоубійц, бросившихся в воду.

Эти необычайно умныя приспособленія для спасенія самоубійц заключаются в спасательных кругах, прикрѣпленных на опредѣленном разстояніи друг от друга вдоль всего берега. Помимо того, на пражских мостах имѣются шкафы, в которых хранятся подобныя же принадлежности, могущія пригодиться при спасаніи самоубійц. На этих шкафах, также как и на спасательных поясах имѣются надписи: «Для спасенія утопающих. Злоупотребленіе этими принадлежностями и использованіе их не в надлежащих цѣлях наказуется законом. Ключ находится у ближайшаго полицейскаго».

Этот чудесный распорядок был ввезен в Прагу жилищной комиссіей из европейских столиц. И это очень отрадное явленіе. Право, нельзя же предполагать, что жилищная комиссія ограничится тѣм, что привезет из своей поѣздки дешевую обувь.



Большое впечатлѣніе производит также сообщеніе о том, что городская управа, в большинствѣ своемъ, рѣшила принять участіе в испытаніи этихъ спасательныхъ средствъ. Члены управы проявили большую смѣлость, прождав в отвратительную погоду с одиннадцати часовъ утра до одиннадцати часовъ вечера на мосту в ожиданіи какого-нибудь разочаровавшагося в жизни человѣка. К сожалѣнію, разочарованныхъ в жизни не оказалось, а из числа членовъ городской управы никто не пожелалъ прыгнуть с моста в Молдаву. Затѣмъ всѣ эти спасательные приборы были заперты, а ключи сданы в городскую управу, гдѣ предстояло обсудить вопросъ, что, собственно, слѣдуетъ предпринять с этими ключами. Тут же появились недовольные, высказывавшіе предположеніе, что разъ эти приборы заперты на ключъ, то они ничѣмъ не могутъ быть полезны населенію.

Затѣмъ было внесено предложеніе, чтобы при городской управѣ была учреждена особая должность, которой было бы присвоено званіе «верховнаго городского уполномоченнаго по спасанію». К нему слѣдовало прикомандировать пять чиновниковъ, именуемыхъ попросту «уполномоченными по спасанію». Сверхъ того, надлежало учредить нѣсколько практикантскихъ платныхъ вакансій со званіемъ «городскихъ практикантовъ при верховномъ городскомъ уполномоченномъ по спасанію».

Казалось, что над самоубійцами нависли грозныя тучи, и что городское самоуправленіе собирается взяться за нихъ всерьезъ. И всякій, кто не желалъ упустить возможности спокойно покончить с собою, долженъ былъ поспѣшить и поскорѣе отправиться то-

питься. И таким образом произошло, что, пока шло обсужденіе вопроса о том, гдѣ хранить ключи от спасательныхъ приборовъ, покончили с жизнью три десятка самоубійцъ. К счастью, по вопросу о замѣщеніи вновь открывавшихся должностей поднялись в городской управѣ нескончаемые споры, потому что у одного из членов управы имѣлся племянник, другой имѣл дядю, третій собирался пристроить своего сына, четвертый имѣл в виду еще кого-то. И поэтому должности остались незамѣщенными, дабы можно было избѣгнуть упрека в том, что в управѣ процвѣтает кумовство.

Городская управа ограничилась созывомъ комиссіи, которой было предложено разработать план систематическаго распредѣленія ключей от спасательныхъ поясовъ. Комиссія взялась за работу самымъ энергичнымъ образомъ и результатомъ ея трудовъ явились надписи, оповѣщавшія населеніе о том, что: приборы эти предназначены для спасенія утопающихъ, и что использование ихъ не в надлежащихъ цѣляхъ наказуется закономъ. Также эти надписи сообщали о том, что ключъ отъ этихъ приборовъ хранится у ближайшаго полицейскаго.

Передъ тѣмъ, какъ состоялась передача ключей в полицейское управленіе, было произведено вторичное испытаніе. Явившимся на мостъ членамъ управы повезло, и они могли собственными глазами увидѣть, какъ какой-то портной спрыгнулъ с моста в Молдаву. Немедленно же самоубійцѣ бросили спасательный поясъ, но героическій портняжка отбросилъ его и с проклятіемъ исчезъ под водою. Это происшествіе привело къ тому, что городское самоуправленіе



снабдило спасательные пояса слѣдующей надписью, обращенной к пражским городским самоубійцам: «Самоуправленіе просит вас держаться за этот пояс».

Послѣ этого испытанія ключи от спасательных приборов были переданы в полицейское управленіе, которое распредѣлило их по участкам. Участковая администрація в свою очередь раздала ключи постовым.

Слѣдует признать, что распорядок этот цѣликом оправдал себя и оказался необычайно практичным. Пояса изнашиваются в очень малой степени, замки все еще не повреждены, а веревки не намокают.

Случай, о котором я повѣствую, очень трагичен, и я прошу читателей, прочесть эти, посвященные моей несчастной и достойной сожалѣнія теткѣ Софи, строки с соотвѣтствующим чувством.

Надо признать, что она была стара, но в ней было много доброты, вызывавшей к ней симпатію. Большинство дам в этом возрастѣ заводят себѣ дома животных. Обычно онѣ воспитывают собак, кошек, птиц, но моя, достойная сожалѣнія, тетка завела себѣ саламандр. Всего у нея было восемь штук, и она ухаживала за ними со всѣм вниманіем, на которое способны дамы ея возраста. Но человѣческое счастье не вѣчно и столь же преходяще и счастье саламандр.

Если умирает кто-нибудь из членов семейства, то это большое горе, но развѣ оно может сравниться с горем моей тетки, в один прекрасный день потерявшей всѣх саламандр. Всѣ восемь саламандр по-

дохли, и напрасно пытался я замѣнить их своей любовью и вниманіем. Для моей достойной сожалѣнія тетки я все же оставался только племянником, а не игривой саламандрой. Она впала в меланхолію и оживлялась только в тѣх случаях, когда я залѣзал в ея присутствіи в ванну и начинал плескаться в водѣ. Тогда она усматривала во мнѣ нѣчто, напоминающее ей саламандру. А когда я выкрасил себя в черный и желтый цвѣтъ, то ея меланхолія прошла.

Но вскорѣ она снова стала мрачной. Отнынѣ она рѣшила тулять со мной только у воды. Вода напоминала ей о ея любимицах, вода влекла ее. Ах!

Как-то мы шли с ней через рѣку по Карловскому мосту. Всю дорогу тетка Софи молчала, а когда мы дошли до середины моста, она освѣдомилась:

— Что, здѣсь глубоко?

— Да, тетка.

— А если я спрыгну, то утону?

— Разумѣется.

Она помолчала, а затѣм, немного погодя, добавила:

— В молодости я была цирковой наѣздницей.

И проговорив эти слова, она, словно прыгун на олимпіадѣ, перепрыгнула через перила и бросилась в воду.

Раздался всплеск упавшаго в воду тѣла, и она поплыла вниз по теченію.

Я бросился к полицейскому за ключом от шкафа со спасательными приборами. Ближайшій полицейскій оказался неподалеку от церковной площади. Он стоял и любовался ворковавшей на крышѣ парой голубков.



Я рассказал ему, что произошло. Он вытащил из кармана свою записную книжку и заявил:

— Итак, вы утверждаете, что то была ваша тет-ка? Вам это доподлинно извѣстно?

— Готов поклясться в этом.

— Прекрасно. И вы хотите получить ключ от спасательных приборов? А вам извѣстно, с какого мѣста она бросилась в воду?

— Близ статуи святого Іоанна-Непомука. Она всегда почитала его.

— В таком случаѣ я ничѣм не могу вам помочь. Я не могу выдать вам ключ, потому что я вовсе не ближайшій постовой полицейскій. Тот, который стоит у мостовой башни, будет ближе к мѣсту происшествія. Побѣгите к нему, да поскорѣе. Вопрос идет о жизни человѣка.

Я быстро помчался к мостовой башнѣ и разыскал полицейскаго на Мостовой улицѣ, на изрядном разстояніи от башни.

— Я никак не могу быть ближайшим постовым, — заявил он мнѣ. — Вы говорите, что мой collega в настоящій момент находится на церковной площади — в таком случаѣ он является ближайшим постовым. Совѣтую вам поскорѣе побѣжать к нему обратно.

Я побѣжал назад к первому полицейскому и нашел его на Карловской улицѣ.

Он расхохотался, увидѣвъ меня, и заявил:

— Ничего не подѣлаешь, теперь ближайшій постовой будет все-таки мой collega, что находится на Мостовой улицѣ. Бѣгите к нему. Надѣюсь, что

ваша тетка не продержится до вашего прибытія на водѣ.

Его опасенія подтвердились. Моя тетка утонула, пока я спорилъ съ полицейскимъ на Карловской улицѣ. Я все-таки склоненъ думать, что ближайшимъ полицейскимъ былъ онъ, потому что второй полицейскій тѣмъ временемъ успѣлъ дойти до площади Радецкаго, что в Малой Прагѣ.



## Торговля сахарином.

Лица, о которых повѣствует этот рассказ, существовали на самом дѣлѣ, и их судьба, несомнѣнно, наполнит читателя глубоким сочувствіем и печалью. Во всяком случаѣ, автор был обуян искренним стремленіем возможно правдивѣе и ярче описать их.

---

Закон 1899 года, запретившій торговлю сахарином, вызвал к жизни новую профессію: породил тайную торговлю и контрабандный провоз сахарина.

Это дѣяніе расцѣнивалось наравнѣ с отцеубійством, государственной измѣной, поджогом и дѣтубійством.

Но тѣ, кто занимались этим ремеслом, устояли против предпринятых мѣропріятій. Их число неуклонно росло, и к моменту возникновенія міровой войны они выступили с твердым намѣреніем усладить сахарином жизнь в Богеміи. Это намѣреніе они и выполняли до послѣдней возможности.

Сладости, какъ напримѣр — кофейный торт «Мокка» — изготовлялся из кукурузной муки, жженных жолудей и сахарина. Заведенія фруктовых вод и лимонадов подслащивали свои напитки сахарином, и их примѣру слѣдовали фабриканты ликеров. Сахарин успѣшно проникал и в кофейни. Исчезли кусочки сахара, подававшіеся вмѣстѣ с

чашкой кофе, и кое-кто из владѣльцев кофеен осмѣливался даже утверждать, что кофе подслащивается заблаговременно на кухнѣ — в то время, когда оно варится.

То было доходное ремесло. Один килограмм сахара стоил в Швейцаріи восемь с половиной франков, а в Богеміи, во время войны, его продавали за три тысячи крон. Спекулянты росли, словно грибы послѣ дождя. Самые серьезные люди занимались сахарином. Политики, ученые, художники и именитѣйшіе люди увлекались им. Судьба уготовила сахару неисчислимое количество врагов. В этот заговор против сахара были вовлечены самые разнообразные слои населенія.

Заговорщики встрѣчались на улицах и легким пожатіем руки, чуть примѣтным подмигиваніем сообщали тайныя извѣстія о сахаринѣ.

Ни о ком, даже о самых достойных людях, нельзя было с увѣренностью сказать, что они ограничиваются только покупкой сахара, а не продают его.

\* \* \*

В тѣ времена как-то на улицѣ господин Ауэр встрѣтил господина Венцига.

— Франц, — сказал он, — у меня есть для тебя дѣло. У меня имѣется превосходный сахарин — в шестьсот раз слаще сахара. В оригинальной упаковкѣ — по восьмушкѣ килограмма. Четыреста крон — пакетик. Должен тебѣ сказать, что виньетки сдѣланы художественно, а вся упаковка попросту элегантна.

Ауэр заявил, что ему эта швейцарская фирма,



торгующая сахарином, неизвѣстна и выразил удивленіе по поводу того, что в продажѣ имѣется такой сладкій сахарин.

— Франц, — продолжал восторженно Венциг, — честное слово, я не лгу. Вот это сахарин! Ты ничего подобнаго никогда и не видѣл! Химически чист! Одним словом: ступай со мной, и я тебѣ дам в качествѣ образца два пакетика по восьмой килограмма.

Ауэр пожелал убѣдиться в качествѣ.

— Не дури, Франц, — возразил Венциг, — тот, кто продал мнѣ этот сахарин, предостерег меня, чтобы я не вскрывал упаковки. Такой сладкій сахарин на воздухѣ легко портится и впитывает влагу. К тому же он уже подвергся химическому анализу.

И Ауэр отправился в Смышов и продал один пакетик знакомому кондитеру, который в ту пору изготовлял из гуммирабикума, сахарина и шелухи красной свеклы малиновую карамель.

На обратном пути он встрѣтился с одним фабрикантом лимонада, который незадолго до того написал ему, что у него изсякли запасы сахара. Он очень обрадовался возможности получить сахарин, забрал у него пакетик и заявил, что заберет всю партію.

Когда Ауэр вернулся к Венцигу, послѣдній сообщил ему, что он только-что получил новую партію и в настоящее время располагает десятью килограммами этого чудеснаго сахарина.

В теченіе трех дней Ауэр продал один пакетик одному из владѣльцев кафе. Нѣкто, занимавшійся изготовленіем настоящих медовых пряников, также

заказал у него при посредствѣ этого владѣльца кафе осьмушку кило.

Тот в свою очередь рекомендовал Ауэра одному фабриканту пастилы, который носился с мыслью из-готовлять пастилу из картофельной шелухи и сахара. Ауэр повторял всѣм и каждому то, что ему сказал Венциг:

— Это самый сладкій сахарин в мірѣ, он подвергся химическому анализу.

На пятый день послѣ того, как он начал торговать сахарином, его разбудили ужасные удары в дверь.

Он поспѣшил отпереть дверь и в комнату ввалился фабрикант фруктов вод:

— Послушайте, — закричал он, — вы меня разорили со своим сахарином. Это не сахарин, а сода, соль и толченый сахар. Я повѣрил вам, что он в шестьсот раз слаще сахара и теперь мнѣ остается одно — утопиться. Я всыпал ваше снадобье в мои фруктовые эссенции, и теперь всѣ покупатели приносят мнѣ мое добро обратно и ругаются. Вы разорили меня.

Ауэр заявил, что его это извѣстіе очень изумляет, потому что сахарин этот подвергся химическому анализу и слаще сахара в шестьсот раз. А фабрикант фруктовых вод утверждал, что этот сахарин не только не придает сладости, но, напротив — придает водѣ противный горькій привкус.

И в доказательство своих слов он принес с собою бутылку лимонада и бутылку фруктовой воды. В самом дѣлѣ эти шипучіе напитки имѣли привкус морской воды.



— Это ужасное недоразумѣніе, — простонал Ауэр. — Пойдемте немедленно со мною к господину, который продал мнѣ этот сахарин.

Они отправились к Венцигу. По пути к нему фабрикант фруктовых вод непрерывно повторял о том, что он разорен.

— Послушай, — сказал Ауэр Венцигу, отказавшись от каких бы то ни было вступлений, — вели сварить черный кофе, чтобы мы могли установить состав твоего сахарина. По моему мнѣнію, он состоит из горькой глауберовой соли, соды, гипса и Бог знает чего еще.

— Это невозможно, Франц, упаковку нельзя портить, но уже если на то пошло, и ты предполагаешь, что во всем этом кроется мошенничество, то я готов пожертвовать восьмушкой.

Он сварил черный кофе, и испытаніе сахарина подтвердило, что ничѣм не подслащенный кофе вдвое менѣе горек, чѣм кофе, подслащенный этим сахаринном, который в шестьсот раз слаще сахара.

— Признайся, — вопил Ауэр, — что ты жулик.

Венциг, однако, увѣрял, что ему ничего не было извѣстно о качествах этого сахарина, и что он получил его от очень солиднаго купца, торгующаго на Петровской площади, у котораго в настоящее время имѣется на складѣ новая партія в пятнадцать кило.

Фабрикант фруктовых вод, пока шел этот разговор, лежал на диванѣ и безпрестанно повторял:

— Я разорен, у меня отберут концессию!

Они попросили Венцига отправиться вмѣстѣ с ними и они пошли к солидному купцу на Петров-

скую площадь. Венцит тащил с собою в чемоданчикъ весь свой наличный запас сахара. На лѣстницѣ им повстрѣчались пекаръ, владѣлец кофейни и фабрикант медовых пряников, а также и всѣ тѣ, кому в теченіе послѣдних дней Ауэр продал свой сахарин.

Всѣ они были взволнованы. Малиновая карамель кондитера болѣе походила на клейстер; медовые пряники походили на пригорѣлое тѣсто и были горьки, словно слабительное. Незавидным было и положеніе владѣльца кафе — его хотѣли отправить в сумасшедшій дом, потому что он пытался утверждать, что поданное гостям горькое кофе он подсластил на кухнѣ.

Всѣ они требовали возмѣщенія убытков и присоединились к шествію. Придя к солидному кушцу на Петровской площади, первым заговорил Венцит: — Дружище, получи-ка свое... обратно. Ты нас обманул. Можешь теперь варить себѣ черный кофе...

Повторная проба сахара установила, что, дѣйствительно, он представляет собой нѣчто невѣроятное по своему составу.

— Господа, — сказал купец, отплеываясь послѣ того, как попробовал этот горькій порошок. — Право, я не виноват, я был увѣрен, что это сахарин, подвергшійся химическому анализу. У меня на складѣ имѣется еще пять килограммов и получил я их от Оскара из Вршовиц.

И они отправились к Оскару. Оскар встрѣтил их очень привѣтливо, словами:

— Вы пришли, повидимому, еще за парой кило-



граммов сахараина? У меня имѣется в запасѣ еще восемь кило.

Услышав о том, что он обманщик, Оскар расхотался и заявил:

— Видно нас в самом дѣлѣ надули. Я получил сахарин от одного маляра, что живет за углом. Ступайте к нему. Он нервный человек, и мы позабавимся.

И он не солгал. Маляр, послѣ того, как они швырнули ему его сахарин, завопил:

— Господа, у меня имѣется этого сахараина еще на шесть тысяч крон. Я схожу с ума. Я получил его от одного типографа. И я рассчитаюсь с ним, с этим обманщиком и мистификатором.

Типограф встрѣтил шествіе очень скромно. Он смиренно выслушал ругань маляра, закончившаго утверженіем, что он жулик и вор и что его слѣдует посадить в тюрьму.

— Сударь, — воскликнул маляр, — вы сами для себя напечатали виньетки, и вы нам выдадите подписку в том, что вы возмѣстите нам всѣ убытки, причиненные вашим проклятым сахараином.

— Я охотно дам вам подписку в чем угодно, — замѣтил типограф, — но обращаю ваше вниманіе на то, что я купил сахарин у комиссіонера Елинека. Я не знаю его мѣстожительства, но его можно встрѣтить послѣ обѣда в кафе «Арко».

Они отправились к Елинеку и вызвали его из кафе. Он прервал поток ругани, извергаемый маляром, заявив:

— Я знаю, что этот сахарин оказался поддѣлкой. Вчера меня уже поколотили один кондитер и один

аптекарь, которые кушили его у меня. Если вы намѣреваетесь сдѣлать со мною то же, то я прошу вас пройти в сѣни, чтобы избѣжать публичнаго скандала. Но увѣряю вас, я не виноват. Я получил этот сахарин от Херля из Жижкова.

— Ладно, — возразил маляр, — пойдем к этому самому Херлю. И горе ему.

Им отворил дверь элегантно одѣтый господин и попросил их подождать в передней, под предлогом, что комната не убрана. Затѣм, замѣтив среди присутствующих Венцига, он попросил их пройти в комнаты.

— Чѣм могу служить, господа? — привѣтливо осведомился он, — прошу вас, присядьте.

— Сударь, — закричал маляр, — вы — плут, вы — обманщик, вы — негодяй. Вы обокрали нас.

— Господа, — отвѣтил спокойно Херль, — ведите себя прилично, вы у меня в домѣ. Да, я обманул вас. Я выпустил в обращеніе этот сахарин и готов в этом признаться.

— Вы плут... Вы мошенник... Вы негодяй...

— Господа, — продолжал попрежнему невозмутимый Херль. — Я вам уже указал на то, что вы находитесь в моей квартирѣ, и что вам надлежит вести себя пристойно. Я охотно готов признаться в том, что этот сахарин изготовлен мною. Ну, что-ж, я обманул вас. Но каждый устраивается так, как он может. Мнѣ пришла в голову идея зарабатывать деньги подобным образом. Если вам угодно — донесите на меня, но вам придется расхлебывать эту кашу вмѣстѣ со мною. А я и впредь буду продавать вмѣсто сахара все, что мнѣ угодно. Если кто-



нибудь из вас утверждает, что в моем сахаринѣ имѣется гипс, то он прав. В моем сахаринѣ вы найдете также и поваренную соль, и известку. Одним словом, в нем вы найдете все то, что мнѣ попадалось под руку. А с сегодняшняго дня я собираюсь примѣшивать к нему мѣл, о чем и довожу до вашего свѣдѣнія. Больше мнѣ не о чем разсуждать с вами. Попрошу лишь господина Венцига задержаться у меня, — мнѣ он извѣстен в качествѣ порядочнаго человѣка. А всѣх прочих господ я попрошу удалиться. Мнѣ некогда — мнѣ надо еще сегодня отослать большую партію сахарина. Вы попались, и я полагаю, ничего не будете имѣть против, если попадутся и другіе.

Этот неожиданный оборот дѣла ошеломил всѣх.

Маляр попытался что-то возразить, но очутился за дверью. Остальные удалились добровольно.

Лишь Венциг остался у Херля. Херль предложил ему закурить и затѣм послѣ нѣкотораго молчанія, заговорил:

— Вы порядочный человѣкъ, и мы могли бы с вами работать вмѣстѣ. Я не хочу, чтобы вы потерпѣли ущерб, и я готов вам за десять кило моего сахарина дать полкило настоящаго сахарина. Тѣм самым ваши потери сведутся всего лишь к трем тысячам кронам. Угодно вам сигаретту?

И Венциг вернул ему десять килограммов сахарина его издѣлія, получив взамѣн полкило настоящаго сахарина в оригинальной упаковкѣ.

Полный смутных предчувствій, Венциг рѣшил дома испробовать этот полученный от Херля сахарин. И сахарин оказался мѣлом.

Когда при слѣдующей встрѣчѣ Венциг упрекнул Херля в том, что он обманул его, тот спокойно отвѣтил:

— Измѣните закон 1899 года, запрещающій продажу сахара, и я даю вам слово, что я прибѣгну къ иным способам пропитанія...



## Олух.

Профессор Вейхсельбаум мыслил необыкновенно логично. Как-то, как раз в то мгновение, когда он размышлял над тѣм, что он будет дѣлать, если случится землетрясеніе, он столкнулся с дамой, проходившей в сопровожденіи господина мимо кафе «Уніон».

— Олух, — бросил ему супруг дамы. Не долго думая профессор Вейхсельбаум потребовал:

— Повторите пожалуйста еще раз то, что вы сказали. Быть может я невѣрно разслушал.

— Я сказал вам, что вы олух.

— Ладно, — возразил профессор, — вы утверждаете, что я олух. Иными словами, вы хотите сказать, что я совершил неловкость. Неловкость эта в нѣкотором родѣ недостаток, достойный презрѣнія. На того, кто достоин презрѣнія, взирают сверху вниз. Тот, на кого взирают сверху вниз, находится внизу. Значит, вы считаете меня существом, стоящим на низшей ступени развитія. Вы подвергаете сомнѣніям степень моего развитія. Этим вы оскорбляете меня и слѣдствіем этого оскорбленія явится жалоба, которой будет предшествовать выясненіе вашего имени. Гдѣ полицейскій? Вы насмѣхаетесь надо мной? Ладно.

Вокруг них собралась толпа: прохожіе, собаки, телѣги, трамваи и коляски остановились, а он про-

должал выяснять фамилію обидчика. Вечером он удовлетворенно присѣл к своему письменному столу и принялся за полное, систематическое и логичное изложеніе распорядка завтрашняго утра.

«В семь часов я встаю. В восемь я завтракаю. В девять читаю газету. В десять часов я выхожу из дому и иду в кафе. В четверть одиннадцатаго я прошу подать мнѣ список всѣх адвокатов города. К одиннадцати часам я выбираю из описки адвоката, живущаго ближе всего к кафе. В десять минут двѣнадцатаго я расплачиваюсь за кофе. В одиннадцать минут двѣнадцатаго я направляюсь к адвокату. От половины двѣнадцатаго до двѣнадцати я подаю жалобу. Возвращеніе домой. Обѣд. Довольство. Удовлетвореніе.»

Все это он и продѣлал на слѣдующій день и недѣлю спустя купец Кадлец предстал перед судом, обвиняясь в том, что он оскорбил профессора Вейхсельбаума, обозвав его «олухом».

Адвокат Кадлеца предложил сторонам примириться, но профессор рѣшительно отказался от этого.

Он принес с собой ряд сочиненій, из которых явствовало, что обращеніе «олухъ» явно оскорбительно.

— Господин судья, — сказал профессор, — достаточно углубиться в исторію франко-прусской войны. Послѣ сраженія под Седаном французскаго генерала Мак-Магона называли «олухом». И слѣдствіем этого было то, что генералу пришлось предстать перед военным судом. Его приговорили к смерти, а затѣм амнистировали. Но я не говорю об



амнистiи, я имѣю в виду только осужденіе его, вынесенный ему приговор. Из этого слѣдует логически: «Олух — значит, вас разстрѣляют». Таким образом господин Кадлец пригрозил мнѣ разстрѣлом.

Поэтому я обвиняю его не только в оскорбленіи, но и в том, что он угрожал мнѣ смертью. Но ближе к дѣлу. На страницѣ 189 романа Льва Толстого «Анна Каренина» описана слѣдующая сцена: слуга опрокидывает на платѣ одной из дам тарелку с супом. И что отвѣчает дама? «Вы — олух.» И всѣ смѣются. Платѣ дамы испорчено, слуга вызывает всеобщее презрѣніе, дама плачет. Слугу выбрасывают вон. Слуга стал опустившимся субъектом. Я представляю врачебное свидѣтельство, выданное мнѣ доктором Покорным, в том, что я духовно и тѣлесно здоров и не являюсь опустившимся субъектом. Далѣе — в древней Спартѣ олухов топили. Олухами называли киноцефалов, то-есть людей с собачьими черепами, что явствует из комментаріев профессора Кралля к «Иліадѣ» в изданіи для средней школы. Я представляю фотографію и отзыв свѣдущаго в искусствѣ лица, который гласит: «Господин профессор Вейхсельбаум нормальнаго роста и обладает интеллигентной внѣшностью. Он представляет собою скрещеніе терманской расы с благородным славянским типом». Далѣе, когда мнѣ минуло восемь лѣтъ, я вышел погулять в новом своем костюмчикѣ. Переходя через ручей, я поскользнулся и упал. При этом я зацѣпился за гвоздь и повис на нем. На мои крики прибѣжала моя мать, которая освободила меня и сказала мнѣ: — «Ты —

маленькій олух». Вот именно «Маленькій олух». И всѣ дѣти смѣялись надо мной.

Едва профессор договорил эти слова, как он замолчал и поблѣднѣл. На мгновеніе воцарилось молчаніе, а затѣм он обратился к Кадлецу и заявил послѣднему твердым голосом:

— Вы правы. Я об этом не подумал. Если в восемь лѣтъ я был маленьким олухом, то в сорок восемь лѣтъ, логически мысля, приходится признать, что я большой олух. Поэтому я беру свою жалобу обратно и прошу извинить меня за беспокойство.

И довольный, удалился он из суда. Вернувшись домой, он занес на бумагу слѣдующую формулу:

8 лѣтъ — маленький олух.

48 лѣтъ — большой олух.



## Я отряхаю прах со своих ног.

### I.

4 декабря — тысяча восемьсот пятьдесят лѣтъ послѣ разрушенія Іерусалима, четыреста двадцать лѣтъ послѣ открытія Америки, а если вам и этого недостаточно, то пятьсот сорок лѣтъ послѣ изобрѣтенія пороха — покинул я Совѣтскую Россію и очутился на границѣ Эстоніи.

Я присоединился к эшелону военноплѣнных, возвращавшихся из Россіи.

Изношенные сѣрые шинели стараго австрійскаго образца, потертые ранцы и мѣшанина языков и нарѣчій всѣх народов рухнувшей двуединой монархіи.

На воротах карантиннаго лагеря красовались надписи на венгерском и на нѣмецком языках, и там же развѣвались національные флаги всѣх народов, за исключеніем славянских народов.

Ворота заперлись за нами и на четыре дня нас помѣстили в карантин. Никто не смѣлъ отлучиться в город.

Затѣм на площади началось переселеніе народов. Кто-то выкрикнул на нѣмецком языкѣ:

— Граждане венгерской республики, направо, австрійцы направо, чехословаки на середину, румыны — к воротам.

Поднялось смятеніе. У входа в канцелярію

стоял юнкер и плакал. Один из чиновников Краснаго Креста разспрашивал его о том, к какому государству он принадлежит.

Его отвели в канцелярію и подвели к географической картѣ. Послѣ долгихъ поисковъ удалось обнаружить на картѣ мѣстечко Колошвар и установить, что, согласно Версальскому миру, юнкер отнынѣ стал румыномъ.

## II.

Карантин и канцелярія Краснаго Креста раскинулись на площади старой Нарвской крѣпости, воздвигнутой крестоносцами во времена, когда они огнемъ и мечомъ завоевывали Прибалтійскій край.

Крѣпость эта в настоящее время превратилась в развалину: нѣсколько разъ ее разрушали шведы, пытавшіеся прогнать нѣмцевъ изъ Нарвы; затѣмъ ее уничтожилъ Петръ Великій, изгнавъ изъ Нарвы шведовъ. Дальнѣйшія подробности вы найдете въ Энциклопедическомъ словарѣ. Во время гражданской войны немало снарядовъ красныхъ и бѣлыхъ оставили слѣды на крѣпостныхъ стѣнахъ.

И, наконецъ, разрушеніе довершилъ Красный Крестъ, пытавшійся приспособить помѣщенія крѣпости для нуждъ безчисленныхъ плѣнныхъ, возвращавшихся изъ Россіи. Въ прежнихъ рыцарскихъ залахъ были сооружены отхожія мѣста, лишенныя канализаціи, и даже крѣпостныя башни превратились въ различные склады. Во всей крѣпости царитъ образцовая грязь.

Красный Крестъ, на который американцы жертвуютъ столько денегъ, носитъ здѣсь совершенно нѣмец-



кій облик. В Нарвѣ он производит впечатлѣніе хорошо налаженнаго коммерческаго предпріятія.

Сестры торгуют кофе и колбасой. Кофе этот продается в консервированном видѣ и должен был бы безвозмездно распредѣляться между возвращенцами. А колбасу онѣ покупают за пять марок и продают ее за двадцать пять эстонских или сто двадцать романовских рублей, или триста двадцать «керенками», или тысячу совѣтских рублей.

Но что до всего этого какому-нибудь тирольцу, отбывающему сегодня с эшелоном на родину?

В «Солдатском домѣ» имѣются только нѣмецкія газеты. Только я собрался почитать их, как во дворѣ поднялся отчаянный шум и суматоха. Оказывается, один из мадьяров спрыгнул с башни в крѣпостной ров.

Я вышел на двор и увидѣл, что несчастный, бросившійся с башни в ров, был никѣм иным, как капитаном Хараньи, из восемнадцатаго Гонведскаго полка. Бѣдняга стал жертвой ряда неудачных финансовых спекуляцій. В Москвѣ — на Сухаревкѣ — он продал свои штаны за сто двадцать тысяч, свою куртку за восемьдесят тысяч, а всего он выручил двѣсти тысяч совѣтских рублей.

Так как до его слуха дошло, что по ту сторону границы совѣтскія деньги не котируются и не имѣют цѣны, он надумал обмѣнять их на «романовскія» и накупил царских десяти- и пяти-рублевок из расчета тысяча «царских» за пятьдесят тысяч «совѣтских».

Таким образом он оказался обладателем четырех тысяч романовских рублей. Затѣм кто-то шеп-

нул ему, что Врангель разбит, и что поэтому романовскія деньги утратили свою цѣнность и что в цѣнѣ «керенки». Узнавъ об этом, он обмѣнялъ свои четыре тысячи «романовскими» на двѣ тысячи «керенками». Къ его великому ужасу, за эти «керенки» ему предложили в Нарвѣ всего лишь четыреста эстонских марок. Эстонскія марки он обмѣнялъ на нѣмецкія и за четыреста эстонских марок получил восемьдесят нѣмецких марок.

Затѣм он снова обмѣнялъ нѣмецкія марки на совѣтскія деньги и получил за них восемь тысяч совѣтских рублей. На слѣдующій день курс совѣтских денег снова понизился, и он, обмѣнявъ эти восемь тысяч на нѣмецкія деньги, получил только сорок марок. Во вторник он предпринялъ новую спекуляцію и обмѣнялъ свои сорок нѣмецких марок на «романовскія», а в среду, оставшись всего лишь с одной эстонской маркой, он бросился с крѣпостной башни в ров.

Самоубійцу похоронили у крѣпостной стѣны, а утром мы отправились в Ревель.

### III.

Проѣхать из Нарвы в Ревель не так-то просто. Надо пробраться через цѣлую систему предохранительных и запретительных мѣропріятій. Прежде всего приходится раздѣться донага и сдать свою одежду и обувь в дезинфекціонную камеру.

И при этом никто вас не предупреждает о том, что кожаныя вещи, как то: обувь и бумажник, подвергаются порчѣ в дезинфекціонной камерѣ. Так, напримѣр, один бѣдняга сдал в дезинфекціонную



камеру свою обувь и бумажник, в котором находилось пятьсот романовских «Петров». Из дезинфекционной камеры ему вернули какой-то неотдѣлимый клубок, — распаренная бумага и кожа склеились и превратились в какую-то единую безформенную массу.

А что касается обуви, то оказалось невозможным установить, во что собственно она обратилась послѣ дезинфекціи — настолько загадочен был ея вид. Ошеломленный бѣдняга печально взирал на два безформенных комка, в которые обратилась его обувь и все его состояніе.

Наконец - то удалось послѣ дезинфекціи и купанья приступить к провѣркѣ по спискам тѣх, кому надлежало в тот же вечер отправиться в Ревель. Румынскія, чешскія и венгерскія фамиліи оказались для эстонцев непосильным ребусом.

Произошло множество недоразумѣній. Вызывают: — «Іезеф Нефех». Никто не откликается. Тщетно ищут его между турками, румынами, и никому не приходит в голову, что это не кто иной, как Іосиф Новак, тщетно ожидающій в группѣ чехов, когда придет его черед выкрикнуть во всю глотку: «Здѣсь». Очень возможно, что этот Новак по сіе время дожидается этого в Нарвѣ.

Затѣм наступает слѣдующая эра: борьба за консервы. Они выдаются по одной банкѣ на двоих. Раздача происходит без всякой системы. Альтруистическіе принципы загнаны куда-то в угол. Тщетно бы вы стали искать хоть одного обладателя банки консервов, который вздумал бы подѣлиться ею со вторым ея обладателем. И тогда второй облада-

тель банки, не получив своей доли, становился в очередь в надеждѣ, что и ему удастся получить цѣлую банку. Послѣ закрытія склада каптенармусу предстояло разрѣшить слѣдующую математическую задачу:

Сегодня отбывают семьсот двадцать шесть возвращенцев. Считая по одной банкѣ на двоих, подлежало выдачѣ триста шестьдесят восемь банок, а на самом дѣлѣ розданными оказались пятьсот шестнадцать банок.

#### IV.

Для того, чтобы покрыть разстояніе в сто семьдесят километров, отдѣляющих Нарву от Ревеля, приходится затратить два дня.

Эстонскія власти на нѣскольких станціях обыскивали эшелон, не позволяя никому покидать вагонов, и поэтому поѣзд походил на вулкан.

Особенно продолжительная задержка произошла в эстонском селеніи Игератис, в котором заполнявшіе послѣдніе три вагона румыны и мадьяры открыто выразили свое недовольство. Они окружили уполномоченнаго Краснаго Креста и бурно потребовали от него хлѣба.

При этих обстоятельствах мнѣ пришлось поближе познакомиться с нѣким инженером Іошкой. До того времени, не замѣченный никѣм и никѣм по достоинству не оцѣненный, он находился в седьмом вагонѣ, занятом австрійскими нѣмцами. Никто и не подозревал, что этот человек окажется таким «идеалистом».

Он встал рядом с представителем Краснаго Кре-



ста, на котораго со всѣхъ сторонъ насѣдали плѣнные, и возвѣстилъ проповѣдническимъ тономъ:

— Господа, помилуйте, я дивлюсь тому, что вы такъ громко кричите. Вспомните о томъ, что мы находимся заграницей, что мы в гостяхъ у эстонцев! Что они подумаютъ о насъ? Какого они будутъ о насъ мнѣнія?

— Хлѣба! — ревѣли румыны.

— Но, господа, — успокаивалъ инженеръ, — потерпите, имѣйте терпѣніе и не учиняйте насилій. Покажите эстонцамъ, что мы умѣемъ вести себя достойнымъ образомъ. Подумайте о томъ, что скажутъ о насъ эстонскіе ребяташки, если они, возвращаясь изъ школы, замѣтятъ наше поведеніе.

По толпѣ военноплѣнныхъ пробѣжало сообщеніе, что инженеръ замѣшанъ во всю эту исторію съ кормежкой, и что у него въ вагонѣ имѣется столько хлѣба, что имъ топятъ печь.

Уполномоченный Краснаго Креста использовалъ наступившее замѣшательство, вызванное нападеніемъ на инженера, и скрылся. Атмосфера разрядилась. Пара эстонскихъ солдатъ равнодушно взирала на то, какъ плѣнные учинили надъ инженеромъ расправу и какъ онъ затѣмъ предоставленный самому себѣ, съ трудомъ забрался въ свой вагонъ.

Уполномоченный Краснаго Креста, котораго спасла самоотверженность инженера, почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ что-нибудь сдѣлать для голоднаго эшелона. Онъ вступилъ въ переговоры съ эстонскими властями и потребовалъ, чтобы для эшелона сварили хотя бы супъ.

Его старанія въ концѣ концовъ увѣнчались успѣ-

хом. Как только он заговорил о супѣ, немедленно же заработали телефоны, и было получено распоряженіе срочно продвинуть нас далѣе. А представителю Краснаго Креста было заявлено, что супом нас накормят на станціи Игва. Мы ѣдем в Игву и узнаем там о том, что в Игвѣ нам супа не дадут, потому что в Меригельѣ нас накормят обѣдом.

Станціонная администрація в Меригельѣ немедленно же отправляет нас далѣе, сообщая нам о том, что на станціи Вейнемайе нас одновременно накормят и обѣдом, и ужином.

К чести моих спутников, приходится признать, что господина, который принес нам это извѣстіе, пришлось отправить в больницу. А мы поѣхали дальше. На станціи Вейнемайе мы даже и не остановились, и если в поѣздѣ и был кто-нибудь, кто полагал, что тому господину на станціи Меригелье влетѣло напрасно, то теперь и он измѣнил свое мнѣніе.

К ночи наш поѣзд приблизился к Ревелю. Находившіеся в нем люди были готовы на все. Среди нас царило такое настроеніе, что разграбленіе Ревеля казалось болѣе чѣм вѣроятным.

Один лишь инженер не утратил своего оптимизма и полагал, что хоть в Ревелѣ нас накормят.

Безостановочно болтал он о гармоніи красоты, о благах прогресса и о надеждѣ, возвышающей человечество над всѣм земным.

Нѣсколько угроз заставили инженера закутаться в пальто и замолчать. Молчал он до станціи Кульмэ, гдѣ всѣм пассажирам эшелона пришлось принять участіе в возобновленіи запасов торфа и



горючаго матеріала. Послѣ того, как пассажиры вернулись с добычей в свои вагоны и в печурках заиграл яркій огонь, инженер снова заговорил:

— Если мы уничтожаем предмет нам непринадлежащій, то это воровство. И о каждом, кто совершает что-нибудь подобное, говорят: он ворует. Мы всѣ несем отвѣтственность за содѣянное. И если я хотя бы только грѣюсь у печки, натопленной краденым торфом или дровами, то и я виновен.

Из развернувшихся послѣ его заявленія преній выяснилось, что он никакого участія в экспедиціи за топливом не принимал и что тѣм самым он не имѣет никакого права на пользованіе теплом. Если он хочет находиться в теплѣ, то ему надлежит воровать. «По одежкѣ протягивай ножки».

И дверь отворили и инженера вытолкали наружу. Было двѣнадцать градусов холода, и вскорѣ он вернулся с полѣном дров.

— Я взял непринадлежащую мнѣ вещь. Я — вор, — сказал он.

И он был совершенно прав. В то мгновеніе, когда поѣзд должен был подкатить к ревельскому вокзалу, он неожиданно завернул и, описав большую дугу, направился к порту, оставив в сторонѣ город, в котором мы должны были получить во-первых, обѣд, во-вторых — ужин и в третьих — завтрак.

Поѣзд с все возрастающей скоростью удалялся от города, унося нас к морю. Но никто не обращал вниманія на море, — взгляды всѣх были устремлены назад, на город, гдѣ за песчаными дюнами трусливо скрывался Ревель.

А через полчаса с дикими воплями и выкриками «ура» ринулись мы на транспорт «Кипр».

## V.

Команда «Кипра» — все старые морские волки — не долго возилась с нами. То, что произошло, сильно напоминало счет стада пастухом. Пастух хватает одну овцу за другой и швыряет ее в загон. Мы поочереди проходили через вертушку и, подталкиваемые мускулистыми руками матросов, опомнились только тогда, когда оказались на нижней палубѣ. Не прошло и получаса, как весь транспорт оказался накормленным, размѣщенным и снабженным продовольствіем.

К инженеру вернулось его самообладаніе, и он снова пустился в разсужденія:

— Прежде чѣм мы тронемся в путь, мы должны будем сняться с якоря. А прежде чѣм мы снимемся с якоря, нам придется развести пары. Если бы мы находились не на пароходѣ, а на парусникѣ, то нам пришлось бы ожидать попутнаго вѣтра. Без вѣтра парусник не может плыть, так же, как автомобиль не может передвигаться без бензина.

«Кипр» обмѣнивается сигналами с маленькими катерами портового управленія, и мы выходим в море. Берега Эстоніи окутаны в туман, словно говорят нам: «Не стоит смотрѣть на нас. Все равно ничего хорошаго вы у нас не испытали».

Я знакомлюсь с надписями, красующимися на палубѣ. Им нельзя отказать в остроуміи:

«Если кто-нибудь замѣтит на пароходѣ пожар, то ему надлежит немедленно довести об этом до свѣдѣнія перваго офицера».



«Вход на капитанскій мостик частным лицам воспрещен».

«Ключ от кладовой со спасательными приборами находится у второго офицера, до свѣдѣнія котораго надлежит довести о каждом несчастном случаѣ».

Я дѣлаю приписку: «А если пароход начнет тонуть, то об этом надлежит довести до свѣдѣнія капитана.»

Я бросаю взгляд в буфет и отступаю назад, словно нѣчто поразило меня в самое сердце. Я прочел надпись: «Распитіе спиртных напитков строго воспрещается.»

Гдѣ они, эти старые пьяницы, морскіе волки Кипплинга, гдѣ их пѣсни и восклицанія? Гдѣ волшебныя чары морского рома, виски и трюга?

Вмѣсто этих напитков здѣсь торгуют солодовым пивом, лимонадом, сладостями и шоколадом, словно мы не на пароходѣ, а на прогулкѣ школьников, отправившихся за город под наблюденіем школьнаго учителя.

Над морем вьются чайки, онѣ опускаются на воду, ныряют.

Инженер со своей свойственной ему мудростью замѣчает:

— Эти чайки носят названіе смѣющихся чаек, потому что их крик походит на человѣческій смѣх.

Мы проплываем мимо какого-то острова, и инженер заявляет:

— Это остров, потому что этот клочок суши окружен со всѣх сторон водой... Если бы он хоть

с одной стороны соприкасался с сушей, то это был бы полуостров.

Вокруг инженера образуется группа слушателей.

— Море богато рыбой, и рыболовство — единственное средство к существованію рыбаков. Рыбы пожирают друг друга — если бы онѣ этого не дѣлали, то онѣ бы подошли с толоду. Море глубоко. Акулы пожирают пловцов. Вода в морѣ — соленая.

Слушатели подняли инженера, и он повис над морем. Инженер закричал:

— Если вы меня бросите в море, я утону.

Кто-то приносит ведро морской воды и окатывает инженера. Затѣм его уводят в топку сушиться. Он настолько поражен всѣм происходящим, что теряет дар слова и не дѣлает никаких замѣчаній. Лишь во время ужина он приходит в свое обычное состояніе и замѣчает:

— Горох сохраняет свою круглую форму даже в вареном видѣ.

В супѣ нас пріятно поразило наличіе сушеных слив, крупы и селедочной икры.

Большинство из нас предварительно поѣло в буфетѣ холодных мясных консервов, шоколада, марципан, маринованных селедок и сардинок, запив все это лимонадом и солодовым пивом.

Какая основательная подготовка к морской болѣзни, гдѣ-то подкарауливавшей нас в открытом морѣ!

Небо покрылось тучами. На островѣ Силгит загорѣлись огни маяков. Подул сѣверо-западный вѣ-



тер. И когда мы покинули бухту, в пароход стали ударять большія волны.

«Кипр» выплясывал на волнах такой лихой кэк-уок, что нам всѣм вскорѣ стало не по себѣ. Всѣх обуяла одна и та же мысль — всѣ пассажиры, без различія національности, убѣжденій, соціального положенія, схватились за животы.

Всѣ писатели, говоря о морской болѣзни, прикидываются героями. Всѣх тошнило; не тошнило только одного господина писателя. Я в данном случаѣ являюсь достойным исключеніем.

Я ничѣм не отличался от остальных.

И восходящее солнце застало нас в одном и том же положеніи — всѣ мы склонились над перилами парохода.

Рядом со мной стоял инженер и, наклонив голову к водѣ, шептал:

— На сушѣ морской болѣзни не существует.

А я был настолько слаб, что не нашел в себѣ достаточно силы для того, чтобы перекинуть его за борт...

## VI.

Практическое прохожденіе через всѣ этапы, именуемые морской болѣзнью, длилось полтора дня. На борту парохода было очень грустно, потому что никто, даже капитан, не знал куда мы идем.

Капитан утверждал, что судно должно плыть наперерѣз волнам, и никто против его утвержденія не возражал, но стоило только направить пароход наперерѣз волнам, как мѣнялся вѣтер, и волны начинали бить в другом направленіи. Снова прихо-

дилось мѣнять курс, и мы плясали вокруг волн, как пиратское судно вокруг берега.

Капитан успокоил нас завѣреніем, что все это пустяки, и сослался на случай из своей практики, когда ему пришлось вот таким образом плясать на волнах в теченіе двух недѣль, несмотря на то, что рейс был не из больших и пароход плыл всего-навсего из Данцига в Ригу. Нам же предстоял рейс из Ревеля в Штеттин.

Постепенно мы свыкались с морской болѣзнью и даже вошли во вкус знаменитаго нѣмецкаго супа с сушеными сливами и разваренной селедкой.

Утром инженер поднялся на палубу и завопил: «Земля, земля.»

Мы освѣдомились у капитана, гдѣ мы собственно находимся. Послѣ долгих поисков на картѣ и не менѣе длительных измѣреній он заявил, что мы находимся гдѣ-то близ датскаго или шведскаго берега.

Примѣрно тѣми же словами, как и инженер, привѣтствовал землю матрос с колумбовскаго корабля, отправившагося открывать Америку. Инженер заучил это сообщеніе историков наизусть и, рѣшив примѣнить историческія слова, вторично закричал: «Земля, земля!»

Утвержденія капитана о том, что мы находимся вблизи одного из названных им королевств, особой увѣренностью не отличались. С тѣм же успѣхом, — заявил он, — мы могли находиться недалеко от островов, принадлежащих какой-нибудь третьей державѣ.

Этот исчерпывающій отвѣтъ на вопрос, гдѣ мы



находимся, вызвал всеобщее волненіе. Одна из женщин зарыдала и принялась причитать, что нам не суждено больше увидѣть нѣмецкій берег.

Но этим дѣло не кончилось — мы взяли курс на юго-восток, затѣм на сѣверо-восток, затѣм на сѣверо-запад и в концѣ концов на юго-запад.

Инженер, примостившись на мѣшкѣ с соломой, сообщал слѣдующія новости:

— При помощи компаса люди могут избирать определенное направленіе, как-то: сѣвер, восток, юг и запад. На сѣверѣ находится сѣверный полюс, а на югѣ южный полюс.

Женщина, расплакавшаяся при вѣсти, что мы попали не то в Данію, не то в Швецію, забилась в истерикѣ и закричала, что она не хочет на сѣверный полюс и что она боится.

Но даже это не вывело инженера из его спокойствія. Он продолжал:

— Восточнаго или западнаго полюса не существует. Существуют только два полюса — сѣверный и южный. Мы находимся в сѣверном полушаріи, а если бы мы жили в Австраліи, то мы бы находились в южном полушаріи. Земля кругла и вертится вокруг своей оси.

Затѣм он выпил стакан солодоваго пива и, преслѣдуемый враждебными взглядами, мирно улегся спать.

Ночью вѣтер ослабѣл, и «Кипр» спокойно поплыл в назначенном ему направленіи.

Послѣ обѣда на горизонтѣ показался лѣсистый берег, и до заката мы достигли Свинемюнде с его

маяками, рыбацкими поселеніями, заброшенными купальнями и казармами моряков.

Крупнѣйшій военный порт Германіи, гордость Германіи, производил залущенное впечатлѣніе. Военныя укрѣпленія, так же как и ряд военных судов, были взорваны, и в тавани виднѣлись их останки.

Наш корабль вошел в канал, соединяющій порт со Штеттином, что дало повод инженеру замѣтить слѣдующее:

— Не будь Одера, Штеттин перестал бы быть самым крупным портовым городом Восточной Пруссіи. Нам пришлось бы ѣхать сюда поѣздом, а не плыть на пароходѣ. Не будь здѣсь моря, нельзя было бы здѣсь строить пароходы. И поэтому мы можем смѣло сказать, что для Штеттина Одер — дар свыше.

Одрик якоря отвлек нас от этихъ разсужденій. Мы стали ожидать прибытія санитарной комиссіи.

Когда комиссія прибыла, она принялась нас осматривать по одиночкѣ. Никакихъ штук особенно долго не разводили. Каждый высывалъ язык, и этимъ дѣло ограничивалось.

Послѣ того, какъ всѣ военноплѣнные показали комиссіи язык, послѣдняя почувствовала себя удовлетворенной и удалилась. Оркестр на берегу заигралъ: „Heil dir im Siegeskranz“, и мы поплыли по Одери. Мы направлялись в столицу Помераніи.

К о н е ц .